

ПОДВИГ СТАЛИНГРАДА БЕССМЕРТЕН

В. М. ИОНОВ

НЕПРИСТУПНЫЙ БАСТИОН

ПОДВИГ
СТАЛИНГРАДА
БЕССМЕРТЕН

В. М. ИОНОВ

НЕПРИСТУПНЫЙ БАСТИОН

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЛГОГРАД 1977

Владимир Михайлович Попов

ОТ АВТОРА

Говоря о битве за Сталинград, невольно вспоминаешь Мамаев курган, Дом Павлова, завод «Красный Октябрь», «Остров Людникова», Лысую гору. Если Сталинград вполне обоснованно называют крепостью на Волге, то перечисленные пункты тем более достойны именоваться бастионами и редутами этой крепости. Каждый из них обороняли люди дивизий, превратившие мирный город в неприступную крепость.

Одним из наиболее грозных бастионов Сталинграда являлся завод «Красный Октябрь», который отстаивала наша 39-я гвардейская стрелковая дивизия. Три вражеские дивизии пытались прорваться здесь к Волге, а добились лишь того, что перестали существовать как боевые единицы.

Прежде чем начать рассказ о боях, о подвигах бойцов, отражавших натиск врага, мне хочется привести характеристику, данную нашей дивизии маршалом В. И. Чуйковым в его книге «Начало пути». Вот что он пишет: «39-я гвардейская стрелковая дивизия много дней обороняла завод «Красный Октябрь»; ее бойцы отступления не знали. Сам Гурьев не уходил со своего командно-наблюдательного пункта даже тогда, когда у самого входа рвались гранаты фашистских автоматчиков. Так было не один раз. Следуя примеру командира дивизии,

так же упорно и отважно вели себя в бою командиры полков.

Коммунисты и комсомольцы этой дивизии всегда были на месте — впереди всех, на самых опасных участках»*.

К этим словам маршала В. И. Чуйкова я считаю необходимым добавить, что наши коммунисты в таком же духе воспитывали всех бойцов, и те не отставали в подвигах от своих учителей.

---

* Чуйков В. И. Начало пути. Нижне-Волжское книжное изд-во, 1967, с. 189.

Здесь, словно сплав из лучшей стали,
Гвардейцы Гурьева насмерть стояли.

ОСЕНЬ ИСПЫТАНИЙ

Осень сорок второго вступала в свои права, но сталинградские степи еще дышали зноем. Не ослабевал и накал битвы за город. Противник нес огромные потери, все его планы трещали по швам, но он упорно продолжал рваться вперед, подбрасывая все новые и новые подкрепления.

В конце сентября тяжесть наносимых гитлеровцами ударов из центра города переместилась на поселок завода «Красный Октябрь». Положение стало угрожающим. Для усиления 62-й армии из состава северной группировки войск Сталинградского фронта в город срочно перебрасывалась 39-я гвардейская стрелковая дивизия.

Утром 30 сентября в заволжском лесу, недалеко от хутора Бурковский, командир 39-й гвардейской дивизии Степан Савельевич Гурьев внимательно слушал офицеров, докладывающих ему о результатах только что закончившегося перехода частей дивизии в новый район. После стремительного марша по дорогам Заволжья форма на офицерах была вся в пыли. Рыжая пыль опушила брови и ресницы воинов. Они стали похожими друг на друга.

Довольный докладом, генерал сказал:

— Хорошо!— потом, прищурив немного глаза, лас-

ково, по-отцовски посмотрел на стоящих перед ним людей и добавил: — Какие же вы все красивые!

— Мы в хвосте колонн двигались... Вся пыль на нас... Дышать нечем было...

— Ну, ладно. Идите, отряхивайтесь, отдыхайте.

Проводив офицеров, генерал сел на брошенное возле дуба кожаное пальто и стал читать поступившие из полков донесения. На его темно-синей гимнастерке поблескивали два ордена Красного Знамени: один — наш, другой — Монгольской Народной Республики. Награды свидетельствовали, что генерал не новичок в боевых делах. Боец 197-го стрелкового полка 22-й Кубанской дивизии во время гражданской войны, а в 1939 году при разгроме японских войск в районе Халхин-Гола он командовал стрелковым полком.

После событий в Монголии Гурьева послали учиться на штурмана в Военно-Воздушную академию имени Жуковского. Закончил учебу Степан Савельевич в 1941 году, но летать на воздушных кораблях ему не довелось: началась Великая Отечественная война, и Гурьев под Поневежисом повел в бой 10-ю воздушно-десантную бригаду. Как память об академии Жуковского у него осталась ладно сидящая на его крепкой фигуре темно-синяя гимнастерка да еще неразлучная спутница по дорогам войны, уже видавшая виды довольно потертая черная кожанка. Наши бойцы привыкли видеть Степана Савельевича на самых трудных участках и по кожанке еще издали узнавали его. Где появлялся генерал Гурьев — успех был обеспечен. Так было и в октябре 1941 года, когда десантники воевали под его руководством в районе Мценска, и в битве под Москвой, и здесь, под Сталинградом.

— Разрешите, товарищ генерал? — обратился подошедший к Гурьеву начальник строевого отделения и подал ему справку о боевом и численном составе дивизии.

— Три тысячи восемьсот один человек... — прогово-

рил генерал.— Не густо, но что поделаешь... Будем искать внутренние резервы — прочищать тылы и пополнять роты. И хотя, как говорил Суворов, «воюют не числом, а уменьем», все же лучше, если роты у нас будут более полнокровными.

Нелегко дались нам полтора месяца боев на подступах к городу. Горечь потерь боевых товарищей от вражеской авиации мы познали еще на пути следования эшелонов из Подмосковья к Сталинграду. В нашем вагоне во время одного из таких налетов осколком бомбы, упавшей недалеко от железной дороги, был смертельно ранен подполковник Н. В. Добровольский.

...13 августа к станции Иловля один за другим подходили и останавливались воинские эшелоны.

То и дело подавалась команда:

— Выходи!

Воины подразделений быстро, без суеты покидали вагоны и уходили в окрестные деревни и рощи. С одним из первых эшелонов сюда прибыл штаб дивизии, а вместе с ним — разведывательная рота.

К вечеру представитель армейского командования поставил нам боевую задачу. И ночью полки уже начали занимать намеченные для обороны рубежи. А к утру 15 августа наши части переправились через Дон и вступили в жестокий встречный бой с прорвавшимися танками и мотопехотой противника.

Несколько дней длился бой. Сражались храбро. Схватки с врагом происходили и на кручах, и в оврагах, и даже в канавах. Много людей потеряли полки. Погибли заместитель командира дивизии полковник Семен Матвеевич Ковалев, начальник штаба дивизии полковник Алексей Александрович Нетесов, командир 117-го полка подполковник Яков Федорович Чебаев и помощник начальника оперативного отделения капитан Гурий Нилович Нилов. Но лавина немецких машин была все же на время остановлена. На одной только высо-

те 232,4 мы подбили 17 немецких танков. А немцы все наступали. Передали, что со стороны станицы Трехостровской нависла угроза над флангом 117-го полка. Туда на помощь быстро перебросили свои пушки расчеты противотанкового дивизиона. Артиллеристов повел, прикрываясь невысоким холмом, комиссар дивизиона майор Николай Родионов. Снова разгоралась жаркая схватка с фашистами в низине, насмерть бились наши герои-артиллеристы. Подбили и подожгли до десятка машин. Остальные повернули вспять. И в этом бою мы многих бойцов недосчитались.

Вскоре после этих первых столкновений с гитлеровцами нашу и соседнюю 37-ю гвардейскую дивизии переместили на другой участок фронта. Командовавший тогда 1-й гвардейской армией Сталинградского фронта Маршал Советского Союза К. С. Москаленко, вспоминая о тех днях, писал: «Как не хватало нам тогда на плацдарме 37-й и 39-й гвардейских стрелковых дивизий!»*

Но как только противник прорвался севернее Сталинграда к Волге, нашу дивизию вновь влили в армию генерала К. С. Москаленко и повернули фронтом на юг для нанесения удара в направлении высоты 139,4. На этот раз сожаление уже высказал наш сосед, командир 214-й стрелковой дивизии генерал Бирюков, заявивший: «Жаль, что лишаемся такого надежного соседа, мы так хорошо с ним взаимодействовали».

...Широкая придонская степь. Кругом седая полынь да перекати-поле. Вечер тихий: ни ветерка, ни шороха. Совсем не по-военному выглядят дали, голубые, светлые. Будто мы не на передовой, а где-то на отдыхе. Так сперва кажется. На самом деле, там, где голубеет ленточка придонского леса, притаился враг, жестокий, злоб-

---

* Москаленко. К. С. На Юго-Западном направлении. «Наука», М., 1969, с. 310.

ный, мстительный и сильный, готовый в любую минуту открыть смертоносный, всепожирающий огонь. О войне, о том, что она есть, говорит изрытая, истерзанная взрывами земля. И блиндажи, и окопы тоже говорят о войне, о передовой линии.

...Утром завязался бой за высоту. Впереди с танковым десантом пошли «тридцатьчетверки». За ними довольно редкой цепью — пехота. Противник встретил атакующих плотным огнем.

Наша атака имела успех. Нам удалось не только захватить, но и удержать за собой немецкую траншею и этим выровнять фронт. И все-таки лучшие результаты имел прорвавшийся в тыл врага танковый десант. Он уничтожил одну артиллерийскую и две минометные батареи противника, разгромил на перекрестке дорог немецкую автоколонну и с небольшими потерями возвратился в свое расположение.

Десантники в этом бою потеряли двух своих товарищей: бойца-запевалу Грунина и старшего сержанта Минюшкина.

Вскоре рядом с нами развернула боевые порядки еще одна стрелковая дивизия. Мы передали ей часть своего боевого участка, и ряды наши несколько уплотнились. В ротах, батальонах и полках сразу стало оживленнее, настроение заметно улучшилось, еще выше поднялся боевой дух, наступательный порыв у солдат, командиров.

В промежутках между боями, во время короткого затишья политработники проводили беседы с бойцами, рассказывали им о тех задачах, которые были поставлены дивизии в тот момент на подступах к Сталинграду — не дать врагу возможности подтягивать новые силы, отвлекать резервы, громить его подвижные части, чтобы не смог враг наносить сильных ударов по нашим главным силам, дравшимся у стен города, на его улицах и в домах, или во всяком случае всемерно осла-

бить эти удары. И солдаты наши проявляли настоящий героизм, самоотверженность. Это в те грозные для нашей Родины дни совершили свой беспримерный подвиг в районе Большой и Малой Россошек тридцать три советских воина. В единоборстве с врагом они уничтожили двадцать семь фашистских танков. Стояли насмерть наши бойцы. Ими руководило сознание священного долга отстоять город, не дать врагу «пить из Волги воды».

Но именно в те горячие дни августа 1942 Гитлер и начальник Генерального штаба немецких сухопутных войск Ф. Гальдер (как нам стало известно позднее), считая вопрос захвата Сталинграда уже решенным, задумались над проблемой, как поступить с населением города. Решили: «Мужскую часть населения уничтожить, женскую— вывезти»*.

Смакуя предстоящую победу, они уже видели себя в далекой стране чудес — Индии. Решив поделиться радостями и грядущими надеждами со своим союзником, гитлеровцы привезли в Ростов японского военного атташе. Командующий 17-й армией фашистский генерал Руофф привел его к разрушенному мосту через Дон, в театральной позе вытянул руку в сторону Батайска и воскликнул:

«Ворота на Кавказ открыты. Близится час, когда германские войска и войска вашего императора встретятся в Индии**.

Победа им казалась так близка, что в штаб 6-й армии из Берлина прислали известного радиокомментатора Ганса Фриче, а с ним заодно художника-баталиста и даже военного коменданта Сталинграда, дабы было кому приводить в исполнение указанное выше решение Гитлера об уничтожении населения города.

---

* Гальдер Ф. Военный дневник. Воениздат, М., 1972, с. 334.

** Семиряга М. Эхо Сталинградской битвы. Нижне-Волжское книжное изд-во, 1969, с. 13.

Но Сталинград держался, хотя положение продолжало оставаться угрожающим. 3 сентября И. В. Сталин послал Г. К. Жукову телеграмму, в которой указывалось: «...Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленной помощи... Промедление теперь равносильно преступлению...»*

Выполняя эти указания Верховного Главнокомандующего, наша и соседняя дивизии ежедневно наносили ощутимые удары по флангам прорвавшейся к городу группировке фашистов. Атаковали немцев и по всему фронту, и на отдельных участках. Бои шли и днем, и ночью. Продвигаясь понемногу вперед, мы к 24 сентября вышли к разъезду 564-й километр.

И в тот же день наметили предпринять атаку, и не утром, как начинали часто, а во второй половине дня. Удар решили нанести на правом фланге, вдоль железной дороги, а на левом — продемонстрировать подготовку к наступлению путем усиленных окопных работ и сооружения ложных позиций.

Всю ночь кипела работа. Саперы разобрали старые сараи, сделали из досок и бревен десятка два «танков» и несколько артиллерийских «батарей». «Танки» и «орудия» замаскировали ветками, но так, чтобы с воздуха их было видно достаточно хорошо. Перед утром, чтобы привлечь внимание противника, по участку пустили «гулять» два трактора. У одного из них был пробит глушитель: гул от него несся по всему полю.

С рассветом в розовеющем небе над «позициями» появился двухфюзеляжный самолет-разведчик «рама», а за ним вскоре и бомбардировщики. На позиции посыпались бомбы. Пуская черные клубы дыма, загорелся один «танк», потом другой. Это было неожиданностью

---

* Великая Отечественная война. Изд-во политической литературы, М., 1970, с. 156.

даже для нас. Оказалось, что бойцы роты Садова, строившие «танки», положили в них бутылки с зажигательной смесью и куски гудрона. Поэтому, когда в «танки» попадали осколки, они загорались. Эта солдатская хитрость помогла создать полное впечатление разгрома нашей «танковой группы».

Усиленным батальоном мы на своем левом фланге произвели разведку боем. А к вечеру, после залпа «катюш», при поддержке артиллерии, на высоту «Огуречная» был брошен полк Лещинина. Пока немцы опомнились, наши бойцы уже ворвались в их траншеи. В ход были пущены гранаты и ножи. Немецкие артиллеристы, видимо, боясь поразить своих, не стреляли по высоте, вели только отсечный огонь. К наступлению темноты высота была взята. Наши потери были совсем незначительными, а немцы оставили более 120 убитых. Захватили мы до десяти станковых пулеметов и две зенитные пушки.

Все осуществилось так, как было задумано. Мы не только улучшили свои позиции, но и оказали помощь подразделениям, обороняющимся в самом городе, оттянув оттуда части 48-го танкового корпуса противника.

Бой за высоту «Огуречная» продолжался и на следующий день. А в ночь на 27 сентября по приказу Р. Я. Малиновского мы передали свой участок 316-й стрелковой дивизии и вскоре начали подготовку к переходу через Волгу в пойменную часть, расположенную к северу от Красной Слободы.

Переход длился недолго. Уже 29 сентября к нам пришло распоряжение, подписанное генералом Г. Ф. Захаровым, в котором было сказано, что с 20.00 29 сентября 39-я гвардейская стрелковая дивизия подчиняется 62-й армии. Дивизию предписывалось использовать для усиления обороны завода «Красный Октябрь». Расписавшись в получении боевого распоряжения, я попросил офицера связи, привезшего пакет, доложить гене-

ралу Захарову, что переправу в город дивизия начнет сегодня, с наступлением темноты.

Приказав начальнику оперативного отделения майору Орлову вызвать к переправе командиров частей, генерал Гурьев взял меня в свою машину, и мы поехали к берегу Волги. Там замаскировали машину в густом кустарнике, выбрали удобное место для наблюдения, откуда был виден город.

Над ним бушевало пламя. Горели жилые дома, школы, магазины, кинотеатры, склады, горели нефтехранилища. Дым застилал горизонт. Я стоял, задумавшись, пытаясь восстановить в памяти знакомую с детства картину общего вида города со стороны Волги, и не мог. Вот видны развалины складов у Соляной пристани, где-то за ними, чуть выше по склону, начинались улицы, улицы моего детства. Здесь до войны ребятишками бегали мы, запускали бумажные змеи, играли в «индейцев». Тут были у нас и джунгли, и прерии. Сейчас этих улиц не было, передо мной простиралось сплошное пепелище. Деревянные дома сгорели от бомбежек. И теперь на огромных пустырях дымились кучи углей, перемешанных с золой. Бомбежки и пожары сделали свое дело: на пустырях не угадывались даже очертания бывших кварталов. Тяжело было глядеть на пылающий город. И у меня невольно вырвался тяжелый вздох. Генерал заметил это, спросил тихо:

— Больно?

— Больно, Степан Савельевич.

— Сволочи! — только и мог сказать он.

Визуально обследовали мы весь видимый нами правый берег. Прикидывали, где можно будет высаживать десант, перебрасывать бойцов дивизии. Вскоре на наш импровизированный наблюдательный пункт прибыл командир 117-го полка Иван Дмитриевич Андреев. Доложив Гурьеву о состоянии полка, он подошел ко мне:

— Ну, что приуныл? Отстоим твой город.

— Где он, город-то? Нет его,— ответил я.

— Прогоним фрицев, отстроим новый, еще лучше прежнего.

Справа из-за кустов показались Василий Андреевич Лещинин, командир 112-го полка, Алексей Яковлевич Горячев, командир 120-го полка, и командир нашего артиллерийского полка Николай Васильевич Калашников.

Степан Савельевич Гурьев поставил частям задачи, уточнил последовательность переправы в город, указал всем на местности исходные районы сосредоточения перед переправой и время выхода частей в эти районы. Мне дал указание связаться с начальником переправы и согласовать с ним план погрузки и переброски частей дивизии на ту сторону Волги.

День быстро прошел. Наступила ночь. Безлунная, пасмурная, темная, осенняя ночь. Началась погрузка, дело шло, несмотря на темноту, организованно и споро. Отошел первый паром. Начали загружать второй. С этим паромом отправлялась группа офицеров из управления дивизии, возглавить которую было приказано мне. С нами на пароме переправлялись саперы, связисты и разведчики.

Отдали швартовы, и паром как-то незаметно оторвался от мостков. Движения не ощущалось, и только по тому, как удалялся и медленно таял за бортом берег, мы понимали, что уходим.

Вскоре все слилось в общую массу, и мы словно повисли в пространстве. Впереди тарахтел буксир, да вода плескалась у борта. В городе слышалась перестрелка. Пахло гарью. Дым, стлавшийся над водой, сгущал темноту. Вода в Волге казалась густой и черной, и лишь там, где в ней отражались отблески пожаров и взлетающих в небо ракет, она светилась холодным светом и казалась, как ртуть, тяжелой. Где-то над нами кружился и надоедливо гудел самолет. Временами в небе дымной звездой загорались ракеты, и тогда нам

думалось, что мы видны, как на ладони, но дым, стелющийся над рекой, все же скрывал нас. Когда же ракеты потухали, тьма становилась еще плотнее. Лишь впереди нее то тут, то там, а то и одновременно во многих местах пронизывали, словно искры блесток на черном бархате, огневые вспышки. Там шел бой. Наша баржа, как послушная собачонка на поводке, тащилась туда за буксиром.

Мы с начальником разведки 120-го полка Константином Ивановичем Филиным, занятые своими думами, стояли у борта. Невдалеке раздалось несколько разрывов. Один из снарядов разорвался около нашего борта. Мощный фонтан взметнулся вверх, и нас обдало ледяной водой. Тарахтящий впереди катер круто повернул вниз по реке. Паром дернуло, по всплескам воды чувствовалось, что движение ускорилось. Раздавшаяся через несколько минут новая серия разрывов легла уже дальше.

Паром продолжал двигаться.

И вот как-то неожиданно выплыли очертания берега. Высокий обрыв как бы навис над водой. На пароме все пришло в движение. Притихшие было люди сразу засуетились, задвигалось все кругом. Послышались короткие распоряжения командиров, собиравших около себя своих людей. Вскоре мы уже были на берегу. Подразделения рассредоточивались и укрывались под обрывистым берегом. С этой минуты судьбы наши слились с городом.

При выгрузке нас встретил представитель штаба 62-й армии с проводниками, которые должны были помочь нашим частям выйти в предназначенные для них районы. Мне он посоветовал занять временно под штаб полуразрушенное здание водокачки завода «Красный Октябрь», куда уже подана от штаба армии связь. Доложили по телефону в штаб армии, как проходит переправа, и начали устраиваться на новом месте.

Дав указания начальнику оперативного и разведывательного отделений штаба связаться с действующими в этом районе частями, я вернулся к переправе встречать генерала Гурьева. С третьим паромом командир дивизии не прибыл, и мы с комиссаром саперного батальона Александром Ивановичем Шульгиным забрались под перевернутую лодку и закурили. Тут нас нашел мой ординарец Миша Смирнов и сказал, что привез с собой кашу.

Занятые делами и заботами напряженных дней, мы часто забывали о еде.

— Давай, пока есть время, перекусим.

Какими вкусными показались нам куски застывшей пшенной каши с салом! Запив ее холодной, с запахом мазута волжской водой, мы снова закурили.

В темноте стал слышен шум подходящего судна. Пошли к причалу. Гурьев прибыл с работниками политотдела дивизии, штаба артиллерии и артиллерийскими разведчиками. Генерал, выслушав доклад об обстановке, сказал мне:

— Ну, веди, сталинградец, покажи, где ты тут обосновался?

Шли в темноте, осторожно пробираясь, чтобы не оступиться, по изрытому воронками берегу. Всюду валялись обрывки тросов, бревна, доски, покореженные железные балки и пустые бочки. Шедший рядом со мной Яков Иванович Дубровский — наш начальник политотдела, запутавшись ногой в проволоке, что-то пробормотал.

— Ты что, Яков Иванович? — спросил его Гурьев.

— Это чертово нагромождение!

— Ничего, немного посветлеет, осмотримся, разберемся, что к чему, и все придет в норму,— ответил ему генерал и, обращаясь ко мне, продолжил: — Надо узнать, кто тут рядом дерется с гитлеровцами, какая у них обстановка.

— Наблюдательный пункт готовится, товарищ генерал. Здесь за заводом, в поселке, обороняется 193-я стрелковая дивизия Смехотворова. Для связи с ее штабом и уточнения обстановки мною уже посланы Орлов и начальник разведки Низамов. Кроме того, недалеко от водокачки, наверху, на шлаковой свалке саперы оборудуют запасной наблюдательный пункт, копают щели. За нашими подразделениями, выходящими сейчас в намеченные районы, связисты тянут связь.

Пока вели этот разговор, незаметно подошли к водокачке. Вокруг нее кипела работа. Саперы копали щели и делали укрытия. Дивизия готовилась к боям.

О своем прибытии Гурьев сразу же доложил по телефону в штаб армии, и вскоре оттуда приехали представители, чтобы проводить нашего генерала к Чуйкову. Через некоторое время, после того как командир дивизии ушел, возвратились мои посланцы — Орлов и Низамов. Они доложили, что побывали в штабе 193-й стрелковой дивизии, познакомились, нанесли там на карту обстановку, а затем выбрали в одном из зданий на западной окраине завода место для наблюдательного пункта.

Выслушав их, я распорядился, чтобы туда срочно направили для работы по оборудованию наблюдательного пункта саперов, разведчиков и связистов.

Возвратившиеся из штаба армии Гурьев и Дубровский сказали, что познакомились с Чуйковым, с его начальником штаба Крыловым и членом Военного совета Гуровым. Боевая обстановка была сложной. Нашей дивизии поставили задачу: частям выходить в намеченные районы и закрепляться.

Работа в штабе с каждым часом становилась активнее и напряженнее. По мере переправы частей и выхода в свои районы возникал целый ряд неувязок и вопросов, требующих уточнений. Около четырех часов утра я с начальником штаба артиллерии Николаем Александро-

вичем Сметаниным, начальником разведки Акзамом Низамовичем Низамовым и начальником связи Николаем Александровичем Никоновым отправились на наблюдательный пункт. С собой мы взяли радистов с радиостанциями. К переднему краю обороны были посланы артиллерийские разведчики.

Начинался первый боевой день нашей дивизии в заводском районе Сталинграда. Перед рассветом на наблюдательный пункт прибыли Гурьев, Дубровский и Калашников.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЯДЬ

С наступлением утра гитлеровцы навалились на измотанные в боях подразделения впереди стоящей дивизии. Трудно было б ей, если б не наши свежие силы. Подошедший с переправы наш 120-й полк принял удар на себя, завязался бой. Смело дрались бойцы. Не выдержал их натиска противник, отступил. Но после артиллерийского обстрела наших позиций снова пошел в атаку. И опять напоролся на стойкость советских солдат. В течение дня это повторялось трижды. И трижды фашисты отступали, оставляя на поле боя убитых и раненых.

Так состоялось наше первое знакомство с наседающим на заводской район противником. Бойцы да и мы, командиры, присмотрелись и быстро освоились с несколько непривычной для нас обстановкой. Ведь мы до этого дрались в открытой степи. Здесь же кругом развалины: полуразрушенные стены зданий, цехов, разных заводских служб. Обзор был ограничен. Зато нам было легче приспособить местность для обороны.

Решение командования дивизии — превратить участок завода в неприступный бастион — мы начали выполнять с первого дня, с первой минуты встречи с врагом. Стойко держались бойцы. Правда, встретились мы с трудностями. В первый же день боя стали ощущать

недостаток в боеприпасах. Наши тылы остались за Волгой. То, что смогли захватить с собой при переправе, быстро иссякало. Боеприпасы были на той стороне Волги. Но как их переправить? Армейская переправа работала только ночью, и поэтому едва успевали перебрасывать пополнение. Во все части дивизии разослали приказ, чтобы с первого дня бойцы учились экономно расходовать боеприпасы.

Наступал второй день. Еще затемно на наблюдательный пункт прибыл командир дивизии.

— Ну, что тут у нас творится? — с неизменной улыбкой спросил он. Мы привыкли к этой улыбке на лице командира и чувствовали себя как-то увереннее и бодрее. Выслушав доклад об обстановке, генерал обратился ко мне:

— Надо вам, Владимир Михайлович, срочно пробраться в 120-й полк, посмотреть, как они там себя чувствуют после вчерашнего. Может быть, им нужна какая-нибудь помощь. Необходимо проверить, как у них построена огневая связь между подразделениями, как обеспечен стык с правым соседом. Там, как стало мне известно, самое слабое место.

Идите, пока не появились самолеты противника, да побыстрей возвращайтесь.

Минут через сорок я был уже на наблюдательном пункте 120-го гвардейского стрелкового полка. С командиром полка майором Горячевым мы обошли всю линию обороны. Прикинули на местности, как лучше переставить подразделения, чтобы, не нарушая огневой связи, создать большую глубину боевых порядков. Находясь в ротах, я побеседовал с бойцами. Мне важно было знать их настроение. Настрой бойцов был боевым.

— Да, вчера было трудновато,— признался Горячев,— был момент, когда я подумал, устоим ли. Но когда отбили первую атаку, группа бойцов под командой сержанта Иванова бросилась вперед и захватила у

фашистов пулемет с двумя коробками патронов. Во время второй атаки гитлеровцы местами достигли нашего переднего края. Завязалась рукопашная схватка. Силы гитлеровцев иссякали, но им на подмогу приближалась вторая цепь. Наш огонь ослабевал, сказывался недостаток патронов. Я смотрел, как подходит эта, почти не несущая потерь цепь, и тревожно думал о том, как помочь батальону.

И вот в это время во фланг атакующим гитлеровцам чуть ли не в упор застрочил из трофейного пулемета выскочивший вперед и укрывшийся в яме на месте сгоревшего дома сержант Иванов. Атака захлебнулась, гитлеровцы залегли. В Иванова полетели гранаты. Одной из них он был ранен, но продолжал вести уничтожающий огонь. Когда Иванов потерял сознание, его сменил бывший с ним рядом красноармеец Константинов. От группы атакующих остались лишь жалкие остатки.

Но к концу дня в полку оставалось совсем мало боеприпасов. Наши тылы едва управлялись подвозить все необходимое нам к берегу на той стороне Волги. Тогда мы, подумав, решили организовать дополнительную доставку патронов силами боевых подразделений, находящихся во втором эшелоне. Бросили клич. Пионерами в этом деле явились бойцы 2-го батальона доброволец сталинградец Володя Харченков и Ашкир Мурзагалиев. Они подыскали лодку и на ней переправились на ту сторону Волги. С трудностями, с риском для жизни им пришлось несколько раз совершить «прогулки» по реке, над которой с утра до вечера кружили фашистские стервятники, рвались бомбы, снаряды, ухали, сея смерть, мины. Но отважные ребята выполнили свою задачу, подвезли боеприпасы, полк снова был обеспечен огневыми средствами и готов принимать на себя вражеские атаки. Пример Володи Харченкова и Ашкира Мурзагалиева нашел поддержку и в других полках.

А лодки мы нашли на берегу, правда, старенькие,

дырявые. Саперы их починили, подыскали весла. На лодках бойцы возили все, что было нужно для жизни дивизии.

А противник все не успокаивался, продолжал наносить удары, прощупывая слабые места в нашей обороне. Вели разведку боем и мы. 117-й полк одним батальоном выдвинулся вперед и вышел на улицу неподалеку от заводских руин. Разведчики захватили в плен солдата 100-й немецкой легкопехотной дивизии. Пленнный дал ценные для нас сведения о противнике, которые мы использовали.

К вечеру бой несколько стих. Улетели самолеты. Провожая глазами последнюю отбомбившуюся группу «юнкерсов», я увидел в затухающем небе стайку гусей, летевшую на юг своим привычным маршрутом вдоль богатой пищей поймы реки Волги. Долетев до города, стайка внезапно нарушила строй, затем, перестроившись, резко повернула в сторону и скрылась в вечернем небе. За шумом боя не было слышно их привычного крика, издаваемого в полете, но он, по воспоминаниям, вспыхнувшим в тот момент, почему-то отозвался в ушах. Повеяло чем-то родным, знакомым, мирным, так не похожим на ту обстановку, которая окружала нас в этот момент. Громоздились думы в голове, и чувство лютой ненависти к врагу, уже второй год терзающему нашу Родину, разгоралось все сильней.

Немного успокоившись, я принялся готовить приказ частям об укреплении позиций, усилении оборонительных работ и минировании переднего края, так как знал, что противник готовится к нанесению нового удара. Разведчики доложили, что перед линией обороны появились танки, подтвердил это и захваченный пленный.

Разрабатывая план боя, нам пришлось изрядно поломать голову над тем, как лучше расставить силы, как выгоднее использовать местность и слабые стороны в боевых порядках противника. Дело осложнялось тем,

что все это — и местность, и противник — еще так мало было изучено. Но вот, в конце концов, проект приказа готов, и оперативное отделение приступило к его размножению. Кажется, можно и закурить.

Выйдя из землянки, если можно назвать землянкой нору, наскоро выкопанную в склоне оврага, я встретил у входа Сметанина и Дубровского. Присели. Говорили о насыщенной событиями минувшей неделе. Наш разговор прервал прибывший с узла связи Орлов.

— Товарищ майор, из штаба армии только что сообщили, что нам доставят сейчас очень важный пакет. В пакете — приказ.

Время приближалось к 23 часам. Приказ действительно вскоре был доставлен. На основании его мы должны были в эту же ночь сменить части Смехотворова на участке: улица Джанкойская, Банный овраг, территория завода «Красный Октябрь». Доложили Гурьеву. Он решил: на правом фланге поставить 120-й полк, на левом, у Банного оврага,— 112-й, а в центре — 117-й полк. В 117-м не было одного батальона, его командир дивизии оставил в своем резерве.

Разрабатывать новый приказ нам, конечно, было уже некогда. Нанесли обстановку на карты. А через 20 минут офицеры штаба уже шли с приказом в части.

К 4.00 наши полки, произведя перегруппировку, вышли в указанные для них новые районы и сменили части 193-й стрелковой дивизии. Прием участков был оформлен актом.

Передний край проходил вдоль полотна железной дороги — по улицам Северная и Профинтерна. Позиции были почти совсем не оборудованы в инженерном отношении. Окопы узкие и неглубокие. Огневые точки не прикрыты, ходы сообщения не сделаны, отсутствовали заграждения. Из опыта предыдущих боев наши воины знали цену оборонительным сооружениям и маскировке. Предстояло проделать большую работу. Надо было

затемно устранить все недостатки, организовать связь, создать огневую систему, а времени до рассвета оставалось совсем немного, всего каких-нибудь два—два с половиной часа. Утром мы ждали новых атак врага.

В оставшееся до рассвета время все силы мы бросили на укрепление позиций. В помощь полкам послали роты саперного батальона, разведчиков и учебный батальон. Все отлично понимали задачу.

Наши комсомольцы явились застрельщиками соревнования между бойцами — кто лучше оборудует и замаскирует свою позицию. Они расчищали сектора обстрела, помогали саперам устраивать заграждения и ставить мины перед передним краем. Немалая заслуга в этом была политотдельцев и политработников частей и подразделений.

Ночью проверял ход оборонительных работ в 120-м полку. Проходя по участку, видел, как деловито и споро работали гвардейцы. За шумом перестрелки, а она не переставала и ночью, казалось, что бойцы работают бесшумно. Долбят стены для амбразур, копают окопы и ходы сообщения, делают укрытия, блиндажи, баррикады, завалы, маскируют свои позиции. В проблесках света от взлетающих ракет копошащиеся фигуры и возникающие от них тени казались какими-то фантастическими, сказочными богатырями.

Возвращаясь на рассвете на командный пункт, я в углу, между стен развалившегося дома, увидел минометчика сержанта Баранова, который готовил позицию для миномета. Деловито, так, как будто он строит себе дом, чтобы тот стоял долгие годы, сержант ломом долбил вздыбившиеся камни. Лом скользил в его вспотевших руках, но он не прекращал работы, пока не закончил ровнять площадку. Затем взял опорную плиту миномета, положил ее на подготовленное место и попробовал ногой — плита качалась.

— Нет, не годится,— сказал сам себе Баранов и,

взяв избитое осколками ведро, начал таскать землю. Потом снова положил плиту и, вдавливая ее в землю, приговаривал:

— Хороша постелька, как дома, на печке.— Установив на плиту миномет, он заметил, что я наблюдаю за его работой, и, обращаясь ко мне, улыбаясь, похлопал по стволу миномета своей широкой ладонью и, указывая на двух бойцов, укладывающих только что принесенные мины в нишу, устроенную под упавшей на груды битого кирпича бетонной стеной, добавил:

— Вот и все! «Пушка» моя к бою готова, и гостинцев для немчуры ребята заготовили довольно много.

Баранова я знал еще по 5-му воздушно-десантному корпусу. В боях под Мценском он был также минометчиком, только тогда в его ведении был совсем небольшой миномет-лопата, по сравнению с которым этот, надежно укрытый, восьмидесятидвухмиллиметровый миномет выглядел внушительно.

— Ну что ж, все сделано по-гвардейски,— похвалил я минометчика и его помощников,— и «пушка» ваша оправдает доверие пехотинцев, подразделениям которых вы будете помогать своим огнем.

Утром над нашими позициями появилась немецкая авиация. От самолетов отделились черные точки. По мере падения они набирали скорость и постепенно увеличивались в размерах. Гитлеровцы бомбили в основном заводской район. Несколько заходов сделали над нефтехранилищем. Горящая нефть разбрасывалась взрывом на большие расстояния. Пожар, бушующий невдалеке от нас, усиливался. Ветер трепал и рвал на куски черную завесу дыма, сквозь которую то тут, то там прорывались огромные темно-красные крутящиеся клубы пламени. Но вот несколько самолетов заходят в нашем направлении. Быстро нарастает вой сирен. Мы залегли в щелях. Несколько глухих ударов. Разноголосым хором запели осколки. Резкий толчок воздушной вол-

ны — в лицо и за воротник полетела колкая пыль. Потом снова удар, обвалившаяся стена окопа придавила ноги. Откуда-то прилетел расщепленный с конца большой кусок бревна.

Неистовая свистопляска продолжалась около тридцати минут. Самолеты ушли. Кое-как освободившись от присыпавшей ноги земли, понимая, что противник сейчас перейдет в атаку, я бросился к стереотрубе. Но что это? Козырек, под которым у амбразуры в бруствере стояла стереотруба, куда-то исчез. Исчезла и стереотруба. Метрах в пяти от места, где была амбразура, темнела огромная воронка. Рядом с ней еще, а окопы кругом осыпавшиеся. Но... в этих окопах везде шевелятся люди, помогают друг другу освободиться от земли. Все находящиеся на наблюдательном пункте командиры отделались на этот раз небольшими контузиями, ушибами и легкими ранениями. Вышла из строя одна из радиостанций, порвалась телефонная связь. Но все это было быстро восстановлено.

— Фашисты идут,—каким-то необычно спокойным голосом объявил наблюдатель. Все устремились к бойницам.

Перебегая от одной груды развалин домов рабочего поселка к другой, гитлеровцы приближались к нашему переднему краю. На мгновение наступила непривычная тишина. Но вот на врага обрушили свой огонь минометчики, затем заработали пулеметы. Один за другим падали фашисты, уцелевшие залегли. Несмотря на потери, немцы упрямо продолжали лезть вперед и уже подбирались к нашим заграждениям. Тут их почти в упор встретили уничтожающими очередями автоматчики. Немцам снова пришлось залечь. В них полетели гранаты.

Атака отбита, но на правом фланге 112-го полка гитлеровцам, наступающим вдоль Березниковской улицы, все же удалось прорваться к полотну железной дороги.

Им, видно, хотелось быстрее укрыться за насыпью железной дороги. Они не замечали угрожающего им с фланга пулемета, за которым лежал Семен Малина. Все ждали, когда заговорит его «максим». Но он молчал. Опытный, обстрелянный солдат, Семен совсем недавно стал пулеметчиком. Казалось, что хорошо освоил новое оружие, а тут растерялся и не мог определить причину задержки. Бежали секунды. Со своей позиции он видел накапливающихся у насыпи немецких солдат и, ударяя по рукоятке, тщетно пытался заставить заговорить свой пулемет.

— Растяпа! Да чего же ты!

Находившийся невдалеке от Малины комсорг Костя Рудольский, заметив неладное, быстро пополз к пулеметчику. И вот он уже в окопе. Пулемет Костя знал в совершенстве. Пригодились приобретенные в кружке Осоавиахима знания.

— Замок запасной есть? — спросил он.

— Есть.

— Давай!

Взяв новый замок, Костя быстро открыл крышку коробки, сменил замок. Передернул ленту. Поправил прицел. И застрочил по насыпи. Заметались, забегали в панике фашисты. Неся большие потери от неожиданного флангового огня, стали отползать назад.

Бой на этом участке еще не закончился, а уже опять заговорила немецкая артиллерия, снова появились вражеские самолеты, построились кругом и начали пикировать. Полтора часа длилась бомбежка наших позиций. Затем снова атака. И снова безуспешно. Не успокоившись и на этом, во второй половине дня немцы решили испытать стойкость наших бойцов еще раз. Результат был тот же...

Так прошел день 3 октября 1942 года, обычный день оборонительных боев в Сталинграде. В конце дня в нашем донесении появились строки:

«В течение дня противник трижды атаковал наши позиции. Все атаки отбиты».

При отражении третьей атаки воины 8-й стрелковой роты полка Лещинина перешли в контратаку и захватили вражескую траншею на улице Уссурийской. С ними вместе в небольшой окоп, из которого очень хорошо просматривались позиции гитлеровцев, ворвался с двумя бойцами лейтенант из минометной роты Еськов. Молодой боец Дима Вздорнов и ефрейтор Ганин быстро установили телефонную связь с огневыми позициями минометов. Еськов стал корректировать огонь.

Гитлеровцы, стремясь восстановить потерянные позиции, силами около взвода двинулись на окоп. Лейтенант и его бойцы огнем из автоматов заставили их залечь. Завязалась перестрелка. Ранили в голову наблюдателя Вздорнова, а через какую-то минуту застонал от раны и Ганин.

— Ты что?

— Ногу прострелили.. Но кость цела,— после короткой паузы ответил, хватаясь за автомат, ефрейтор.

— Димку дотащишь? — спросил Еськов, прижимая к земле очередью из автомата приготовившихся к броску фашистов.

— А как же вы? — произнес Ганин, понявший, чего хочет от него лейтенант.

— Быстро! — крикнул командир.— А я прикрою вас огнем.

Подхватив Вздорнова, Ганин короткими бросками добрался до полуразрушенной печи сгоревшего дома и скрылся за нею.

Еськов остался один. Выпустив последние пули из своего автомата, он взял телефонную трубку и вызвал огонь на себя. Пока он подавал команду, гитлеровцы снова бросились вперед. Еськов схватил лежащий невдалеке автомат Вздорнова и открыл огонь по наседающим фашистам. Через какое-то мгновение на клочок

земли, обороняемый бесстрашным лейтенантом, посыпались мины. Фашисты были перебиты. Минометчики думали, что Еськов погиб, и в своем донесении сообщили об этом в штаб. А поздно ночью трижды раненный лейтенант приполз на огневую позицию. Когда его подхватили на руки, Еськов прошептал:

— Молодцы ребята, ух, молодцы!

Штабное донесение пришлось исправлять.

Встретив сопротивление и не добившись успеха на нашем участке, противник в последующие дни перенес свой удар с завода «Красный Октябрь» на тракторный. Но после этого немецкая авиация и артиллерия продолжали усиленно обрабатывать огнем наряду с территорией тракторного и наши позиции. Особого напряжения бомбежка достигла 5 октября. В этот день было зарегистрировано около 2000 самолето-вылетов.

Чтобы отвлечь хотя бы часть сил противника от тракторного завода и помочь только что пришедшей туда 37-й гвардейской стрелковой дивизии Жолудева, наша дивизия силами двух батальонов (по одному батальону от 117-го и 120-го полков) нанесла удар по позициям немцев вдоль улицы Подгорной. Была захвачена траншея противника на улице Боткинской. На остальных участках наши части, пользуясь относительным затишьем, совершенствовали свои позиции. По ночам не давали покоя немцам наши разведчики, днем работали снайперы. Снайпер Егор Ситников за эти дни довел свой счет уничтоженных гитлеровцев до десяти.

5 октября приказом Чуйкова нашей дивизии был подчинен рабочий отряд завода «Красный Октябрь». Его придали саперному батальону. Ополченцы помогали копать убежища, делать укрытия для складов, перетаскивали бронеколпаки. Этих колпаков, изготовленных полгода назад на заводе, довольно много лежало в цехах. Часть бойцов отряда, хорошо знавших примыкаю-

щий к заводу поселок и сам завод, пошли помогать разведчикам в качестве проводников. Так благодаря помощи ополченца Холина очень удачный рейд в тыл врага совершила разведгруппа сержанта Пархоменко. Большую работу проделали и наши саперы, командный пункт дивизии заметно благоустраивался и укреплялся.

...Нужно было идти в полк.

— Миша, через час пойдем к Андрееву, приготовься,— предупредил я своего ординарца.

— Слушаюсь! — ответил Миша и добавил: —Товарищ майор, ваш «дом» готов. Зайдите. Здесь, рядом со штабной землянкой. Вот за этим щитом.

— Ну пойдем, посмотрим.

Я видел, как ему хотелось сделать для меня что-то приятное. Откинув кусок брезента, заменяющий дверь, мы вошли в небольшую штольню. Вдоль стены тянулся выступ. На нем лежала куча сухой травы, накрытая палаткой. В углу пристроена полуобгорелая оконная ставня, заменяющая стол. На столе телефон, светильник-«катюша», сделанный из артиллерийской гильзы, и газета «Знамя гвардейца». Посмотрел — понедельник, 5 октября 1942 года — сегодняшняя.

— Да, тут действительно «дом». И стол, и телефон, и освещение, и газета, и кровать даже,— бросив еще раз взгляд на лежанку, сказал я Михаилу и тут почувствовал, как давно не спал по-настоящему, растянувшись хотя бы вот на такой «кровати», и, не вытерпев, потрогал постель рукой. Я знал, что и эту ночь спать не придется. Надо, пользуясь относительным затишьем, этой ночью проверить оборону, систему огня в подразделениях, взаимное прикрытие огневых точек, глубину боевых порядков, наличие резервов и расположение их. Определить, откуда удобнее наносить контрудары. Потом надо будет составить схему и утром доложить генералу. Пока Михаил собирался в дорогу, взял газету.

«Выиграть сражение за Сталинград» — читаю заго-

ловок передовой. В статье говорилось о значении битвы, которая ведется в Сталинграде, для хода войны в дальнейшем. В других статьях, написанных нашими бойцами, в разделе под рубрикой «Навстречу Великой годовщине» говорилось о соревновании между воинами.

Да, приближалась 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. И советские люди стремились к славному юбилею сделать для своей Родины все, чтобы приблизить разгром противника, в неизбежности которого не сомневался никто.

Растущая активность бойцов, их стремление нанести врагу смертельный удар радовали. Рос авторитет наших снайперов. В снайперскую школу включались и бойцы тыловых подразделений. В такое напряженное время люди не могли удовлетвориться выполнением обязанностей только по своей тыловой специальности, не принимая непосредственного участия в уничтожении врага.

Рост снайперского движения потребовал своего упорядочения и направления в определенное русло. Нас интересовало не просто число уничтоженных гитлеровцев, а прежде всего влияние работы снайперов на снижение боеспособности немецких частей. Одно дело — убить ротозея, вышедшего из укрытия по нужде, другое дело — уничтожить немецкого снайпера, командира или наблюдателя, корректирующего огонь артиллерии; нанести ущерб целому подразделению врага. Надо было учить наших снайперов отыскивать эти цели, учить наблюдать, находить и занимать выгодные позиции, маскировать. Надо было, кроме того, совершенствовать их знания по владению и уходу за снайперским оружием и оптикой.

В 112-м полку 8 октября мы провели сбор снайперов. Бойцы получили инструктаж по всем упомянутым вопросам и обменялись между собой опытом борьбы с врагом.

Метким стрелком из снайперской винтовки стал у нас комсорг 112-го полка Костя Рудольский, один из лучших учеников опытного снайпера Сытникова. Он быстро обогнал по количеству уничтоженных им врагов своего учителя. Хорошими снайперами зарекомендовали себя политрук Исаев, телефонист Лепихин и парикмахер штаба Тайгунов.

Хочется сказать несколько слов о нем. Боец музвзвода, он же и парикмахер штаба дивизии, Гриша Тайгунов, пришел к нам с пополнением из госпиталя после выздоровления от тяжелого ранения с пометкой в солдатской книжке: «Годен к нестроевой».

Комсомольцу-сибиряку был всего 21 год, но его жизненному пути мог позавидовать любой, вдвое старший по возрасту. Он уже строил Комсомольск-на-Амуре, служил на границе и успел повоевать, исполняя нелегкую обязанность разведчика. И вот теперь «нестроевой». Это очень угнетало его, и он пришел ко мне за разрешением изредка ходить на «охоту», чтобы какую-то часть времени быть на переднем крае.

— Винтовку я себе добыл и даже на совещании снайперов сумел побывать, хотя меня туда никто не приглашал. Разрешите! Это не отразится на моей работе.

Пришлось разрешить. Так Гриша приобрел еще одну, третью по счету воинскую профессию — снайпера.

Вечерами, когда немного утихал бой, в Банном овраге появлялись вылезшие из убежищ мирные жители. Одни шли к Волге запастись водой, другие подходили побеседовать к солдатам и поделиться с ними своими горестями. И в этот вечер, 8 октября, к землянке, возле которой сидели двое бойцов, подошел старик. Бойцы, два друга, два Петрова — степенный Николай и веселый, немного взбалмошный Василий, или, как он сам себя называл, Васька, сняли сапоги, перематывали портянки. Завязалась беседа. Старик узнал, что ребята со-

бираются отдохнуть после бессменного трехсуточного дежурства на НП, извлек из кармана бутылку и налил им в кружку какой-то ржавой жидкости.

— Водка, сынки,— многозначительно произнес он,— все думки разгонит и хорошо отдохнете. Небось передрогли там, на своем «НЫПЕ»-то?

Попробовали. Жидкость действительно оказалась водкой, застоявшейся в ржавой бочке.

— Где ты ее такую достал, папаша?

— На фабрике-кухне. Там и еще кое-что есть из провианта.

Когда старик, пожелав им хорошо отдохнуть, ушел, Василий, немного помолчав, обратился к Николаю с просьбой:

— Коль!.. Разреши мне сходить туда, на эту самую фабрику-кухню, на разведку. Может, что дельное есть. Ведь это совсем близко от нашего НП. В нейтральной зоне. Все равно я теперь не усну. Смотришь, и запас какой создадим. Я быстро. А?

Получив разрешение, он ушел. Через пару часов Василий благополучно возвратился. За спиной у него — полный вещмешок. Там были сухари, сахар, консервы и даже табак. Все это было немного подпалено и припахивало дымком, но к употреблению годно.

— Во! — с сияющими глазами произнес Васька.— Какой у нас теперь с тобою НЗ. И с товарищами поделиться можно, и нам на НП пригодится в случае чего. Знаешь, начнется снова бомбежка, жди, когда доберется подносчик пищи, да и доберется ли...

Положив мешок в угол землянки, довольный своим походом, предприимчивый парень улегся спать и быстро уснул. Лицо его временами освещалось счастливой, почти детской улыбкой. Заснул и Николай.

Через два дня Василий снова попросился в поход.

— Надо пополнять НЗ...

Прошло более двух часов, а его все не было. Нико-

лай уже стал волноваться. Возвратился Василий через три часа, без вещмешка, бледный, и рассказал следующее:

— До фабрики-кухни добрался благополучно. Проник в подвал. Брожу по складу, ищу, что взять. Вдруг открывается дверь, и в помещение вваливаются два фрица с карманным фонариком и тоже начинают шарить по ящикам, продвигаясь все ближе и ближе ко мне. Я затаился за грудой мешков со ржаными сухарями, не зная, стрелять или нет. А вдруг за дверью еще немцы? Но ждать, когда меня обнаружат, было еще опаснее. А они уже в каких-нибудь шести—восьми шагах. Тут я решил: была не была! И очередью из автомата скосил их. Грохот моих выстрелов гулко прокатился по подвалу и долго гудел в ушах. Через минуту-две я понял, что мои выстрелы ничье внимание не привлекли. В подвале и на улице было тихо. Тогда я со всех ног бросился со склада и даже вещевой мешок забыл.

Так закончился второй «поход» Василия на фабрику-кухню. Но надо сказать, что вещмешок свой он в следующую ночь разыскал и заодно наполнил его продуктами. Одновременно он принес и документы убитых им накануне гитлеровцев. На другой день с утра наши друзья Петровы снова были на своем наблюдательном пункте.

Обстановка перед нашим фронтом постепенно осложнялась. Об этом говорили и данные разведки, и поведение противостоящего противника. Готовясь к отпору, мы провели проверку оборонительных позиций частей. Результаты ее оказались не совсем утешительными. Построение боевых порядков не везде было хорошо продумано. Нашли много уязвимых мест, через которые враг мог вклиниться в нашу оборону и нарушить всю ее систему. После проверки провели целый ряд мероприятий, направленных на устранение выявленных

недостатков. С этой целью для создания надежной глубины обороны 117-й полк был выведен во второй эшелон и поставлен непосредственно на территории завода «Красный Октябрь». Полк немедленно приступил здесь к оборонительным работам. Была ликвидирована наблюдавшаяся в некоторых местах скученность, ведущая к излишним потерям. Перед вечером, выслушав доклады проверяющих, генерал сказал:

— Учитывая наши недостатки и просчеты, которые допустили также и немцы при вчерашних атаках на 37-ю гвардейскую стрелковую дивизию, против которой они двинули две пехотные дивизии и до 200 танков, нам надо сделать вывод о необходимости срочно и очень сильно укрепляться и иметь глубокую оборону. Завтра все это может быть брошено против нас. Вызовите командиров частей, я проведу инструктаж. Пользуясь тем, что противник пока не очень нажимает на нас, будем учиться.

И мы учились. Изучали и хороший опыт обстрелянных бойцов, и ошибки — свои и соседей. Учились сами и учили людей. Учились, несмотря ни на что, несмотря на смерть, витающую над головой. Учились умно использовать местность, подручные средства. В тот вечер я стоял против Гурьева и, глядя на него, думал: повезло нашей дивизии в том, что она имеет такого опытного, волевого и человечного командира.

Оставив меня на наблюдательном пункте, генерал ушел проводить совещание. Изучая оборону противника, я отыскал несколько в стороне, на нейтральной зоне, позицию Гриши Тайгунова. У него сегодня был день «охоты». Гриша лежал в замаскированном окопчике. Позиция его ничем не выделялась даже с нашей стороны. Мне в бинокль с трудом удалось рассмотреть только плечо да руку, сжимающую винтовку.

Когда стало смеркаться, ко мне присоединился начальник дивизионной разведки майор Акзам Низамович

Низамов. Сегодня ночью должны идти в поиск разведчики. Им предстояло переправить через линию фронта двух наших девушек-разведчиц для работы в тылу немцев. Одной из них была 18-летняя комсомолка Лида Заверюха — медсестра сталинградской больницы № 5, пришедшая к нам с рабочим отрядом. Подругу ее звали Ниной Ремневой.

Вчера, когда перед вечером прояснилось и переменился ветер, повеяло теплом. Не по-осеннему засветило яркое солнышко и пригрело землю. Девушки вышли из землянки погреться. Худенькие, маленькие, одетые в легкие платьица, выглядевшие подростками, они сидели и о чем-то беседовали между собой.

На передний край Лида и Нина вышли вместе с группой бойцов из разведроты еще засветло. Группу разведчиков, которой было поручено провести девушек через линию фронта, возглавлял сержант Стрелков, уже побывавший за два дня до этого в тылу врага. Руководил операцией заместитель командира разведывательной роты капитан Николай Оськин.

К вечеру в распоряжение Оськина прибыли двое бойцов-саперов — сержант Павел Симонцев и рядовой Иван Фролов из роты Садова, ставившей на этом участке заграждения. В задачу Симонцева и Фролова входило проделать проходы для разведчиков в минных полях и заграждениях.

Расположившись в траншее, вся группа до темноты знакомилась с местностью, по которой предстояло идти этой ночью. Приглядывались и запоминали каждый кустик и развалину, ведь по ним ночью придется ориентироваться. Изучили передний край противника и его огневые точки.

Стемнело. Оськин приказал бойцам еще раз ощупать свои карманы, не остались ли в них какие документы или письма. Внимательно проверил у каждого снаряжение, чтобы ничто в пути не могло звякнуть. Еще не-

много постоял, вслушиваясь и вглядываясь в темноту, и сказал:

— Ну, кажется, можно начинать наш поход,— и, положив руку на плечо сержанта Симонцева, добавил: — Давайте!

Привычным движением подхватив миноискатель, ножницы и щупы, саперы бесшумно выбрались из окопа и растворились в темноте. Вслед за ними, так же ловко перемахнув через бруствер, исчез связной от разведчиков рядовой Потехин.

Потянулись долгие минуты ожидания. Начал накрапывать дождь. Девушки и бойцы-разведчики напряженно вглядывались в темноту, смотрели в сторону ушедших саперов. В небе временами вспыхивали ракеты, выхватывая из темноты то полуразрушенные здания, то одинокую печную трубу. Иногда непроглядную темь прошивали яркой строчкой трассирующих пуль внезапно заговорившие пулеметы.

Тем временем Симонцев и Фролов, проделав проход в проволочном заграждении, осторожно подбирались к нашему минному полю.

Коммунист москвич Петр Симонцев и комсомолец из станицы Клетской Ваня Фролов — опытные саперы. Не в первый раз пошли они сегодня выполнять трудное ночное задание.

Снимать мины опасно даже со своего минного поля, а установленные противником — неизмеримо труднее. Этой работы под носом у врага не миновать. А ведь и днем, чтобы снять такую мину, требуется предельная внимательность, осторожность и собранность. Эти качества выработались у боевых друзей за время их неоднократных ночных вылазок. Кроме того, они научились понимать друг друга без слов, по едва уловимому прикосновению, чуть слышному дыханию и шороху разгребающих землю рук.

И сейчас, по известным только им признакам, Си-

монцев и Фролов быстро нашли границу минного поля, установленного их ротой несколько дней тому назад. Схему этого поля они знали. Важно было найти первую мину.

— Есть! — прошептал Симонцев, тронув рукой подползающего Ваню Фролова, и добавил: — Предупреди связного, чтобы не напоролся.

Умелыми движениями рук Симонцев разгреб землю и добрался до мины. Осторожно извлек взрыватель. И вот он, завернутый в заранее припасенную тряпочку, уже лежит в сумке.

Найти соседние мины, зная, на каком расстоянии одна от другой они установлены, было уже нетрудно. Обезвредив еще одну мину, саперы после минутного отдыха переползли к следующей. Так постепенно добрались до противоположного края минного поля. Проход готов. Надо только обозначить его границы. Проделав это, они двинулись дальше, к немецким позициям. Начавшийся вечером дождь продолжал накрапывать, но за работой Симонцев и Фролов не замечали его, когда же они закончили разминирование и тронулись в дальнейший путь, то почувствовали, что ползти стало труднее.

«Дождь, конечно, нам на руку, но как поползут девчата, особенно тут, по склону оврага» — подумал Симонцев, когда они, скользя по раскисающей земле, приближались к немецким заграждениям.

Двигались они все осторожнее и осторожнее. Включили миноискатель и стали проверять перед собой каждый клочок земли.

— Минуточку! — прошептал Симонцев, передавая миноискатель Фролову.

Снова в ходу был щуп. Острая проволочная игла, не встречая препятствия, легко входила в почву. Укол следовал за уколом. Но вот жало уперлось во что-то твердое. Опытные руки подсказывают:

— Она, гадюка!

Чуткие пальцы обследовали над миной землю и начали разгребать ее. Вот и взрыватель. Прежде чем извлечь его, сержант еще раз ощупал мину и, когда убедился, что никаких сюрпризов нет, приступил к работе. Положив в сумку изъятый взрыватель, он облегченно вздохнул.

— Ну, начало положено. Теперь можно и за разведчиками посылать. Пока связной доберется до нашего окопа да приведет их сюда, проход будет готов,— прошептал Симонцев.— А если немного и не управимся — подождут тут, рядом, в воронках и канаве.

Получив приказание, Потехин пополз к нашему переднему краю, а саперы продолжали свою работу. Раз за разом, как в масло, входил щуп в размягшую землю. Спокойно и размеренно работали люди. Расправившись с одной миной, они, немного отдохнув, начинали искать другую. Взлетающие иногда ракеты заставляли прижиматься к влажной земле и замирать.

Снята еще одна мина. При свете очередной взлетевшей ракеты саперы увидели, что они почти вплотную подобрались к немецкому проволочному заграждению. Несколько осторожных движений, и они уже около него. Мин больше не было.

Прежде чем резать проволоку, Симонцев послал Фролова проверить, не пришли ли разведчики. Вскоре тот вернулся вместе с Потехиным. Подполз к Симонцеву, и они, накрывшись плащ-палаткой, стали перешептываться:

— Пришли. Отдыхают в воронке. Дальше ползти без нас не решились. Ждут команды,— доложил Фролов.

— Давай заканчивать,— посоветовал Симонцев,— только очень осторожно. Фашисты рядом. Когда ты лазил к разведчикам, я услышал, как разговаривали они. Я буду резать, а ты, Ваня, поддерживай и отгибай про-

волоку. Да проверяй, нет ли на ней жестянок. Фрицы могли навешать для шуму.

Закончив свое минутное «совещание», саперы взялись за работу. Ножницы в руках Симонцева работали бесшумно, словно он резал не железную проволоку, а нитки. Перекусывая их одну за другой, он углублялся в заграждение. Вслед за ним полезли Потехин и Фролов.

Вот и все. Перерезана и убрана с пути последняя проволока, и разведчики, как ужи, скользя по размокшей земле, продвигались дальше. Раскисший косогор тянул вниз на мины. Вымазались в грязи по уши. Хорошо еще, что догадались перед выходом «упаковать» девушек в танкистские комбинезоны. Интересно, как выглядели бы их платьица после этой прогулки на животе? Когда преодолевали проволочное заграждение, Нина поскользнулась и повисла на колючей проволоке. Помогли выпутаться без шума.

Саперы остались у прохода, а разведчики и девушки поползли дальше, проводили их метров на четыреста за передний край немцев. Остановились около разрушенной печи. Девушки сняли и спрятали комбинезоны.

— Пригодятся,— сказала Лида, и они стали прощаться с разведчиками.

— Не забудьте прийти на свидание. Через трое суток в полночь будем ждать вас здесь же,— сказал Стрелков.— Дорогу найдете?

— Найдем!

Разведчицы пошли дальше, а Стрелков и его бойцы еще некоторое время прислушивались, не потребуется ли девушкам помощь. Но все было спокойно.

— Ну, тронулись! Пора домой,— подал команду сержант. Когда миновали заграждения, саперы заделали проходы и тоже направились к своему переднему краю.

В этот вечер мы с Низамовым стояли на наблюда-

тельном пункте. На переднем крае было спокойно. Надоедливый мелкий дождь становился все холоднее. Шинель постепенно намокала и тяжелела. С фуражки по вискам и по шее за воротник ползли холодные капли. Но вот в районе 120-го полка началась перестрелка. Раздались взрывы гранат. По всему переднему краю в небо взлетели ракеты. Заработали наши и немецкие пулеметы. Забыты и дождь, и холод. Одна мысль сверлила мозг — как они там, наши разведчицы?

Через полчаса на участке 120-го полка все успокоилось. Окончательно продрогнув, я спустился в землянку к разведчикам. Надо было немного согреться, кроме того, не терпелось узнать, не вернулись ли бойцы, ушедшие провожать через линию фронта Лиду и Нину.

— Пока нет,—доложили мне.

Разведчики поделились со мной своими запасами, налили кружку чая, и я, «заморив червячка», немного согрелся. Под говор бойцов, прижавшись к стене землянки, задремал.

Разбудил меня усилившийся гомон: привели пленного, захваченного разведывательной группой, действовавшей перед участком 120-го полка. Теперь мне стала понятна причина недавно возникшей там суматохи. Пришел Сергей Георгиевич Сосновский — наш переводчик. Начался допрос. Пленный оказался покладистым. Он охотно стал отвечать на вопросы и жаловаться на то, что давно ждал случая сдаться, да боялся. Из его показаний мы узнали, что на их участок должны прибыть танки, для которых они вчера копали укрытия. Просил, чтобы его быстрее переправили на левый берег, так как был уверен, что гитлеровцы утопят его вместе с нами в Волге. После допроса пленного отправили в штаб армии, а мы с Сосновским поднялись на наблюдательный пункт. Проводив Низамова отогреваться, мы остались вдвоем.

Перед утром от Лещинина позвонил Оськин. Боясь,

что нас могут подслушать фрицы, он, применив своеобразный код, сообщил: «Задание выполнено. Девушек проводили, и они пошли «гулять».

Через два дня возле политотдельской землянки я встретил Оськина. Он шел понурив голову. Из-под козырька сдвинутой на затылок фуражки выбился рыжеватый чуб.

— Ты чего это такой хмурый?— спросил я его.

— Неудачно окончилась сегодня ночная вылазка группы Абрашкина, товарищ майор. Сперва все шло хорошо. До блиндажа, который хотели захватить мои разведчики, оставалось каких-нибудь десять-пятнадцать метров. Ребята замерли и уже готовились к броску. Наступила тишина. И в этот ответственный момент боец Потехин кашлянул. Представляете, что произошло. Гитлеровцы всполошились и открыли огонь. Одна за другой в разведчиков полетели гранаты. Были ранены сержант Субботин и красноармеец Пименов. Пришлось отойти.

— Как же это он оплошал? — задал вопрос Оськину.— Ведь Потехина я знаю как одного из лучших бойцов, отличающихся дисциплиной и выдержкой. А два дня назад, когда провожали через линию фронта Лиду и ее подругу, он был связным между саперами и разведчиками.

— Да. Вот тогда его и прохватило. Саперы делали проход, а он лежал под дождем невдалеке от них на мокрой земле и ждал сигнала, чтобы идти за разведчиками. Простыл. На другой день появился кашель. От товарищей утаил. Сдерживался. Вчера, когда его друзья стали собираться в ночной поход, он не захотел отставать от них и не доложил о болезни. Думал, все пройдет. Да не вышло. Теперь очень переживает.

— Надо обсудить этот случай с бойцами,— посоветовал я Оськину.

— Я уже сделал это, а чтобы подобное не повтори-

лось в других подразделениях, по совету начальника политотдела написал заметку в нашу газету. Вот несу ее в редакцию. Потом доберусь до расположения 120-го полка. Буду вести оттуда наблюдения, поищу, где лучше организовать новый поиск.

— Это очень кстати. Мне тоже нужно побывать в этом полку. Отдадите заметку и заходите за мной. Будем вместе пробираться.

А через несколько минут мы были уже в пути. В небе снова появились немецкие самолеты, и нам пришлось укрыться в одном из цехов.

— Загудели зануды. Пообедали,— выдавил из себя сквозь зубы Оськин, косясь на черные силуэты стервятников.

Пока мы добирались до места, они три раза загоняли нас — то под прокатные станы, то в воронки и канавы.

В полку я пробыл до самого вечера. С командирами разработали план обороны на одном очень важном участке — там, где, по нашим наблюдениям, немцы готовили ряд новых атак.

Ночью благополучно вернулись из своего трехсуточного похода по тылам врага Лида и Нина. Они принесли много ценных сведений о противнике. Немало трудностей пришлось им преодолеть после того, как они расстались с провожающими их разведчиками.

Осторожно пробираясь и прислушиваясь к каждому шороху, они вышли к полуразрушенному поселку. Задворками подошли к дому родственников Нины. Постояли. Осмотрелись. Дом цел. Во дворе никого. Потихоньку постучали в окно. Заколыхалась занавеска, видимо, рассматривали, кто стоит у окна. Затем открылась форточка, и женский голос спросил:

— Кто это?

— Это я, тетя Катя,— ответила Нина. Дверь открылась, и разведчицы вошли в хату.

— Какая же нелегкая занесла вас в наш поселок в такое время, да еще ночью? — спросила тетка у Нины.— Мы ночью боимся из дома нос высунуть, а с рассветом, как начинается пальба, на весь день забиваемся в окоп.

— А у нас, думаете, лучше? — произнесла в ответ Нина.— Кругом идет бой. Стрельба. Наши все убежали за Волгу, но я не успела. Пряталась в погребе у соседей, но и их немцы вчера выгнали в степь. А я пошла сюда, к вам. Днем стреляют, и на виду у немцев идти побоялась. Ночью легче. Можно прошмыгнуть незаметно. Одна я, конечно, не решилась бы, а вдвоем как-то спокойнее. Вот я и прихватила с собой подружку. Лидой ее зовут.

— Ну ладно. Утро вечера мудренее. Давайте отдыхать. Только вот постелить-то у нас нечего, да и накрыться тоже. Все более или менее ценное мы спрятали. Закопали. Немцы так и шныряют, ищут и отбирают теплые вещи. К зиме, видно, готовятся.

Собрала разные лохмотья и постелила их девчатам. Тесно прижавшись друг к другу, уснули.

Переночевали. Пообсохли. Днем, будто дрова собирали, бродили по поселку и окрестностям. Заметили склад горючего, склад боеприпасов и какие-то мастерские.

Приготавливая нехитрый обед, тетя Катя проговорила:

— Вот дожили, и угостить-то вас, милые, нечем. Картошка у нас посажена в низине за поселком, так я изредка ходила и копала. Сейчас картошка кончается, а я боюсь идти туда. Немцы там недалеко пушки поставили и бабахают.

Лида и Нина переглянулись. Сам напрашивался повод расширить круг их деятельности и проникнуть в район расположения вражеских артиллерийских позиций. Ухватившись за эту мысль, они тотчас предложили:

— Тетя Катя, давайте мы сходим и накопаем вам картошки.

— Ну что ж, сходите,— ответила тетка,— только как вы найдете место, где она посажена, эта самая картошка-то?

— А вы отпустите с нами Веруньку.

— Да что вы! Я ее с собой-то брать боялась тогда, когда немцев там не было. Брала только потому, что и дома оставлять одну боялась. Нет! Нет! Ни в коем случае!

А вечером она сама заговорила о картошке.

— Вы знаете что? Пойдем утром вместе. Вас, девчонок, они, наверное, не тронут, а взрослым к пушкам подходить опасно, подумают немцы, что мы шпионы какие. Мы с дочуркой проводим вас сколько можно и издалека покажем, куда надо идти.

На этом и решили.

Утром, взяв лопаты, ведро и мешок, отправились в путь. Тетя Катя проводила девушек до спуска в низину, указала, куда идти дальше, и хотела с дочкой возвращаться обратно, но Вера заупрямилась и стала настаивать, чтобы мать отпустила ее с девушками. Та, наконец, согласилась. Так что дальше девчонки пошли втроем, а мать осталась за пригорком. Благополучно добрались до места и начали копать. Вскоре к ним подошел немецкий солдат, оглядел их и что-то спросил.

«Как ему ответить?» — подумали девушки. Измазанные землей, они только смотрели на него и молчали. Солдат, жестикулируя, еще что-то сказал. Тогда Лида попросила Веру:

— Ты ему покажи картошку и на пальцах объясни, что очень хочешь есть.

Верунька быстро сообразила и, вытерев косынкой картофелину, показала ее немцу. Потом, быстро работая острыми зубами, соскоблила с картошки и выплю-

нула кожуру. Еще раз показала очищенную картофелину немцу, откусила белую мякоть и начала с неподдельным аппетитом жевать.

Немец стоял и смотрел на нее. Стал что-то снова говорить, потом подошел к Веруне и потрогал ее за встрепанные волосенки. Она в страхе съежилась, ожидая худшего. Но солдат, постояв немного, повернулся и пошагал к своим пушкам, находившимся в лесочке за пригорком.

Пушки вскоре начали стрелять, а разведчицы, накопав картошки, направились домой. Когда они взобрались на пригорок, к ним присоединилась мать Веруньки, с тревогой ожидавшая их возвращения. Ее несколько раз подмывало пойти к ним — удерживала боязнь, что ее появление около девчат может осложнить положение.

Возвращались другой дорогой и по пути заметили еще одну расположенную в лощине батарею.

На третий день Лида побывала у знакомых, живущих недалеко от аэродрома. Там узнала, что на аэродроме стоят более двадцати бомбардировщиков, два истребителя и один санитарный самолет. Уточнила, где находятся позиции зенитных батарей.

На обратном пути Лида, чтоб сократить путь, пошла другой дорогой, и вдруг — надо же! На дороге — немецкая застава. Проверяют документы. У Лиды было удостоверение, выданное нашим разведотделением. Но девушка все же заволновалась: вдруг окажется что-то не так.

«Что делать? — подумала она, замедляя шаг.— Не поворачивать же обратно у них на глазах,— и решила: Будь что будет. Пойду!».

Тут как раз разведчицу стала обгонять машина с немецкими солдатами. Лида подняла руку, произнесла единственное знакомое ей немецкое слово — битте! И при помощи жестов стала просить взять ее в авто-

машину. Солдаты, гогоча, видно, были пьяные, протянули руки и втащили в кузов. С ними Лида благополучно проехала контрольный пункт. А когда грузовик подъехал к поселку, Лида под шумок выпрыгнула из кузова, спряталась за ближайшим плетнем.

Когда грузовик уехал, Лида направилась в путь. Вечером она с Ниной стала готовиться к возвращению в часть. Дорога была им уже знакома, но они немало поволновались, пока добрались до места условленной встречи. Возле печи их уже ждал со своими ребятами Стрелков.

Так закончилась первая вылазка Лиды и Нины по тылам фашистов. Они потом еще несколько раз проникали в расположение гитлеровцев и каждый раз приносили очень ценные сведения.

Как-то во время очередного поиска Лиду сопровождала разведчица Катя Кирюха. Рейд по тылам врага прошел удачно, но при возвращении, уже на подходе к линии фронта, шальной пулей Катю тяжело ранило. Перевязав подругу, Лида попробовала ее тащить, но очнувшаяся Катя запротестовала:

— Лидочка, милая, донесение наше срочное и очень важное, неси его скорее. А меня укрой бурьяном.

Лида не решалась бросить подругу. Однако, понимая, что от своевременной доставки сведений зависит многое и, может быть, даже сохранение сотен жизней наших людей, согласилась оставить подругу с тем, чтобы потом вернуться за ней. Она затащила Катю в лощинку, укрыла сухой травой, двинулась дальше.

Сдав донесение, Лида снова перешла линию фронта, нашла Катю и с помощью санитара доставила подругу в расположение дивизии.

В еще более сложный переплет попала Лида Заверюха в ноябре, когда с постоянной своей напарницей Ниной Ремневой была послана в район Карповки. На выполнение задачи дали всего трое суток.

Выполнив задание, Лида и Нина возвращались в город. Они несли очень нужные нашему командованию сведения, в том числе данные об обнаруженном ими тщательно замаскированном вражеском аэродроме. Девушки сделали уже две попытки проникнуть в город, и оба раза патрули возвращали их обратно.

Немцы заподозрили, что девушки не случайно оказались здесь снова. Задержали и стали допрашивать. А потом раздели и обыскали. Подозрение вызвали большие мужские сапоги Лиды. Немец приказал снять их и, указывая на нее, кричал:

— Рус!.. Партизан!..

Девушек избили на глазах собравшихся из города жителей.

Спас их случай. В тот момент, когда они были задержаны, неподалеку вели колонну пленных. Отчего-то поднялся шум. Патрульные бросились разгонять толпу. Раздались выстрелы. Кто стрелял? Задержавший их патруль или конвоиры, ведущие пленных, девушки не поняли.

В наступивших сумерках они увидели, что толпа стала разбегаться во все стороны. Бросились бежать и они. Пробежав немного вместе с толпой, разведчицы отделились от нее, повернули вправо, в сторону поселка.

А вдогонку им строчили автоматы. То тут, то там впивались в землю огненные стрелы трассирующих пуль. Лида и Нина упали. Потом поползли. Откатились в сторону. Снова побежали и скрылись за развалинами. Еще одна перебежка, и они оказались в овражке. Все сильнее окутывала, сгущалась темнота. Где перебежками, где ползком, они уходили все дальше и дальше. Петляющий по задворкам разрушенных домов, заваленный мусором и отбросами овражек тянулся в сторону Волги. Под босые ноги попадали осколки стекла, камни. Из-под ног Лиды, звякнув, полетела жестяная банка.

— Стой, Нина! — произнесла она, еле переводя дух.— Мы же так снова нарвемся на гитлеровцев. Надо осторожнее, наверное, уже и передний край близко.

Ползком перебрались через дорогу. Потом появилась и потянулась по дну овражка тропинка, которая привела их к колодцу.

Совсем близко слышались выстрелы. Над головами пропели пули, прилетевшие с нашей стороны. Некоторые из них шлепались о землю совсем рядом.

Девушки остановились. Хотелось передохнуть. Горело и ныло от побоев тело. Болели израненные ноги. Во рту пересохло. Колодец манил к себе.

— А вдруг сюда придут за водой фрицы,— прошептала Нина.

— Ты права. Потерпим до своих.

Подруги подались немного в сторону и поползли дальше. И вовремя. Слева послышались тяжелые шаги. К колодцу подходили немецкие солдаты. Слышалось приглушенное звяканье котелков.

Вспыхнувшая невдалеке ракета осветила окрестность. Девчата увидели впереди знакомую насыпь железной дороги, проходящей через поселок западнее завода «Красный Октябрь». Вероятно, колодец был на прицеле у наших бойцов, и они, увидев при свете ракеты сгрудившихся гитлеровцев, открыли огонь. Со стороны насыпи мерно «затакал» наш пулемет. Пули ударялись о землю. Некоторые из них рикошетили и, гудя, разлетались по сторонам. Фашисты попáдали на землю. Разведчицы, увидев впереди вспышки стреляющего пулемета, прошептали:

— Наши!

И перебежками бросились туда, откуда строчил пулемет. Они знали, что если их схватят гитлеровцы, то это конец.

Снова взлетела ракета. Фашисты, залегшие у колодца, увидели перебегающих девушек, стали стрелять

по ним. Когда ракета погасла, темнота еще более сгустилась, и двое гитлеровцев, бросившихся было догонять разведчиц, остановились.

— Не стреляйте! Свои! — крикнули измученные Лида и Нина, подобравшиеся вплотную к брустверу окопа одного из наших подразделений.

Сведения, доставленные ими, очень пригодились. Замаскированный немецкий аэродром в тот же день был разбомблен нашей авиацией.

Отважных разведчиц представили к высоким правительственным наградам.

На следующий день после неудачного случая с группой Абрашкина разведчики вновь организовали поиск. Они установили, что перед нашим передним краем появились замаскированные танки. Подтверждались показания захваченного накануне пленного.

С утра противник продолжал наседать на заводской район города. Основные силы своего удара он и в этот день направлял на части, обороняющие тракторный завод. Но появившиеся перед нашим фронтом танки и новые пехотные подразделения врага давали основание ожидать активизации его действий и в полосе нашей дивизии.

Генерал Гурьев приказал собрать командиров полков. Обсудив с ними вероятные варианты направлений атак противника, он решил основные силы расположить так: в первом эшелоне поставить 112-й и 120-й полки, укрепив их дополнительными огневыми средствами за счет пулеметного батальона, а 117-й полк оставить в резерве на территории завода «Красный Октябрь».

Но вечером обстановка на нашем участке обороны изменилась.

Штаб получил приказ Чуйкова. Командующий требовал передать 117-й полк в подчинение командиру 37-й гвардейской стрелковой дивизии, оказавшейся в трудном положении.

— Приказ есть приказ. Надо выручать соседа,— проговорил Гурьев, ознакомившись с приказом.— Но до чего же все это осложняет нашу задачу. Только успели расставить силы, а теперь надо выдергивать из обороны целый полк.

Нам нелегко было лишаться одной трети сил нашей и без того обескровленной дивизии, но обстановка была такова, что спасти дивизию Жолудева могли только мы.

Гурьев вызвал командира полка Андреева и поставил ему задачу. Тот, выслушав Степана Савельевича, немного помолчал.

— Эх,— вздохнул и после добавил:— Задача, товарищ генерал, понятна — надо спасать товарищей. Ведь это тоже наши десантники. Я понимаю, как им тяжело, уже неделя, как они отражают непрерывные атаки гитлеровцев, уже неделя, как в их районе грохочет и днем и ночью бой. Мы это видим и слышим... Надо помогать.— Потом, еще немного помолчав, видимо, обдумывая, с чего и как надо начинать действовать, добавил:— Сейчас свяжусь с Жолудевым, узнаю у него, куда надо выводить полк, возьму разведчиков, саперов и начну пробираться. Разрешите?

— Иди, Иван Дмитриевич. Желаю успеха!

Андреев улыбнулся, махнул рукой и вышел из землянки. Эта улыбка и его прощальный жест на всю жизнь врезались в мою память.

Отправив 117-й полк, дивизии надо было закрывать брешь, образовавшуюся в системе нашей обороны.

Основным подразделением, достаточно мощным в огневом отношении, оставшимся в нашем резерве, был 48-й отдельный пулеметный батальон, которым командовал майор Пальчиков. Занять все подготовленные на заводе полком Андреева позиции пулеметный батальон, конечно, не мог, он просто распылился бы. Пришлось создать несколько опорных пунктов, имею-

щих между собой хотя бы небольшую огневую связь. В промежутках между опорными пунктами расположили спецподразделения: разведывательную роту дивизии, роты саперного батальона, роту химической защиты, рабочий отряд завода «Красный Октябрь».

Собрав все свежие данные о противнике, я пошел к Гурьеву. У входа в землянку стоял его адъютант Виктор Лузан. Он мне сказал, что Степан Савельевич уснул. Я по себе знал, как важно для него сейчас, после тяжелого дня, снять напряжение и хотя бы немного отдохнуть. Ведь завтра немцы с еще большим остервенением будут стремиться сбросить нас в Волгу. Я хотел было уже уходить, но в это время из землянки послышался голос Гурьева:

— Кто там?

А затем он сам появился у входа.

— Это ты, Ионыч? Ну, заходи. А я тут, сидя за столом, немного уснул,— как бы извиняясь, сказал он.— Сидел, обдумывал сегодняшний день. Тяжелый день. Сколько мы потеряли за эти два дня, и каких людей. Как они дрались! Тяжелы потери, утешает лишь то, что мы устояли сегодня и немцам от нас досталось в несколько раз больше...

— Ну, что там нового?— спросил он после короткой паузы.

Я доложил ему о потерях и о появившихся перед нашим фронтом танках противника. Затем сообщил о прибывшем пополнении — около 100 человек. В основном это были возвратившиеся из медсанбата после излечения раненые. Каждый из них стремился попасть в свое подразделение, к своим товарищам. Встал вопрос, как распределить их. Практически следовало бы всех передать в 120-й полк, понесший наибольшие потери. Тем более что на его участке, в разрывы между боевыми порядками, возникшими в результате больших потерь, на завод просочились немцы.

— Хорошо. Вы идите готовить боевой приказ, а я займусь с прибывшим пополнением, побеседую и распределю.

— Да, вот еще о чем хотел просить вас, товарищ генерал,— обратился я к Степану Савельевичу перед уходом и подал ему только что полученную из тылов дивизии радиограмму:

— Сестра Александра находится в расположении тыла. Семья здорова. Сестра просится приехать к тебе. Подтвердите. Барс,— прочитал вслух генерал и, оторвав глаза от записки, сказал:

— Что это за «тигр», то есть «барс», и что он хочет?

— «Барс» — это позывной комиссара штаба Хижняка, а Александра, то есть Саша, это моя младшая сестренка. Я как-то в разговоре с Хижняком просил его при случае, если ему придется быть в Красной Слободе, навести справку о проживающих там моих родных. Вот он и сообщает. Из радиограммы я понял, что Саша просится в нашу дивизию.

— А не покажется ей здесь страшновато?

— Думаю, что нет. Бой-то идет у них на глазах, рядом. Если б было страшно, не просилась бы.

— А куда же вы думаете ее зачислить?

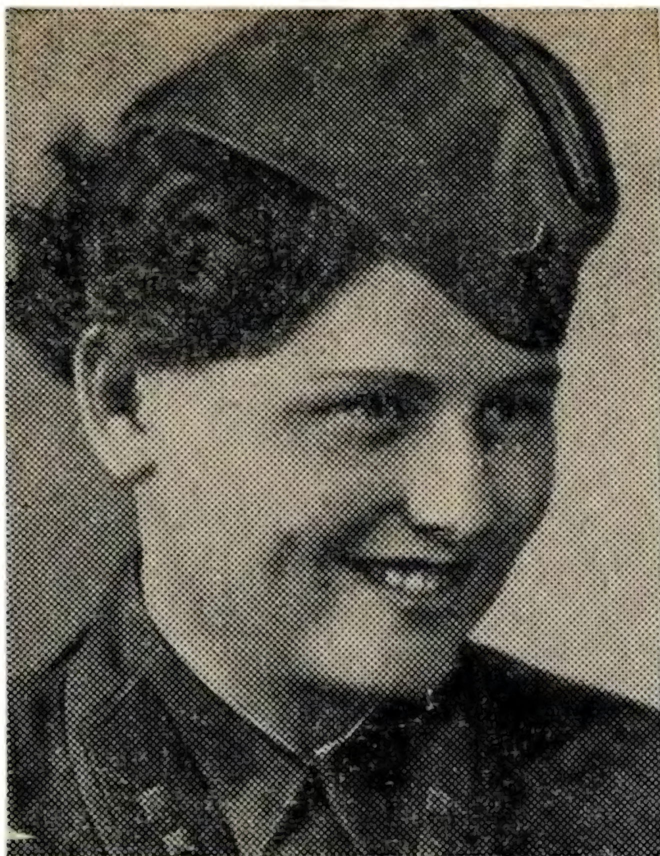
— Да где-нибудь по медицинской части.

— Она что, врач?

— Нет, хотела быть им. Училась здесь, в медицинском институте, летом сдавала за четвертый курс, а теперь сами видите...

— Ну что ж, медики нам нужны. Пусть идет в медсанбат. Передайте туда распоряжение. Воюйте вместе.

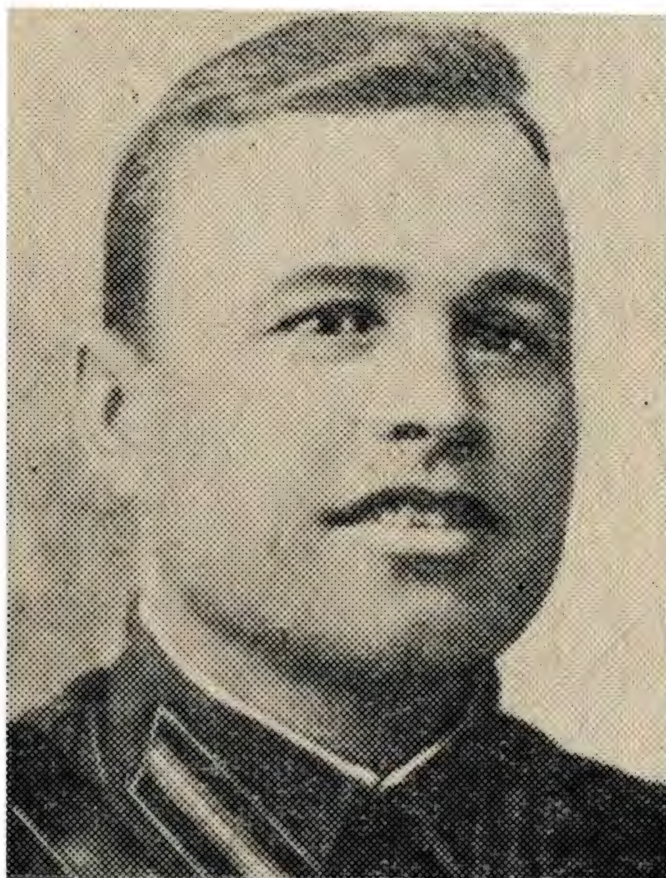
Весь день 13 октября над заводским районом беспрерывно кружились десятки вражеских самолетов. Одни прилетали, другие, отбомбившись, улетали. Становилось даже трудно дышать. В перерывы между бомбежками гитлеровцы несколько раз переходили в атаки, но безрезультатно. Встреченные нашим огнем, они

Военфельдшер М. Статных

Командир 120-го гвардейского стрелкового полка Ю. Мазный

Санинструктор Ф. Сидоренко

Бывший боец 112-го стрелкового полка Н. Петров (фото 1973 г.)

быстро поворачивали обратно: немцы не выдерживали губительного минометного урагана. Особенно хорошо действовала рота лейтенанта Григория Федоровича Корчака из полка Лещинина. Наблюдатели — корректировщики этой роты — друзья Петровы еще 5 октября устроили свой наблюдательный пункт в подвале дома, выходившем своими окнами на спускающуюся со взгорка улицу Карусельную. Работали они четко, передавая по телефону координаты, куда надо посылать мины.

Правее и левее, метрах в пятнадцати от дома, где расположились Петровы, находились два пулеметных расчета 2-го батальона, которые своим огнем прикрывали подступы к наблюдательному пункту. Боевые порядки наших подразделений в связи с уходом 117-го полка из дивизии были очень разрежены, поэтому, кроме пулеметчиков, вблизи никого не было.

— Чует мое сердце, что работенка предстоит сегодня большая. Туго будет минометчикам,— сказал Василий, когда противник открыл с утра огонь по нашим позициям.

Сквозь дым разрывов Петровы видели, как впереди, нервно суетясь, перебегали готовящиеся к атаке фашисты. Корректировщики знали, какая ответственность лежит на них, как много будет зависеть от их стойкости и умения, от того, как они сумеют удержаться на этом выдвинутом вперед клочке земли, как точно они определят нахождение целей и передадут команду на огневые позиции.

Едва закончился огневой налет вражеской артиллерии и авиации, еще не рассеялись чад и мгла от разрывов, как в небо взлетели черные дымовые ракеты. По этому сигналу гитлеровцы оравой человек в сто бросились на наши порядки. Но как только они подбежали к заранее пристрелянным ориентирам, Петровы подали команду, и над нашими головами запели мины. Вражеская группа была накрыта плотным огнем.

— Молодцы!— прокричал в телефонную трубку Николай Петров. Это он хвалил минометчиков. А ведь если б не он да не его друг, минометчикам трудно было бы метко стрелять.

Идя во вторую атаку, фашисты стали несколько осмотрительнее и полезли, как тараканы, разрозненными группами. Эти группы преодолевали пристрелянные рубежи в разное время, и огонь минометов стал менее эффективен. Но тут подоспели пулеметчики, открыв прицельный огонь по врагу. Атака вновь была отбита.

Почувствовав, что на этом участке не пройти, гитлеровцы стали перемещать свои силы левее. Видимо, там они нащупали в наших боевых порядках какое-то слабое место. Их подразделения мелкими группами стали перебегать через улицу Карусельную к бывшей школе имени Совнаркома, одноэтажному белому кирпичному зданию, стоящему рядом с трамвайной линией.

И чтобы своевременно открывать по ним огонь, наблюдателям требовалось видеть места, где фашисты накапливаются, готовясь к перебежке. Для этого пункт надо было переместить немного вправо. Николай Петров выбрался из подвала, посмотрел из-за угла дома в сторону перебегающих через улицу немцев и только успел повернуться, чтобы поискать новое место для НП, как в кирпичную стену ударилась пуля, и крошки от кирпича осыпали его голову.

Николай не сразу сообразил, в чем дело, но инстинкт самосохранения сработал быстрее его мысли, и он кубарем скатился по лестнице в подвал. Только тут он понял, что был на волоске от смерти. У них в тылу откуда-то появился вражеский снайпер. Но как и когда он сумел туда пробраться? Ведь теперь корректировщики оказались как бы блокированными.

Увидя скатившегося в подвал Николая и узнав, в чем дело, Василий сказал:

— Ты, видно, в рубашке родился, снайперы с тако-

го расстояния, как правило, не промазывают. Даст он нам перцу, если мы не влепим ему раньше. Давай-ка, пока немчура не очень наседает, займемся им. Ты отвлекай его, а я выберусь из подвала через это окно и выслежу, откуда он стреляет. Затем попытаюсь подобраться к нему.

Василий взял с собой автомат, две гранаты и скрылся за стеной. Николай немного подождал, потом подполз к ведущей в подвал злополучной лестнице. Там надел на штык каску и начал осторожно поднимать ее над входом. Раздался выстрел, и каска, зазвенев, полетела по ступенькам. Николай поднял ее, снова надел на штык и еще несколько раз приподнял. Снайпер не реагировал. Надо было еще что-то предпринять, не дать снайперу отвлечься от входа в подвал, чтобы он не заметил Василия. Коротким взмахом руки Николай бросил гранату. Потом, выставив ствол винтовки, сделал несколько выстрелов. Переждав минуту, он снова начал поднимать каску. Вторично прозвучал выстрел, и каска завертелась на штыке. Тут вдруг послышался взрыв, а минут через пять-семь прибежал Василий.

— Все, снайперу капут! Капут снайперу! Я его гранатой...

Теперь, когда за спиной не было угрозы, Петровы еще раз решили проверить возможность переноса своего наблюдательного пункта немного правее. Но тут опять навалилась авиация, открыла огонь вражеская артиллерия. Несколько попаданий было в их дом. Рушились стены, с потолка сыпалась штукатурка, и груды кирпича почти совсем завалили окна подвала. Когда налет закончился, Николай встал снова на свой пост, нужно было корректировать огонь, Василий пополз тем временем на поиски нового места для наблюдательного пункта.

Через несколько минут он возвратился.

— Ты знаешь? Пулеметчиков около нашего дома

уже нет. Не пойму, в чем дело. Правее, совсем недалеко, стрельба... Кто там, свои или немцы? Придется выбираться. Иначе попадем в мышеловку.

Сообщив на батарею о сложившейся обстановке, выкарабкались из подвала и устроились в развалинах. Василий с присущим ему юмором сказал:

— Видишь, как хорошо! И воздуху много, и видно все. Теперь ты, Коля, будешь смотреть вперед, дежурить у телефона и управлять огнем батареи. А я буду наблюдать за тем, что происходит позади и по бокам, а также держать круговую оборону. Твою винтовку мы положим с этой стороны, мой автомат с этой, а гранаты в середине. Штык от твоей винтовки, Коля, пусть останется у тебя, для контратак.

До самых сумерек в сторону Карусельной улицы из развалин дома то летели меткие пули, посланные Николаем Петровым из винтовки, то строчил автомат Василия. А когда появлялась какая-нибудь солидная цель, например группа перебегающих фрицев, на нее по команде Петровых валились с огневых позиций мины.

Когда стемнело, от командира роты к Петровым приполз сержант с приказом: перенести наблюдательный пункт на крышу листоотделочного цеха. К рассвету корректировщики уже были на новом месте.

Вступала в свои права ночь на 14 октября. Мы ожидали новых событий с утра. Знали, что завтра будет еще более жестокий бой. Разведчики донесли, что на улице Белибейской скапливаются танки. В эту ночь противник впервые до самого утра не прекращал артиллерийского огня. Не исключалось, что фашисты предпримут ночную атаку. Учитывая это, на нашем наблюдательном пункте до самого утра дежурил кто-нибудь из представителей командования. Политотдел разослал своих инструкторов в полки готовить личный состав к предстоящему бою. По опыту 37-й гвардейской

дивизии мы знали, что нас ожидает. В полки раздали наборы трофейных ракет, чтобы дублировать сигналы, подаваемые немцами для обозначения переднего края, и этим вводить в заблуждение авиацию врага.

Наступило утро. Самолеты противника не заставили себя долго ждать. Немцы обозначили свой передний край ракетами. Такие же ракеты взлетели и в глубине наших боевых порядков. Вражеские самолеты путались в этих сигналах и нередко сваливали свой смертоносный груз на собственные позиции. Особенно досталось тем вражеским подразделениям, которые накануне вклинились в глубину наших боевых порядков.

Полдня, словно расстроенные басы гигантской гитары, гремели разрывы бомб и снарядов, сливаясь с гудением на разные тона разлетающихся осколков. Все летело, все перемешивалось с землей. Красным туманом ползли облака кирпичной пыли и дыма. Гореть уже было нечему.

Опять взлетели ракеты. На этот раз — зеленые. По этому сигналу лавина огня переместилась немного дальше от переднего края, в район нашего наблюдательного пункта, находившегося в траншее перед механическим цехом. Кругом все металось. Темными гейзерами взлетала земля. Находившиеся на наблюдательном пункте бойцы и командиры хоть и бодрились, но вид у всех был утомленный от постоянного, длившегося уже которые сутки напряжения и бессонных ночей.

Видя, как противник переносит огонь, мы поняли, что гитлеровцы вскоре должны начать атаку. В перерыве между разрывами снарядов стал прослушиваться какой-то неясный гул, скрежет и лязг. Не отрываясь, смотрю в стереотрубу. Сквозь дымовое марево стало видно, как зашевелились и начали приближаться черные громады танков, за ними пехота. Вызываем огонь нашей артиллерии.

Через какие-то секунды там, где я только что видел

наступающую фашистскую пехоту и танки, словно внезапно выросшие деревья, взметнулась кверху земля. Заработали наши орудия и пулеметы. Загорелся один танк, затем другой. Вот уже залегла пехота, а затем танки стали пятиться назад. Атака отбита. Отбили атаку и на левом фланге. Там опять отличились забравшиеся на крышу листоотделочного цеха и устроившие на ней свой наблюдательный пункт Петровы. Минометчики 112-го полка, используя данные, которые Петровы передавали по телефону, точно накрывали своим огнем рвавшихся к Волге фашистов. Однако, несмотря на большие потери, небольшой группе гитлеровцев все-таки удалось добраться до цеха, на котором находились Петровы. Трое фашистов, прикрываясь выступом, прижались к стене и готовились уже проникнуть в цех. Заметивший их Николай бросил в непрошеных гостей «лимонку», и фрицы, как подкошенные, повалились друг на друга.

Бой продолжался с переменным успехом. Подразделения 112-го полка, обороняющие листоотделочный цех, отбили уже пять атак. Немцы неоднократно врывались в него, но всякий раз с потерями выдворялись оттуда. Но вот после ожесточенного огневого налета они в шестой раз рванулись вперед. Большая группа противника ворвалась в цех. В ход пошли гранаты. То тут, то там дело доходило до штыков. В этот критический момент у Петровых прекратилась связь с огневыми позициями. Исправить линию связи было нельзя, так как там, где она проходила, уже были немцы.

— Будем отбиваться винтовками,— решили два товарища.

Гитлеровцы обрушили на отважных гвардейцев свой огонь. Но комсомольцы и не думали отходить, продолжая и на флангах, и в тылу разить наступающих врагов. Когда у Николая Петрова кончились патроны, он выбрал удобный момент, спустился вниз, подобрался к

трем фашистам, которых незадолго до этого уничтожил своей гранатой-«лимонкой», забрал их автоматы и патроны и вскоре был рядом со своим товарищем. Теперь они поливали врагов огнем из их же оружия.

В этом бою Петровы уничтожили 58 гитлеровцев, причем больше половины их было сражено из немецких автоматов.

Во второй половине дня снова заревел ураган. Количество самолетов удвоилось. Появились «музыканты» — самолеты «Ю-87» с сиренами и воющими бомбами. Полетели издающие скрипящий звук мины — «скрипуны». С самолетов, наряду с бомбами, фашисты стали сбрасывать пустые железные бочки, бидоны и куски рельсов. Гром разрывов, вой, свист и скрежет выворачивали душу. Одна из бочек упала рядом с нашим наблюдательным пунктом и, подпрыгнув, замерла на бруствере. Мы, когда надо что-либо сказать, пытались перекричать эту какофонию и вынуждены были как глухонемые дополнять свои слова жестами.

Прижимаюсь к стенке окопа, с замиранием сердца гляжу, как прямо на нас пикируют несколько самолетов. Минуты длятся долго, раздаются взрывы, оглушительные, мощные. Воздух перемешался с пылью, земля заплясала под ногами. Ударившись о стенку окопа, я отлетел в сторону, и стало темно. Очнулся. Дышать трудно. Ничего не болит, но тело, как ватное. Жив? Да. На этот раз миновало. Бомбы и снаряды продолжали рваться где-то рядом. В углу окопа застонал артиллерийский наблюдатель. Над ним склонилась фельдшер Маша Статных, перевязывая ему руку.

Видя, как тяжело я поднимаюсь, Маша спросила:

— Вас тоже ранило?

— Нет, только немного оглушило,— ответил я ей. И мне стало стыдно перед ней: вот я, мужчина, едва стою на ногах, а она, почти девочка, хрупкая, маленькая, уже оказывает помощь раненому.

Умело работают ее руки. Уже наложены повязки на раненую руку и плечо артиллериста, и Маша бежит к лежащему на дне окопа связисту. Быстрым движением ножниц она разрезала гимнастерку раненого и наложила повязку на рассеченную осколком спину.

Я вспомнил, как два месяца назад, в августе, Маша, переправившись с дивизионом через Дон у станицы Трехостровской, сразу попала под огонь внезапно прорвавшихся на этот участок фашистских танков и мотопехоты. Дивизион с ходу вступил в бой. Зашипели пули. Маша спрашивала у находившегося рядом командира батареи: это и есть фронт? А тот, видимо, не желая ее пугать, говорил: немцы еще далеко, Маша.

А бой не прекращался. Кругом рвались снаряды, свистели, пели пули, стонали раненые. Маша бросалась перевязывать то одного, то другого. Слезы застилали ей глаза. В дрожащих руках путались бинты...

То было в первые дни вступления нашей дивизии в бои. Тяжелый экзамен выдержала тогда Маша. Но шло время, и постепенно она приобретала необходимые навыки и опыт, научилась сдерживать себя, видя порой, как гибнут люди, как просят помощи смертельно раненные воины. Она научилась быстро перевязывать раны, выносить с поля боя раненых.

И вот нынче смотрю я на нее, и мне хочется сказать ей спасибо. Как она возмужала! Настоящим воином стала.

Телефонист позвал меня к телефону. Из 120-го полка доносили, что фашисты теснят нашего правого соседа и выходят на Краснопресненскую улицу. Я сообщил об этом Гурьеву. Степан Савельевич приказал подтянуть немедленно к правому флангу пулеметный батальон, а на его место в цехах завода поставить учебный батальон — единственный наш резерв.

— Ох, как не хватает сейчас нашего 117-го полка,— проговорил комиссар дивизии полковник Ф. Ф. Черны-

шев и, обращаясь к пришедшему вместе с ним майору Никонову, спросил его:

— А вы не пытались еще раз связаться с Андреевым? Как он там?

— Пытались и неоднократно, но его радиостанция упорно молчит.

Всех нас волновала судьба наших бойцов, ушедших помогать 37-й дивизии.

А обстановка тем временем все накалялась, увеличился поток раненых. Они скапливались в убежищах и развалинах цехов, так как тут же выносить их к берегу, несмотря на близкое расстояние, не представлялось возможности из-за почти непрерывной бомбежки и артналетов. И лишь тех, кому нужна была срочная хирургическая помощь, короткими бросками между налетами доставляли в небольшую штольню-операционную, выкопанную в крутом волжском обрыве. День и ночь хирурги не отходили от операционных столов.

Возвращаясь к стереотрубе, я вспомнил о карте. Перед тем как разорвался оглушивший меня снаряд, я держал ее в левой руке. Глянул на руку. Еще не зажившая от предыдущего ранения, она покрылась багровыми пятнами и ныла. Карты не было. Осмотревшись вокруг, увидел ее клочки, валявшиеся на дне траншеи. Хорошо, что у меня в планшетке была запасная карта. Но она была не закодирована. Только взял ее в руки, как началась новая атака танков и пехоты на наш передний край. Самолеты же противника навалились на огневые позиции артиллерии, находившейся на левом берегу Волги. Снова в окулярах стереотрубы появились перекошенные от злобы лица врагов. Не прекращая наблюдения за ходом боя, я стал наносить цифры кода на поля карты. В это время меня позвали к телефону. Звонили из штаба армии. Просили сообщить обстановку. Я доложил, что первая атака немцев отбита, а сейчас противник снова начал наступление. Все подразде-

ления удерживают свои рубежи. На просьбу уточнить по карте кое-какие детали обороны, я ответил, что смогу это сделать минут через пять, как только закодирую карту.

— Как же это вы так работаете, что у вас до сих пор не закодирована карта? — услышал я в трубке недовольный голос. Я ответил, что закодированную карту у меня изорвало взрывной волной разорвавшегося рядом снаряда.

— Удивительно,— потихоньку, как бы про себя, проговорили там,— карту в клочья, а сам цел...

Я положил трубку. Не до разговоров мне было тогда.

Быстро закончив кодировку, я прошел по траншее на находившийся рядом наблюдательный пункт артиллеристов. Там вместе с начальником артиллерии Николаем Васильевичем Калашниковым мы уточнили цели, которые должна уничтожать наша дивизионная артиллерия и куда надо просить дать огонь армейскими средствами. Уточнили сигналы срочного вызова огня. Затем, возвратившись на свое место, я позвонил в штаб армии, передал туда заявку на огонь, сообщил сигналы и уточнил интересующие их детали в системе нашей обороны.

15 октября в 8.00 опять над нашими позициями загудели самолеты противника. С новой силой забушевал огненный смерч. Люди буквально задыхались в чаду. Как и вчера, атаки фашистов следовали одна за другой. Снова полилась кровь. Ценой огромных потерь противнику удалось в некоторых местах продвинуться на несколько метров вперед. Прорывались они там, где в живых не оставалось ни одного человека. Выносили с поля боя только тяжелораненых, остальные, кто еще мог держать оружие, ран своих не признавали и упрямо бились до последнего вздоха. Отчаянно дрались расчеты противотанковых пушек. Прямой наводкой артиллеристы дивизиона, где командиром Михаил Иванов, под-

били десять танков. Перед нашими позициями из них образовалось настоящее кладбище. Одни горели, другие с развороченными боками дымились. И уже были не такими страшными, а выглядели обыкновенными стальными коробками. И все-таки фашисты не унимались, рвались к Волге с фанатическим упрямством.

В полдень из-за разрушенного снарядами здания конторы завода снова, тарахтя моторами, показались черные коробки трех танков. Они двигались прямо на расчет гвардии сержанта Данилина. Первого, самого ближнего, Ситников подбил одним выстрелом. Задымился и другой от снаряда, посланного тоже прямой наводкой. А третий, обойдя подбитых, упрямо шел на расчет. Ситников стрелял до тех пор, пока не кончились снаряды. Затем он связал три гранаты, подождал, пока почти вплотную к нему подошел танк, бросил связку под гусеницы. Раздался взрыв. Вздрогнула и задымила фашистская машина. Взрывной волной отбросило и самого смельчака.

Вместе с расчетами на огневой позиции был санинструктор Федор Сидоренко. Он оказывал артиллеристам помощь при ранениях, помогал расчетам перекатывать орудия и подносить снаряды. Его можно было видеть то у одной пушки, то у другой. Казалось, нет конца энергии этого смелого человека. В поединке с танком наводчик Супрун был тяжело ранен — Сидоренко встал в число бойцов расчета. Танк был подбит. Федор перевязал Супруна, вынес его в тыл и укрыл в развалинах.

Возвращаясь на огневую позицию, он очень кстати оказался около наблюдательного пункта. Здесь только что тяжело ранило начальника артиллерии дивизии, командира артиллерийского полка подполковника Николая Васильевича Калашникова. Ему сильно перебило бедро. Жгут наложить было нельзя. Сидоренко и находившаяся на наблюдательном пункте фельдшер Маша Статных бинтом и тампонами долго пытались оста-

новить кровь. Когда это сделать удалось, Сидоренко и пришедший ему на помощь артиллерийский техник Вениамин Гребнев вынесли подполковника на берег. Раненого надо было срочно переправлять на ту сторону Волги, в медсанбат. Сидоренко возвратился на огневые позиции; а Гребнев взял лодку и под огнем врага переправил командира на левый берег. Николай Васильевич в беспамятстве метался на дне лодки. Гребнев и сопровождающий его солдат по очереди что было сил нажимали на весла; когда один уставал, его сменял другой. Отдыхающий в это время придерживал Калашникова. К концу переправы Николай Васильевич затих, а когда лодку причалили к берегу, он был уже мертв.

Похоронили подполковника Калашникова на берегу Волги, под большой ветлой. Возвратясь на позиции, Гребнев передал скорбную весть бойцам полка. Наши артиллеристы очень переживали смерть командира, он ведь в свое время формировал полк. За постоянную заботу о людях Калашникова все очень любили и называли отцом.

Когда известие о его гибели пришло на огневую позицию, Сидоренко воскликнул:

— Отомстим за нашего командира!

И все, кто стоял у орудий, стиснув зубы, молча согласились с ним. Стреляли по танкам почти в упор. От непрерывного огня накалились стволы пушек. Казалось, горели не только танки фашистов, но и земля под ними.

Артиллеристы дрались, не щадя жизни, мстили за своего погибшего командира и наставника. За короткое время схватки было подбито еще несколько танков, многие огневые точки врага были уничтожены. И атака фашистов отражена. С тех позиций, которые были временно захвачены, враг отошел.

За этим боем я следил в стереотрубу. Сквозь дым было видно, как сначала зашевелились и стали прибли-

жаться к переднему краю черные громады танков, а за ними — пехота. Пушки батареи из первого дивизиона, которым командовал капитан Михаил Иванов, сначала не могли бить по ним: мешали здания. Тогда мы вызвали огонь нашей артиллерии с закрытых позиций. Заухали взрывы, и один танк загорелся, остальные продолжали идти. Сквозь разрывы в пелене дыма мелькали фигуры наступающей вражеской пехоты. Мне были даже видны перекошенные рты орущих гитлеровцев.

Танки врага вошли на бруствер окопа. Я увидел вспышки и клубы дыма. Это разбивались о броню бутылки с горючей жидкостью. По бортам танков ползли языки пламени. Два танка загорелись. Откинулся люк башни одного из них: вместе с дымом черной пробкой выскочил гитлеровский танкист, и тут же, как подломленный, свалился в окоп; за ним вслед показался другой, но тоже сразу обмяк и повис на башне, вытянув руки, словно тряпичная кукла. Второй танк, пыхнув вверх столбом дыма и огня, сбросил с себя башню.

Два других танка, перейдя траншею, продолжали двигаться вперед. Они все ближе и ближе, но вот мощный взрыв потряс воздух. Один из танков скрылся в дыму. Когда развеялся дым и осела вскинутая фугасом земля, я увидел лежащую на боку исковерканную коробку. Сорванная взрывом гусеница лежала на ней поперек. Второй танк из этой пары, продолжая вести огонь, остановился. Справа от него, из-за развалин, на прямую наводку артиллеристы расчета сержанта Шубникова выкатили 45-миллиметровую пушку. Началась дуэль. Гитлеровцы обрушили на расчет ливень огня. Упал заряжающий, и тут же ранило Шубникова. Сорвав с головы пилотку, он зажал ею рану на плече и раненой рукой продолжал наводить орудие. Выстрел, второй, третий... И поединок был выигран. Танк загорелся, а орудие, так же быстро, как и появилось, скрылось в развалинах.

Во второй половине дня противник, атакующий 112-й полк, вклинился в его расположение, отрезав 6-ю роту, оборонявшую школу № 34. Завязался бой, в ход были пущены гранаты.

— Рус, сдавайся! — то и дело раздавались возгласы фашистов.

Горстка бойцов, а их у командира роты младшего лейтенанта Баландина оставалось, вместе с ним и старшиной Пантелеем Шульгой, 8 человек, отбивалась гранатами. Фашисты, обессилев, вызвали танк, который начал бить из пушки по стенам школы. Стены рушились. Обстановка накалялась. Гитлеровцы яростно рвались вперед. Баландин, схватив бутылку с горючей смесью, кинулся на танк, но был сражен вражеской пулей.

Командование группой взял на себя старшина Пантелей Шульга — старый солдат, защищавший Царицын, сражался в отряде Думенко еще в 1918 году. Он тоже пошел на танк. Умело переползая от одной кучи камней к другой, Пантелей все ближе и ближе подбирался к фашистской машине. Одна за другой в стальную махину с черными крестами на боках полетели бутылки. Клубы дыма закрыли башню танка, и языки пламени стали лизать его борта.

Из люка суетливо выскочили, пытаясь бежать, танкисты. Но в них герой послал несколько коротких очередей из автомата, и фашисты повалились около своей машины. Под прикрытием огня своих бойцов старшина вернулся в школу. В этом бою он лично уничтожил 19 фашистов. Школа была удержана, а вечером к геройской горстке бойцов на помощь пробилась 8-я рота. Бойцы 6-й роты тяжело переживали гибель своего командира Баландина. Его в числе других только накануне приняли в члены партии большевиков. Ведь еще сегодня, рано утром, инструктор политотдела Ничипоренко по поручению секретаря дивизионной партийной комиссии Ерхова вручал ему партийный билет. А вече-

ром залитый кровью билет героя был доставлен в политотдел.

Так воевали коммунисты! Но ряды членов партии не уменьшались. На место одного погибшего становился другой. Наши люди, идя в бой, горели желанием быть в строю большевиков и своими боевыми делами стремились доказать свою преданность делу партии, делу защиты Родины, умножая счет истребленных ими врагов.

ЧАСЫ И ДНИ ДЛИНОЮ В ГОД

Следующий день начался еще более ожесточенными атаками противника. Напряжение боев действительно нарастало. Накануне казалось, что это предел, а последующий бой доказывал, что может быть еще более ожесточенным.

К полудню в стыке между 120-м и 112-м полками вражеской пехоте удалось ворваться в нашу траншею. Бойцы схватились врукопашную. Дрались упорно, насмерть. Били фашистов прикладами, кололи штыками. Не выдержали враги, побежали, но их настигли пули. А шедшая им на подмогу вторая цепь гитлеровцев, встретив заградительный огонь нашей артиллерии и минометов, залегла, а потом начала отползать назад. Атака противника захлебнулась.

На другом участке обороны фашисты после двухчасового боя овладели первым этажом дома, который оборонял со своими бойцами лейтенант Глазунов. На лестничных клетках бились бойцы. А затем, собравшись с силами, смело контратаковали гитлеровцев и сбросили их вниз. Замолкли было немцы, а затем снова полезли. И снова получили по заслугам. На их головы летели гранаты, оставшиеся в живых немцы бежали из здания. На лестничных клетках они оставили 54 трупа, ручные пулеметы.

Подобная обстановка возникала то на одном, то на другом участке нашей обороны. Бойцы дивизии и на этот раз не сдали своих позиций врагу, ни шагу назад не сделали. Снова устояли.

Я сделал в своем блокноте очередную запись о том, как прошел день, опять вспомнил Андреева.

Да, действительно, каково ему там, на новом участке? Мне было известно, что, поступив в распоряжение Жолудева, 117-й полк получил задачу оборонять район подстанции тракторного завода. Выйдя ночью туда, полк с ходу вступил в бой. Противник наседал со всех сторон. Времени на оборудование позиций не было, и единственным прикрытием для бойцов были развалины. А атаки противника следовали одна за другой. Обе стороны несли огромные потери, и все же полк стоял. Истекал кровью, но стоял. Дрался, не щадя жизни ради спасения Родины. Отвлекая на себя большие силы врага, полк Андреева давал возможность остаткам измотанных частей 37-й гвардейской дивизии закрепиться на новом, последнем перед Волгой рубеже.

Когда встал вопрос об отводе на этот рубеж и 117-го полка, то передать такой приказ уже не смогли — с ним прекратилась связь. Несмотря на все старания радистов, радиостанция Андреева не отвечала.

В перерыве между налетами немецкой авиации мне удалось пробраться на наблюдательный пункт дивизии, где находились Гурьев и Чернышев — они всюду были вместе.

Когда я доложил Степану Савельевичу об обстановке и высказал свое беспокойство, генерал проговорил:

— Я уже звонил Жолудеву, и он мне сообщил, что 117-й полк продолжает биться в окружении, в районе подстанции. Оттуда был ему слышен неумолкающий бой, но связи с полком нет и у него. Он хотел передать Андрееву приказ выводить полк из окружения ближе к Волге, на линию железной дороги, но все попытки пере-

дать этот приказ ни к чему не привели. Даже неизвестно, кто там остался жив.— Немного подумав, Гурьев, обращаясь ко мне, дополнил:

— Ты сейчас пойдешь на командный пункт и вместе с начальником политотдела займешься вот чем. Подберешь бывалых солдат-коммунистов из числа бывших десантников и создашь из них группу, которая бы под покровом ночи пробилась к Андрееву, чтоб передать ему приказ. Ты ведь знаешь Андреева, он без приказа не уйдет. Надо помочь людям полка выйти из окружения. Во главе этой группы поставь надежного человека.

Придя на командный пункт, я сразу же пошел к начальнику политотдела полковнику Дубровскому и передал ему распоряжение. Яков Иванович, выслушав меня, сказал:

— Надо подумать, кого же нам послать?

Решили, что в группе, кроме автоматчиков, должны быть связист с радиостанцией, несколько саперов и санитар. Автоматчиков взять из разведроты. Начальником группы Дубровский предложил назначить неоднократно проверенного в бою инструктора политотдела Николая Ничипоренко. Остановив на нем свой выбор, Дубровский объяснил:

— Этот не подведет. Он и решителен, и смекалист. На рожон не полезет, но дырку в немецких боевых порядках найдет.

Вызвали Ничипоренко, объяснили ему положение 117-го полка и спросили, как он смотрит на то, если задача — передать Андрееву приказ — будет возложена на него.

— Я солдат и коммунист. Мне дорога судьба товарищей, и я рад, что командование дивизии доверяет мне выполнение столь ответственного поручения. Я готов!

Обсудив состав группы, которую должен возглавить Николай Емельянович, мы стали думать о том, чем во-

оружить людей и что они должны взять с собой. Надо было сделать так, чтобы все это было легким, негромоздким, чтобы группа, не теряя подвижности, смогла доставить бойцам Андреева самое необходимое из того, что могло бы резко повысить их боеспособность на момент прорыва через боевые порядки противника.

Вооружить группу решили автоматами. Запас патронов к ним взять побольше, такой, чтобы можно было поделиться с бойцами Андреева. Это удобные для переноски боеприпасы.

Созданная группа еще засветло выбралась на исходный рубеж, с которого должна была начать пробираться к 117-му полку. Осмотрела и изучила местность. Разведала слабые места в боевых порядках врага и с наступлением темноты двинулась вперед.

Сквозь огонь разрывов снарядов и мин, сквозь стену пулеметного и автоматного огня, метр за метром, ползком и молниеносными перебежками, горстка героев добралась до командного пункта полка, находившегося в одном из подвалов подстанции.

Пехота, танки и самоходки гитлеровцев со всех сторон били почти в упор по развалинам. Около сотни израненных, истекающих кровью бойцов отбивали атаки. Уже нет перевязочных средств и продовольствия. Нет воды и кончались боеприпасы. Было много только одного: желания выстоять. И люди стояли!

Андреева нашли на наблюдательном пункте. Переходя от одного пролома в стене к другому, он наблюдал за ходом боя своих батальонов. Отблески вспышек тусклого света, проникавшего через окна и проломы, выхватывали из темноты его плотную фигуру. На голове белела повязка. У бойниц дежурили бойцы, готовые к отражению атак с любой стороны.

— Не наблюдательный пункт, а бастион крепости! — сказал Ничипоренко, протискиваясь через отверстие в полу вслед за сопровождающим его бойцом.

Услышав возню, Андреев повернулся в их сторону и спросил:

— Кто это тут скребется?

— Это я, Ничипоренко.

— Кто? Ничипоренко? — опешив, Иван Дмитриевич несколько секунд молчал, осмысливая происходящее, а после этого воскликнул:

— Николай Емельянович! Какими судьбами? Откуда ты взялся тут?

— Вот и взялся. Пришел, как всегда, доводить до бойцов приказ комдива. Чем же еще могут заниматься политотдельцы? Отгородился тут от всего мира фашистским заслоном,— сказал ему шутя Николай Емельянович,— и думал, что не найдем тебя. Готовься выводить полк, и немедленно.

— Полк... Эх, ешькина мать,— вздохнул тяжело Андреев,— видел бы ты, что от него осталось! Как говорят в донесениях: «Сотня активных штыков», да и та наполовину состоит из раненых... Ну, ладно! Они свое дело сделали. Если бы сейчас было светло, ты смог бы полюбоваться ковром из трупов в зеленых шинелях, что устилают местность впереди нас. А теперь к делу. Давай, выкладывай!

— А что выкладывать? Я уже все сказал. Надо выводить полк из окружения.

После этих слов Ничипоренко рассказал ему о том, как и каким путем они пробирались в полк.

Андреев приказал срочно собрать к нему командиров подразделений и стал, размышляя вслух, перебирать варианты, где лучше нанести удар, чтобы прорваться с наименьшими потерями, и как лучше построить боевой порядок полка:

— Идти там, где проползли вы, нельзя. Фашисты в конце пути заметили и обстреляли вас. Следовательно, на этом участке они будут более бдительны. А нам нужна внезапность. Кроме того, вы долгое время про-

бирались вдоль фронта, по территории, занятой противником. Это возможно только для маленькой группы, а не для полка, состоящего из раненых и измученных людей. Тут нужен короткий, дерзкий удар. Место для такого удара надо выбрать там, где короче путь и меньше пехоты противника. Танки ночью будут нам не так опасны. Надо только поближе подобраться к ним. Тогда мы легко сможем поражать их гранатами и бутылками с зажигательной смесью, а они, боясь поразить в темноте друг друга и свою пехоту, будут опасаться вести огонь не только из орудий, но и из пулеметов. Наша сила будет в рукопашной схватке — штык, нож, граната. Лучше всего для удара подходит участок, находящийся перед 3-м батальоном. Там как раз такие условия,— закончил излагать свой план Андреев.

Один за другим на командном пункте появились командиры батальонов. Приказ был коротким и четким — место и направление удара, куда выйти, кто осуществляет прорыв, кто обеспечивает фланги, кто прикрывает отход с тыла и подбирает раненых. Времени на подготовку было выделено полтора часа.

В назначенное время, собрав все силы, перевязав раны, со связками гранат в руках, поддерживая обессилевших раненых, воины полка двинулись вперед. Подобрались вплотную к противнику и без криков «ура», втихомолку бросились против стальной стены стоящих на пути танков и самоходок. В передних рядах шел Андреев, а с ним рядом его бойцы, такие же упрямые, как и он. Фашисты, не ожидавшие такой дерзости, от, казалось бы, уже обреченного гарнизона подстанции, растерялись. В разных местах раздавались выстрелы, короткие очереди из автоматов и взрывы гранат. Кое-где вспыхивали ракеты, и тогда то тут, то там становились видны группы наших бойцов, схватившихся в смертельной рукопашной схватке с врагом. Звяканье оружия перемежалось со стонами.

Вдруг запылал один танк. Взлетела в воздух самоходка. Расстреливая в упор опешивших гитлеровцев и уничтожая их в коротких рукопашных схватках, наши бойцы шаг за шагом продвигались вперед. Жаркий бой не обошелся без потерь, но задача была выполнена. Полк к рассвету вышел из окружения и занял указанный ему рубеж.

Да, 117-й полк жил и впоследствии еще немало неприятностей причинил врагу.

В ночь на 18 октября распоряжением Чуйкова он был возвращен в дивизию и сосредоточился в цехах завода «Красный Октябрь». Все прибывшее пополнение мы отдали ему. А утром озверевший враг, обозленный большими потерями и провалом многодневных попыток выйти к берегу Волги, обрушил на нас новое море огня и снова бросился в безумные атаки.

Беспокоило положение на нашем правом фланге. Там в поселке, севернее завода «Красный Октябрь», на участке соседа появились вражеские автоматчики. Пришлось срочно придвинуть к флангу еще не успевший прийти в себя полк Андреева. В 10.25 на имя Гурьева из штаба армии поступила записка такого содержания:

«Командарм приказал выделить две стрелковые роты в распоряжение 193-й стрелковой дивизии для восстановления положения на южной окраине завода «Баррикады». Исполнение донести.

Начальник штаба Крылов».

А в 11.00 генерал Крылов по телефону это распоряжение отменил и приказал на усиление дивизии Смехотворова послать не две стрелковые роты, а остатки 117-го полка. Таким образом снова полк Андреева ушел помогать другой дивизии. Тяжело, но надо. Все понимали, что, если не устоит сосед, не устоим и мы.

Враг продолжал наседать. Наши подразделения отбили за день 7 атак, уничтожив при этом 18 танков

и до трех батальонов пехоты. Противник атаковал, но уже чувствовалось, что он выдыхается. Количество самолетов, летающих над нашими головами, уменьшалось.

На следующий день нами был получен приказ выровнять фронт. По этому приказу отдельные наши подразделения, оказавшиеся в полуокружении, мы отвели метров на двести ближе к Волге.

Выравнивание фронта позволило нам несколько уплотнить боевые порядки. Это было очень кстати, так как на 19 октября общее количество людей, принимающих непосредственное участие в бою (количество «активных штыков»), в трех наших стрелковых полках составляло всего 800 человек. Однако полки не потеряли своей способности не только удерживать занимаемые рубежи и оказывать помощь соседям, но и тревожить врага активными действиями.

После некоторого затишья с 21 октября бои за завод начали разгораться с новой силой. Оказывается, фашисты получили подкрепление. В этот день и к нам в дивизию на усиление прислали ранцевые огнеметы, которые мы распределили по подразделениям и в этот же день довольно успешно использовали. Отбивать атаки врага стало легче.

Ночь на 22 октября выдалась исключительно темной, и наши разведчики удачно провели несколько вылазок. Из полка Лещинина, например, мне сообщили, что младший лейтенант Соловьев с группой бойцов ворвался в фашистский окоп, уничтожил 17 гитлеровцев, захватил пленного и пулемет. После выполнения группой Соловьева задачи боец Афонькин, оставленный прикрывать отход, уничтожая фашистов, вел огонь из захваченного пулемета вдоль вражеского окопа. Израсходовав все патроны, он ушел догонять свою группу, которая вскоре в полном составе вернулась в свое подразделение.

С утра обстановка постепенно усложнялась. Враг, видимо, прощупывая нашу оборону, то тут, то там наносил удары. Но эти атаки были успешно отбиты на всех участках нашей обороны. Появились самолеты противника. Началась бомбежка. Мы ждали очередной атаки врага, но он почему-то молчал.

Все было относительно хорошо. Но вот в середине дня мы получили скорбную весть о том, что в 12.30 погиб Андреев. Мне не верилось. Я вспомнил, как он десять дней назад уходил со своим полком на помощь дивизии Жолудева. Вспомнил его улыбку и прощальный жест. Нам ведь после этого так и не удалось встретиться.

Вечерело. Не соблюдая строя, вороньей стаей скрылись вдали немецкие самолеты. Очистилось розовеющее небо. Их «величества из высшей расы» торопились к ужину. Эти «сверхчеловеки» еще пытались соблюдать свою немецкую пунктуальность и привычный казарменный распорядок дня. Им, видимо, очень хотелось отдохнуть после «трудового дня». Но не тут-то было!

— Проверим, у кого крепче нервы,— сказал стоящий недалеко от меня майор Сметанин.

С того берега «закурлыкал» снаряд. Один, за ним другой, потом они полетели десятками. По позициям врага заметались дымы разрывов. Я посмотрел на торчащую, со сбитым верхом, заводскую трубу. Там, в ней, сидели наши корректировщики. Хорошо работали артиллеристы — снаряды ложились точно по целям. Обстрел продолжался до полной темноты.

Потом принялись за дело наши разведчики, нанося по позициям гитлеровцев беспокоящие удары. А еще не остывшие после боя солдаты батальонов взялись за восстановление и укрепление позиций. Им на помощь, волоча за собой ящики со взрывчаткой, проволоку и другое имущество, пошли саперы. Мы понимали, что противник сегодня вел только разведку боем, прощупывая

наши слабые места, что самое трудное еще впереди.

С группой саперов прошагали мимо Шульгин и молодой командир взвода из саперной роты лейтенант Козлов. Поравнявшись со мной, он доверительно прошептал, что они придумали устроить фашистам несколько сюрпризов, соорудив на направлениях их вероятных атак «камнеметы».

— Земля твердая, камней много, вот мы и выдолбим в этой земле колодцы, наклоненные устьем в сторону противника, вниз заложим взрывчатку и засыплем камнями... В нужный момент подорвем заряд, и полетят наши камешки, как ядра, на головы атакующих фашистов.

Штабы полков донесли о положении своих подразделений. Из донесений было видно, что правее завода «Красный Октябрь», фронтом на север, в районе улицы Долинской, помогая 193-й дивизии, держит оборону 117-й полк. Левее его, от улицы Уманской, на западной окраине завода дерется 120-й полк Горячева. И, наконец, на юго-западной окраине завода, упираясь левым плечом в Банный овраг, стоит 112-й полк Лещинина. Его батальоны располагались так: первый — в районе Русской деревни, второй — в зданиях промкомбината и третий — в районе райвоенкомата.

Выслушав доклад, генерал спросил:

— Кого же нам назначить вместо Андреева командиром 117-го полка? С Чуйковым я уже говорил. Просил «подбросить» на эту должность, но у него тоже никого нет. Говорит, выдвигай своих. А кого? Вот разве Низамова? Пожалуй, это будет наиболее подходящая кандидатура. А начальником разведки вместо него к тебе в штаб пока назначим Сосновского. Как он — справится?

— Мне кажется, что да. Хотя он совсем недавно пришел в армию, но человек грамотный и инициативный, а военного опыта наберется.

Так и решили. Мне не хотелось, чтобы из штаба ухо-

дил такой опытный разведчик, как Низамов, но обстоятельства требовали.

— И вот еще что,— сказал Степан Савельевич,— надо на завтра в боевом распоряжении дать Лещинину указание о более активных действиях. 112-й полк у нас наиболее сильный, и его контратаки во фланг наступающему противнику очень помогут 120-му и 117-му полкам, по которым, как видно по обстановке, фашисты собираются наносить завтра свой главный удар.

Передав распоряжения Гурьева в полки, я, пробираясь сквозь тьму, направился на наблюдательный пункт. Шел ночной бой. Светящиеся рои трассирующих пуль шустрыми стайками проносились над землей или рассыпались звездами, встретив на пути стену дома или цеха завода. Это действовали наши разведчики и боевые группы. Они всю ночь неутомимо тревожили противника и нарушали его намеченный на сутки распорядок.

«Вот не поспят ночку, думал я, прислушиваясь к звукам ночного боя, смотришь, завтра поменьше будут хорохориться и быстрее скиснут».

Но утром снова все вокруг гремело и стонало. Снаряды всех видов и калибров опять валились на наши позиции и делали свое черное дело. Поверхность заводской территории и прилегающей местности постоянно меняла свой вид. Мелкие овражки сравнивались, крупные становились мелкими. Многоэтажные здания превращались в бесформенные груды развалин. Многотонные станки и машины разлетались на куски. Земля со всеми нашими оборонительными сооружениями перемалывалась, словно в невиданно гигантской камнедробилке.

Постоянно терялась связь с полками. Покрытые пылью, закопченные связисты бросались в пекло искать повреждения. К концу дня на месте линий оставались обрывки проводов, и их приходилось прокладывать заново. За несколько последних дней на линию общей

протяженностью 5—6 километров было израсходовано около 60 км провода.

...Словно хлопья снега, в воздухе завьюжили листовки с угрозами и предложениями сдаться. И снова бомбы... Земля дрожала, и порой было такое чувство, что она расползается под ногами. Были моменты, когда казалось, что, кроме тебя, вокруг уже не осталось ни одного живого существа, лишь бочка, сброшенная на днях с самолета и упавшая возле наблюдательного пункта, как живая, покачивалась на бруствере и гудела от попадающих в нее осколков.

Немцы переносили огонь и начинали атаку. Но тут земля, казавшаяся мертвой, внезапно оживала и вставала на их пути. Укрывшиеся в развалинах бойцы косили ряды противника огнем из пулеметов, винтовок и автоматов. Лица воинов были покрыты пылью и каплями пота. Оружие липло к вспотевшим рукам. На гимнастерках многих бурыми пятнами темнела запекшаяся кровь. Все внимание было обращено туда, в сторону наседающего врага.

Подошедшие к нашему переднему краю гитлеровские танки наткнулись на расставленные ночью нашими саперами мины. Несколько машин подорвалось, остальные остановились. Этого было достаточно, чтобы гранатами и бутылками с зажигательной смесью поджечь еще несколько танков. Пехота, шедшая за танками, залегла. Отлично сработал «камнемет», о котором мне ночью рассказывал лейтенант Козлов. Понеся огромные потери, враг начал отходить.

Но и опять ненадолго. Вскоре начался новый огневой налет. А вслед за ним атака. Наступающие фашистские солдаты были пьяны. А пьяному человеку, как говорят, море по колено. Они с остервенением лезли буквально напролом. Наши бойцы метким прицельным огнем били их. Часть из них, та, что атаковала 120-й полк у железной дороги, наткнулась на «мзп» (малоза-

метные препятствия, сделанные из очень тонкой спутанной проволоки, прикрепленной колышками к земле) и путалась в них.

От Лещинина поступило донесение, что в стыке между его полком и полком Горячева в Банный овраг просочились немецкие автоматчики, овладели баней, находящейся южнее завода, над штабом полка нависла угроза захвата. А защитить его некому, так как все подразделения были «прикованы» к переднему краю.

В этот критический момент, уже в четырнадцатый раз за этот день, прекратилась связь с полками, и мы вынуждены были перейти на управление через нарочных и связных. Связные уходили и под огнем им одним известными путями быстро доставляли приказания и донесения.

Вот некоторые из этих донесений:

«Лещинину. Автоматчиков уничтожить, положение восстановить. Сзади подпирает учебный батальон. Гурьев».

«Командиру учебного батальона. Прочесать овраг Банный до командного пункта 112-го полка. Уничтожить фашистских автоматчиков в бане. Выяснить обстановку и срочно донести. Гурьев».

Прибежал раненый посыльный из 117-го полка. Передав записку, он, обессиленный, упал. В записке было сказано:

«Колонна машин с пехотой сосредоточивается в северной части улицы Краснопресненской. Убит командир 1-го батальона. Ранен начальник штаба полка Сергиенко. Низамов».

Пишу распоряжение артиллеристам:

«Начальнику артиллерии. Дать срочно огонь по северной части улицы Краснопресненской».

Приказав перевязать посыльного, подхожу к Гурьеву и показываю записку, полученную только что из 117-го полка. Решили в помощь Низамову послать Ор-

лова, последнего моего помощника по оперативным вопросам. Вскоре, после того как посыльный побежал за Орловым, пришел в себя связной из 117-го полка. Он спросил:

— Разрешите идти в полк?

— А дойдешь?

— Дойду! Это со мной получилось потому, что я торопился доставить донесение и не хотел останавливаться, чтобы перевязать рану. Ведь рана-то пустяковая,— виновато проговорил он.

— Ну хорошо. Вот сейчас подойдет майор Орлов, и ты проведешь его к командиру полка.

Прибежал Орлов. Степан Савельевич проинструктировал его, и он в сопровождении бойца, принесшего донесение, скрылся среди развалин.

Поступали все новые и новые донесения. Они говорили о напряженности обстановки. К концу дня пришло донесение от Лещинина о том, что подразделения его полка, совместно с учебным батальоном, при поддержке артиллерии и минометов выбили противника из бани и, преследуя его, ворвались в поселок севернее райвоенкомата.

А в это время на нашем правом фланге противник продолжал атаковать, нанося удар вдоль Центральной и Карусельной улиц. Враг продвинулся за железную дорогу. Начался бой в цехах завода. Через смятый левый фланг соседней дивизии на территорию завода с севера прорвалось до батальона пехоты противника. 120-й и 117-й гвардейские полки, которые стояли на западной окраине завода «Красный Октябрь», оказались в полукольце. С некоторыми батальонами была потеряна связь. Нависла угроза захвата противником огневых позиций артиллерии и минометов, а также командных пунктов и узлов связи.

Большая группа противника появилась вблизи мостового цеха и центральной заводской лаборатории.

Обстановка накалялась. Бой гремел всюду. Боевые порядки наших частей и противника местами перемешались. Появились немецкие самолеты, но, чтобы не поразить своих, только кружили над заводом, а не бомбили.

Группа разведчиков артиллерийского полка, найдя укромное место на печи разрушенного чугунолитейного цеха, устроила там наблюдательный пункт, с которого корректировала огонь батарей, стоявших на огневых позициях за Волгой. В составе этой группы был разведчик Ваня Божесков, молодой паренек из Средней Ахтубы. До войны он учился в школе ФЗУ на «Красном Октябре». Теперь же ему пришлось направлять огонь по своей школе. Но что поделаешь: война есть война. Тем более что в этом здании укрывались ненавистные ему фашисты. Поэтому он не жалел, что на его глазах рушились стены родной школы: кончится проклятая война, и люди отстроят новую, еще более прекрасную школу.

Ваня был подвижной, небольшого роста и обладал удивительной способностью пробираться незаметно среди развалин, потому пользовался среди своих товарищей авторитетом смелого, смекалистого бойца, и друзья полушутя, полусерьезно называли его, восемнадцатилетнего, «Иван Михайлович».

Отличился Ваня Божесков и в тот день, когда шел бой у центральной лаборатории и в районе чугунолитейного цеха. Разведчик вдруг заприметил гитлеровца, судя по его поведению, лазутчика, появившегося в чугунолитейном цехе. Тот крался вдоль стены к печи, на которой, как мы уже говорили, находились наши корректировщики. Ваня подал рукой сигнал товарищам, чтобы они были настороже, а сам подобрался к краю печи и замер. Когда фриц поравнялся с ним, Ваня бросился сверху ему на плечи. Фашист от неожиданности и страха упал, а когда опомнился и увидел, что ноша

очень легкая, было уже поздно. Его окружили Ванины друзья, которые стояли рядом и хохотали.

— Смотри, какой маленький, а какого дурня поймал.

Гитлеровец бросился было бежать, но его успели схватить, «успокоили» и привели в штаб. При допросе пленный показал, что он из 212-го пехотного полка 79-й пехотной дивизии. Так мы узнали, что на нас наседает новая, пришедшая из глубокого тыла, пополненная до штатного состава дивизия и что личный состав на ее пополнение прибыл из резервных частей, расположенных в оккупированной Франции.

А наша дивизия в этот день не только выстояла, но, несмотря на свою малочисленность, еще находила в себе силы оказывать помощь соседним подразделениям, отстаивавшим Краснооктябрьский район — израненный клочок сталинградской земли.

К концу дня осложнилась обстановка в 120-м полку, отбивавшем атаки со стороны улицы Центральной. Сообщили, что ранен в голову командир полка Горячев, ранило его заместителя по политической части и еще четырех штабных командиров. Полк возглавил капитан Кухаренко.

А противник продолжал со свежими силами рваться на завод. Им снова захвачены гараж и центральная заводская лаборатория. И не потому, что не выдержали наши солдаты, а потому, что стоять было некому, в неравных схватках умирали бойцы. Поставленная на этом направлении на прямую наводку артиллерийская батарея под командованием лейтенанта Серебрякова подбила четыре танка и истребила много пехоты. Лейтенант Серебряков погиб, но батарея стояла, и дальше позиции, где укрепились артиллеристы, враг не прошел.

К исходу дня над тылами частей опять нависла угроза со стороны противника, захватившего заводскую лабораторию. Выбить оттуда фашистов поручили

командиру роты 120-го полка Мирошниченко. Бывший студент Харьковского педагогического института, он, идя со своей ротой на штурм здания, сказал командиру батальона Вениамину Кочеткову:

— Сейчас мы им, этим свежим, прибывшим к нам на обучение из Франции фрицам прочтем лекцию на тему· «Гранатоведение». Об усвоении ее ими доложу на заре.

И за ночь лаборатория, переходившая из рук в руки, в третий раз была очищена от врага. Убегая, фашисты оставили на этот раз 53 трупа, 2 пулемета и много винтовок. Сдержал свое слово храбрый командир Мирошниченко, проучили фашистских вояк его солдаты.

Ожесточенные бои продолжались и в следующие дни. Потеснив к Волге 193-ю стрелковую дивизию, противник, обойдя 120-й и 117-й полки, пробился к мартеновскому цеху. Но от берега туда была брошена разведывательная рота дивизии, а со стороны западной окраины завода повернут 120-й полк. Не выдержали напора враги, даже побросали свои автоматы. Цех был очищен.

После этого 117-й полк был поставлен фронтом на запад, к сортовым цехам завода, еще занятым противником. На правом фланге полка за листопрокатный цех бой вел пулеметный батальон.

Командир батальона Трофимов, заступивший на место раненого Пальчикова, донес:

«Батальон своим огнем в течение дня уничтожил живую силу и огневые точки противника. За день сам потерял 12 человек: трое убиты, остальные ранены. Сильно устали. Не спали трое суток. За товарищей отомстим. Действую в составе пяти бойцов и двух командиров...»

Больше донесений из пулеметного батальона не поступало.

Бои шли пятый день, казалось, что им не будет кон-

ца. Но прошел и этот день. День — длиною в год...

Вечером 26 октября из штаба армии к нам прибыл майор Юрий Макарович Мазный. После окончания курсов переподготовки командного состава «Выстрел» его назначили к нам командиром 117-го полка. Но так как 117-м полком уже командовал Низамов, а в 120-м полку после ранения Горячева командира не было, то генерал направил Мазного в 120-й полк.

Полк находился в трудных условиях. Да, принимал он его в нелегкой обстановке: бои проходили в цехах завода в очень сложной ситуации. Подразделения дрались в развалинах мелкими обособленными группами. В связи с этим командиры рот и даже взводов не всегда были в силах управлять своими подчиненными. В такой трудной обстановке особо поднялась роль младших командиров и инициатива бойцов. Гвардейцы проявляли такую стойкость, находчивость и мужество, которым (по нашим сведениям) удивлялся даже враг.

Часто наши бойцы, обороняя какую-нибудь группу развалин, использовали для боя не только свое личное оружие, но и оружие вышедших из строя товарищей. Так удерживал со своим отделением подсобное здание модельного цеха сержант Сенкин. Он лежал у пролома в стене и наблюдал за группой фашистов, которая пробиралась по развалинам к линии внутризаводской железной дороги и накапливалась в канаве. Рядом с сержантом на куче камней лежали приготовленные к бою автомат и противотанковое ружье. Сенкин и его бойцы понимали, что с минуты на минуту фашисты бросятся атаковать их позицию. До канавы было 100—150 метров открытого пространства. Бойцы отделения вели по гитлеровцам редкий и малоэффективный огонь.

«Патронов мало. Надо бить наверняка»,— подумал Сенкин и подал команду:

— Не стрелять! Подпустить поближе!

Фашисты, обманутые молчанием, двинулись в атаку.

Все ближе и ближе продвигалась вражеская цепь. Пальцы бойцов, лежащие на спусковых крючках оружия, едва подчинялись их воле. Гитлеровцы прошли уже половину пути, когда заработал автомат командира отделения. За ним открыли огонь и его солдаты. Дико орущие фашисты начали падать и метаться, ища укрытия на гладкой, покрытой булыжником мостовой. Потеряв больше половины своего состава, они, устилая двор трупами, бросились назад. Навстречу им из канавы выскочили два офицера. Сенкин направил огонь своего автомата на них.

— Далеко! — промолвил сержант, видя безрезультатность своих выстрелов. Тогда он схватил винтовку и метким выстрелом уложил одного из офицеров. Второй быстро повернул обратно и исчез в канаве. Остервенело заработал вражеский пулемет. Защелкали пули, вздымая пыль и кроша кирпичи. Бойцы отделения прижались к земле. Сенкин схватил противотанковое ружье и произнес:

— Это достанет!

Тщательно прицеливаясь, он повел огонь из ружья. Находившийся за дорогой в укрытии пулемет замолк. Ринувшиеся было в новую атаку фашисты, встреченные огнем гвардейцев, снова с потерями повернули назад. И больше они в этот день наступать не пытались. Дорого заплатили гитлеровцы за свои попытки овладеть рубежом, обороняемым отделением Сенкина. За последние три дня сержант только лично уничтожил 31 фашиста. Бойцы его отделения говорили:

— Герой наш сержант, истинный воин!

Уже смеркалось, когда противник неожиданно, без всякой подготовки, при поддержке четырех танков бросил в атаку до батальона пехоты против 3-го батальона 112-го полка. Расчет противотанкового ружья, ведя огонь по подошедшим танкам, подбил одну машину, но остальные танки обрушили на смельча-

ков огонь, и расчет выбыл из строя. Тогда к оружию лег младший политрук Проценко и подбил еще один танк. В третий ворвавшийся на позиции батальона танк были брошены бутылки с зажигательной смесью, и он превратился в факел. А четвертый повернул восвояси. Спасло его то, что успел скрыться за стеной.

С наступлением темноты противник обычно активные действия прекращал, и инициатива начинать ночной бой чаще всего исходила от нас. Но сегодня, несмотря на то, что уже давно стемнело, бой не прекращался. Гитлеровцы то в одном месте, то в другом наносили нам удары.

Готовые ко всяким сюрпризам, мы решили пораньше занять свои места на наблюдательном пункте.

Уходя по скользким тропинкам в полную неожиданностей темноту ночи, мы взяли с собой автоматы, запасные диски к ним, до предела нагрузились гранатами. И не зря. Утро началось опять с ожесточенного артиллерийского обстрела и бомбежки. Затем последовала мощная атака. Гитлеровцам удалось прорвать в нескольких местах наши ряды и занять крайние к северу цехи.

Во второй половине дня прекратилась связь со 120-м полком. Для ее восстановления майором Никоновым была выслана группа из восьми связистов под командой лейтенанта Слепухина.

Едва связисты скрылись, как прибежал комиссар рабочего отряда завода «Красный Октябрь» Сисеров и доложил, что в мартеновском цехе появились немцы, с которыми его бойцы ведут неравный бой. Требуется немедленная помощь. Гурьев послал свой последний резерв — разведывательную роту.

Бой кипел. Стихало в одном месте, разгоралось в другом. Отовсюду доносились крики и стоны раненых.

Вот послышалась стрельба в том направлении, куда ушли наши связисты. Вскоре лейтенант Слепухин доло-

жил, что связь со 120-м полком восстановлена, но сейчас около контрольной телефонной станции, расположенной на северной окраине цеха блюминг, появились немцы, с которыми его группа вступила в бой. Фашисты пытаются пройти к мартеновскому цеху, где слышна стрельба. Слепухин положил трубку.

Звуки перестрелки постепенно приближались. Мы поняли, что противник начал наступление непосредственно на наш командный пункт. В бой включились все, даже штабные работники.

Перед нами разрушенное здание новосреднесортного цеха. До него метров 100 небольшое пространство вздыбленной земли, заваленной грудами кирпича и железа и покрытой большими воронками. Я вижу, как перебегают и быстро прячутся в этих воронках гитлеровцы. Несмотря на потери, фашисты упрямо приближаются. Рядом со мной ведут бой воины комендантского взвода и командиры штаба. Из ближайших воронок, кувыркаясь, в нас летят немецкие гранаты, падают и рвутся вокруг. Появились раненые, но никто из них не уходит с позиций.

Впереди, несколько правее, чернеет здание мартеновского цеха. Там тоже идет бой. Волнует вопрос — какова там обстановка? Да и общая обстановка перед фронтом дивизии — тоже. Пользуясь тем, что к нам на помощь пришли саперы и музыкантский взвод, я хотел подойти к телефону, но в это время фашисты с диким криком бросились в атаку, и мне снова пришлось взяться за автомат.

Не знаю, сколько времени прошло с начала атаки до того момента, когда противник, не выдержав нашего сопротивления, начал откатываться назад, но нам оно показалось очень долгим.

Видя замешательство в рядах фашистов, наши бойцы бросились в контратаку. Первым поднялся и повел группу своих бойцов заместитель командира саперного

батальона по политической части капитан Мишак. Едва он перевалил через бруствер окопа и бросился к ближней воронке, навстречу ему поднялся гитлеровский офицер. Завязалась рукопашная схватка, в руках у обоих заблестели ножи. Капитан Мишак заколол фашиста, затем из пистолета пристрелил еще пятерых гитлеровцев, спешивших на помощь своему офицеру. Одновременно с группой Мишака в контратаку бросились и бойцы комендантского взвода. Их возглавили начальник строевого отделения нашего штаба старший лейтенант Борис Зосимов, старшина Алексей Погодин и боец Борис Куликов. Рукопашная схватка разгоралась. В ходу было все — приклады, ножи. Раздавались короткие очереди и отдельные выстрелы. Возгласы «Ура!» смешались со злобными немецкими криками. И фашисты не выдержали и побежали. На их плечах мы ворвались в новосреднесортный цех и почти полностью очистили его от немцев.

В бою старший лейтенант Зосимов уничтожил семерых гитлеровцев, Погодин — четверых, а наш богатырь Куликов — десятерых.

В этот день я снова видел в «деле» нашего Гришу. Его плотная, с немного опущенными плечами фигура мелькала то тут, то там. Отражая атаки гитлеровцев меткими бросками гранат, он уничтожил многих из них, а затем в числе первых бросился в контратаку и выстрелами из своей винтовки уложил еще трех фашистов.

Не менее храбро и самоотверженно дрались в этот день все бойцы и командиры штаба. Некоторые из них пали смертью храбрых, и среди них был капитан Мишак.

Бой длился до вечера. Фашисты еще несколько раз пытались атаковать наш командный пункт, но все их попытки не удались. Гитлеровцы оставили у наших позиций горы трупов, но к Волге так и не прошли, хотя до нее оставались считанные десятки метров. К вечеру

пришла помощь, присланная Чуйковым,— рота охраны штаба армии. Ее включили в состав дивизии и поставили на участке обороны 117-го полка, перед нашим штабом.

Удерживали свои позиции пять дней и связисты Слепухина, оборонявшие созданный ими опорный пункт до тех пор, пока их не сменила рота 120-го полка. Они уничтожили более 100 гитлеровцев, потеряв счет отбитым атакам.

Мартеновский цех в этот день тоже отстояли и очистили от ворвавшихся туда фашистов. В нем прочно обосновался и держал его до конца Сталинградской битвы 120-й гвардейский полк.

...Вечер. Бой немного стих. Окончился еще один день. Тяжелейший день в моей жизни. На наблюдательном пункте остался Гурьев, а я по тропинке спускаюсь в штаб. Иду готовить приказ. Надо сделать в течение ночи кое-какие перестановки в боевых порядках и улучшить огневую систему, нарушенную в процессе боя. Иду, а в глазах стоит картина жестокого боя. Уже пять дней немцы ведут ожесточенные атаки, но не в силах сломить стойкость гвардейцев. Все спуталось, и трудно было отличить, где кончалось «вчера» и начиналось «сегодня». Все слилось в какой-то сплошной кошмар. Бойцы изнемогали от постоянного напряжения и бессонных ночей.

Вот уже и штаб. Показались темнеющие в круче, как гнезда стрижей, земляные норы блиндажей: землянка политотдела, за ней немного ниже — передовой медицинский пункт, землянка генерала Гурьева. Рядышком располагались связисты, разведчики, пункт сбора донесений и т. д. В каждой землянке своя жизнь, своя работа, но и тут все подчинено одной задаче — выстоять!

Захожу в землянку оперативного отделения. Оперативники готовят проект приказа, мучительно ломая го-

лову, как расставить силы, чтобы завтра с меньшими потерями разбить наседающего врага.

Беру донесения. Командир полка Лещинин подчеркивает особое мужество 2-го батальона, который за последние два дня уничтожил 341 фашиста, 2 танка и одну 37-миллиметровую пушку. Четырех гитлеровцев захватил в плен.

Надо сходить узнать,— решаю я,— что показали пленные. И, приказав готовить сводку, направился к разведчикам. Подхожу к их землянке, а со стороны оврага Банный солдаты ведут ссутулившегося фрица. Вслед за ними протискиваюсь в землянку и я. В углу, в полумраке сидит переводчик Сосновский.

Пленный, войдя в землянку, осматривается. У входа стоит «катюша», на столе возле Сосновского — вторая, неровным светом они освещают подземелье. От их тусклого света по стенам движутся и перекрещиваются двойные черные тени. Солдат, приведший пленного, показывает ему на стоящий у стены снарядный ящик. Тот садится и что-то бормочет. Сосновский улыбается.

— Что это он сказал?— спросил я.

— А он это по-латыни,— ответил Сосновский и сразу перевел: «Оставьте надежду, входящие сюда».— Такие слова, если верить Данте, были написаны на воротах ада. Вот этот недобиток и сравнивает Сталинград с адом, а нашу землянку— с одной из кухонь преисподней. Рассчитывали на легкую победу, да подзастряли. Видимо, интеллигент, знает Данте. Быстро сбили с него спесь.

— А вообще-то он прав, и в отношении ада, и в отношении надежд. Сталинград дважды в жизни одного поколения разбивал надежды врагов нашей Родины. И мне кажется, что после войны, в порядке предупреждения новых охотников до подобных авантюр, на воротах Сталинграда следовало бы написать что-нибудь подобное.

— Нет. Зачем Данте? Лучше уж использовать для этого слова Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля русская»,— ответил я Сосновскому, и мы начали допрос.

Пленный показал, что 79-я пехотная дивизия уже потеряла половину своего состава. Настроение солдат неважное. Единственное, что толкает гитлеровцев на безумные атаки, это надежда получить при выходе к Волге обещанный Гитлером отдых и близкий конец войны. Однако все больше убеждаются в том, что это — пустой звук.

Возвращаясь от разведчиков, я зашел в медпункт сменить повязку на раненой руке. Около медпункта, под обрывом, лежали, дожидаясь очереди на перевязку, десять раненых бойцов. Сюда поступали только те, кому требовалась срочная помощь. Остальные раненые направлялись прямо на переправу.

Захожу в штольню. Те же «катюши». Обитые простынями стены. В центре помещения два стола. На столах — накрытые простынями раненые. У первого стола — хирург Михаил Дементьевич Цивцивадзе. Высокого роста, он, чтобы голова не упиралась в потолок землянки, стоит, широко расставив ноги. За другим столом склонился хирург Соловьев. Работа идет споро — у сестер, у врачей привычные, строго рассчитанные движения рук. Тишина нарушается лишь стонами раненых да короткими командами хирургов, дающих указания медперсоналу.

Операция окончена, раненого уносят, его место занимает другой. И так без конца, день за днем. Сколько они стоят здесь без смены? Я вижу, что все они качаются от усталости, а количество раненых около медпункта не уменьшается. Как можно выдержать, работая с таким напряжением в этом полумраке? Кругом кровь. Кровь на руках, халатах, на простынях и стенах. Тя-

желый запах йода и других медикаментов смешался с гарью коптилок.

Возвратясь в оперативное отделение, я познакомился с составленными сводками, откорректировал и подписал подготовленные боевые распоряжения. Теперь можно было снова идти на наблюдательный пункт. Но предварительно требовалось проинструктировать офицеров штаба, идущих в полки с боевыми распоряжениями. Дожидаясь, пока они подойдут, я стал просматривать нашу дивизионную газету. Ко мне подошел Ерхов.

— Я слышал, что ты сейчас идешь в полк?

— Да, но сначала побываю на наблюдательном пункте. Ознакомлюсь с обстановкой, посмотрю, поговорю с наблюдателями и дежурящими там артиллеристами, а уж потом стану пробираться в полк.

— Ничего, это меня устраивает. Побуду и я на НП, а то не хочется ползти одному, вдвоем как-то веселее,— затем, немного помолчав, добавил:— Пойду побеседую с агитаторами. Ты знаешь как я их называю?

— Нет.

— Полпредами.

— Почему?

— Находясь все время с бойцами, они ведут с ними огромную работу. Несут в их среду слово партии, делая это чаще всего не словами, а личным примером. Немалая заслуга их и в том, что многие воины хотят идти в бой коммунистами и потом с честью несут это высокое звание.

Вот вчера, перед боем мы приняли в партию нескольких бойцов отличившегося 2-го батальона 112-го полка — Ангилопова, Махова, Евсеева и Баландина. Они, подавая свои заявления, заверили, что, пока видят их глаза и бьются сердца, врагу не пройти. Баландин вчера погиб в единоборстве с танком, отстаивая школу № 34. А Ангилопов, бесстрашный тридцатидвухлетний боец, прибывший защищать Сталинград из да-

лекой Восточно-Казахстанской области, уже имеет на своем счету около полусотни уничтоженных врагов. Он, еще не будучи коммунистом, уже работал агитатором. Хороший боец!

Рассказ Ерхова прервали вошедшие офицеры, и вскоре мы с Федором Алексеевичем уже пробирались к переднему краю.

В 15.30 28 октября из штаба армии нам поступила радиограмма:

«Хозяин приказал оказать поддержку правому соседу огнем и живой силой. Крылов».

Мы уже знали, что к нам на правый фланг, на место измотанного в боях соседа — 193-й дивизии Смехотворова, приходит свежая 45-я имени Щорса дивизия под командованием Соколова. Сегодня начал переправляться 253-й полк этой дивизии. Для прикрытия переправы нами был выделен отряд под командованием старшего лейтенанта Ивана Алексеевича Тимофеева. Отряд, отбивая атаки рвущихся к переправе фашистов, обеспечил высадку и выдвижение на позиции севернее завода «Красный Октябрь» 253-го полка.

Появление нового сильного соседа резко улучшило обстановку в нашем районе действий.

Все эти дни в овраге Банном, в землянке укрывалась от бомбежек не успевшая эвакуироваться старушка с пятью детьми. Старшему было 9 лет, его звали Колей, младшему — 2 года. Коля помогал бабушке, и бойцы часто видели его бегущим по оврагу с бидончиком в руке к Волге за водой. Солдаты нередко делились с этой семьей своими скудными запасами пищи.

Колина сестренка, четырехлетняя Надя, довольно часто, когда стихал бой, пробиралась по оврагу к находящейся невдалеке землянке разведчиков 112-го полка, для которых она была всегда желанной гостьей. Когда бы она ни пришла, всегда находился гостинец: то затертый в карманах, сбереженный специально для нее

кусочек сахару, то румяный сухарик. А однажды сорокасемилетний боец из Тамбова сержант Николай Котов, возвратясь с задания, принес ей найденную в развалинах куклу. Увидя ее, девчурка прямо-таки засияла от восторга.

Сколько радости приносила она, появляясь в солдатском убежище! Чтобы понять, что творилось в это время в душе у солдат, достаточно было взглянуть на их просветлевшие лица. Кто-нибудь из бойцов брал Надюшу на руки, заботливо укутывал ее бортами шинели, а она, похрустывая сухариком, доверчиво, как к родному отцу, прижималась к нему. Солдат, согревая девчурку своим дыханием, шептал ей на ушко нехитрую народную сказку.

Когда Надюша появлялась в землянке, солдаты встречали ее возгласом:

— Наша Надежда пришла!

29 октября бой немного стих. Коля, как всегда, побежал за водой. Вслед за ним выбежала девочка. Вырвавшись из темной землянки на волю, она немного побегала, уселась на бревно и, что-то приговаривая, стала укутывать свою куклу. Тут со стороны отрога оврага, уходящего в сторону противника, раздался короткий выстрел. Девочка, резко вскрикнув, опрокинулась навзничь. На крик из землянки выскочила встревоженная бабка. Глянув по сторонам, она увидела лежавшую около бревна внучку и бросилась к ней. Пробежав несколько шагов, она повалилась, сраженная второй пулей гитлеровского выкормыша-снайпера.

Через несколько минут к землянке подбежал возвратившийся с водой Коля. Увидя лежащую на земле бабушку, он замер и, выронив бидончик, плача, заметался между бабушкой и сестренкой. Располагавшиеся невдалеке солдаты услышали его плач. Они узнали голос Коли и, почуяв недоброе, бросились к нему. Недобежав совсем немного до места трагедии, они услыша-

ли, как взвизгнула пуля. И тут же Колин голос оборвался. Бойцы догадались, в чем дело. Осторожно подобравшись, они увидели рядом с разноцветными тряпицами и куклой девчурку, устремившую в голубое небо такие же голубые застывшие глазенки. Рядом лежали ее бабушка и братишка, а между ними из опрокинутого бидончика каплями сочилась вода. Раздались возгласы:

— Да как он мог?! В детей!..

Негодованию бойцов не было границ. Весть о зверстве в этот же день дошла до всех воинов дивизии. Воины поклялись отомстить за детей, зверски убитых фашистами. Своею жизнью заплатили многие из них. Политрук Гречаный, младший лейтенант Павлиев, красноармейцы Каплин и Дмитриев, отбивая атаки озверелых варваров, истребили 80 фашистов. В бою был взят как трофей пулемет, из которого было уничтожено еще несколько вражеских солдат и офицеров. Гречаный вечером второго дня, подводя с бойцами итоги боя, сказал:

— Это им за погубленных невинных детей!

Над оставшимися в землянке детьми взял шефство боец Котов. Затем сироты были переправлены за Волгу. За снайпером, совершившим гнуснейшее преступление, солдаты установили наблюдение, чтоб подкараулить его. Определив место, с которого гитлеровец вел огонь, они проследили путь и время выхода его на свою позицию. Гвардейцы Котов, Новак и семнадцатилетний боец Миша (фамилии его я не запомнил) устроили засаду и, когда фашистский снайпер полз к своей куче хлама, окружили, скрутили руки и, завернув в палатку, притащили в батальон.

Я не знаю дальнейшей судьбы этого изверга, но не исключена возможность, что это он после возвращения из плена в числе других таких же буйствует и ревет на сборищах реваншистов, требуя «справедливости» и пересмотра границ.

В конце дня 29 октября, отбивая со своим полком атаку противника, погиб Акзам Низамович Низамов. Всего семь дней командовал 117-м полком он, храбрый разведчик. Это уже третий командир полка.

Снова полк без командира. Приказом Гурьева полк возглавил майор Алексей Андреевич Усков.

31 октября совместно с вновь прибывшей 45-й дивизией, вставшей рядом с нами на правом фланге, мы впервые за время битвы в Сталинграде перешли в наступление и несколько улучшили свои позиции.

По приказу Чуйкова наш штаб перебазировали к Банному оврагу. Пока там все благоустраивалось, на прежнем месте продолжал действовать старый командный пункт, на котором была оставлена группа командиров. Охранять его приказали музыкантскому взводу, поэтому в последующие два дня я часто видел Гришу Тайгунова. В эти жаркие дни на командном пункте побывал фотокорреспондент газеты «Известия» Глеб Самсонов. Он сфотографировал Гришу с его снайперской винтовкой перед уходом на «охоту». Этот снимок бойцы, защищавшие Сталинград, включили в альбом и отправили вместе с письмом товарищу Сталину.

В течение нескольких дней в тяжелейших условиях в заводской район продолжали переправляться и занимать оборону в поселке между заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь» полки 45-й стрелковой дивизии. Мы помогали им огнем и контратаками во фланг вклинившемуся на этом участке противнику. Во время боев ранили Николая Петрова. Его отправили в госпиталь. Василий Петров «осиротел».

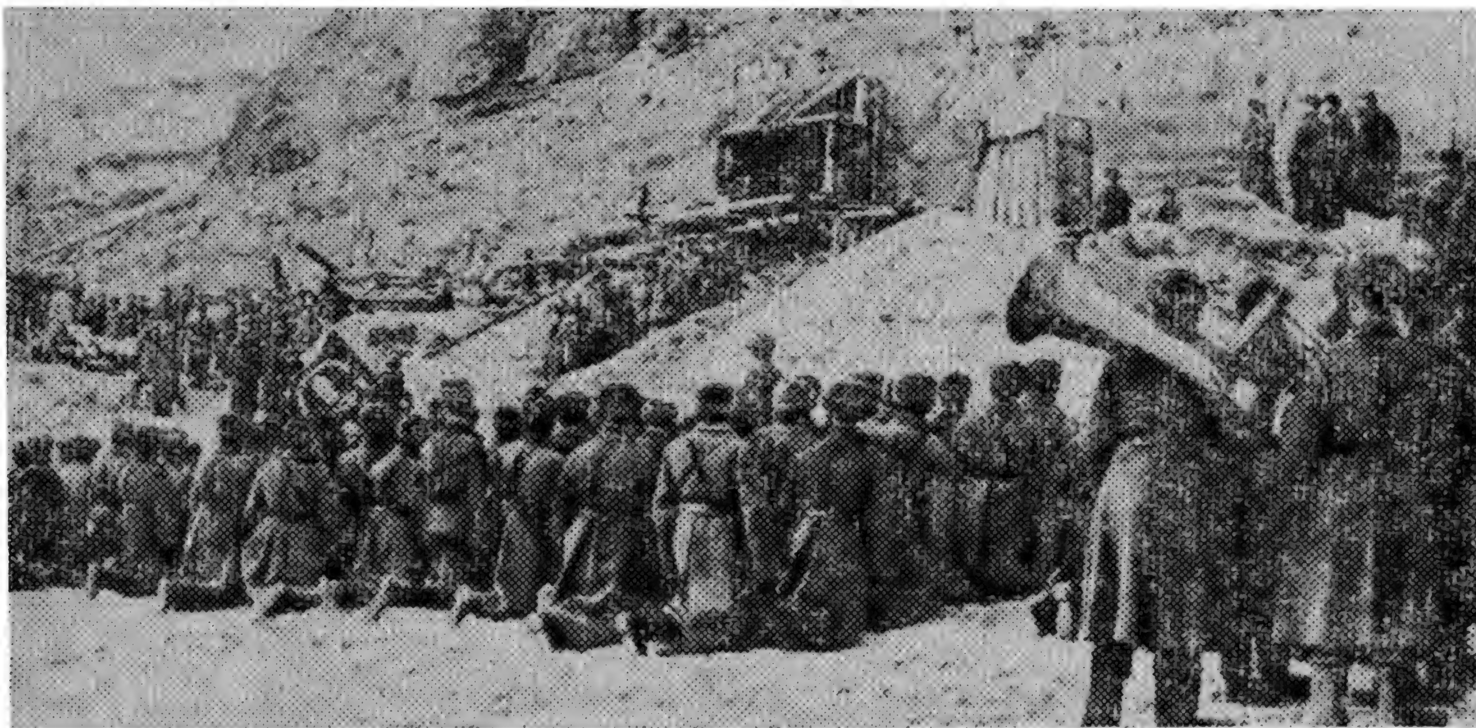
Когда основные силы дивизии Соколова закончили переправу, мы, по приказу командующего армией, передали им небольшую часть заводской территории — к северу от мартеновского цеха, о чем в очередном нашем боевом донесении в штаб 62-й армии 3 ноября 1942 года было сказано:

«Дивизия сгруппировалась в полосе согласно приказу. Стык справа, с 45-й стрелковой дивизией, проходит по цеху мартеновский, который наполовину (северная часть) занят 45-й сд, а наполовину (южная часть) — 120-м полком 39-й гвардейской дивизии. Связь локтевая. Проверил командир 120-го полка капитан Кухаренко...»

С приходом к нам в соседи свежей дивизии обстановка резко изменилась. Прежде всего мы перестали беспокоиться за свой правый фланг. Освободившийся 117-й полк, который дрался на участке дивизии Смехотворова, мы поставили между 112-м и 120-м полками, против цехов, занятых противником в центральной части завода. В полках несколько увеличилось и количество личного состава, так как, кроме небольшого пополнения, поступающего в части за счет бойцов, возвращающихся после выздоровления из медсанбата и госпиталей, нашей дивизии были переданы бойцы расформированного батальона охраны штаба армии.

Все это было очень кстати, так как мы с часу на час ожидали новых ударов противника. Прибывшее пополнение было срочно распределено по полкам. Там по инициативе комсорга 120-го полка Василия Сиротинкина, подхваченной затем комсомольцами других полков, было организовано шефство над бойцами из прибывшего пополнения, не имеющими опыта ведения боя в городе. Каждый комсомолец брал под свою опеку одного-двух бойцов и передавал им свой опыт. Сержант Василий Сиротинкин рассказывал, что решение об организации помощи вновь прибывшим родилось у него на основании собственного опыта. Он помнил и ценил такую же помощь, оказанную ему его учителем, опытным, обстрелянным разведчиком из разведывательной роты полка Павликом Фоминым.

«Никогда не забуду,— говорил Сиротинкин,— как я первый раз пошел объяснять бойцам вновь полученную

3 января 1943 года. Митинг по случаю вручения дивизии гвардейского знамени.

Командный состав дивизии. Во втором ряду (в центре, слева направо) начальник политотдела Я. И. Дубровский, комиссар Ф. Ф. Чернышов, командир С. С. Гурьев.

задачу. Помню, как мы с Павликом преодолевали открытое, простреливаемое противником пространство. Идем. Вдруг темноту ночи перед нами прошила очередь трассирующих пуль. Как только пулемет противника смолк, я хотел было подняться, чтобы броситься вперед, но Фомин остановил меня, сказав:

— Куда лезешь под пули? Сейчас будет вторая очередь, а затем ракета. Я уже изучил их повадку.

— Все произошло так, как сказал Павлик. Немцы, выпустив после второй пулеметной очереди ракету, успокоились, и мы без приключений достигли места, где располагалось нужное нам подразделение. С этого момента я,— сказал в заключение Сиротинкин,— стал более внимательно изучать повадки противника, присматриваться к местности и окружающей меня обстановке.

Так с помощью товарищей прибывающие солдаты закалялись, мужали, учились воинскому мастерству и становились настоящими бойцами. Они отличались от новичков и внешне — делались «солиднее». Некоторые из них, чувствуя несоответствие этой солидности возрасту, стали отращивать усы и бороды. С особой силой эта «эпидемия» захватила наших артиллеристов.

Были среди бойцов и такие, которые быстро успевали в одном, но очень долго привыкали к другому. В минометной роте старшего лейтенанта Сазонова боец Федя Шустиков — расторопный, худощавый паренек — за короткий срок освоил несколько специальностей. Он мог заменить в роте любого бойца. К одному только он долго не мог привыкнуть — к военной терминологии. Бежит он, бывало, куда-нибудь, а солдаты спрашивают:

— Куда это ты, Федя?

— Да вот председатель батальона зачем-то в свою контору позвал, и чтоб с ружьем.

Он путал штаб с конторой, склад с магазином, ствол миномета называл — дуло, винтовку — ружье. И так во многом.

Несмотря на свое довольно короткое пребывание в роте, Федя полюбился бойцам. Среди других обязанностей, выполняемых им, Шустиков был еще и ротным парикмахером. Он научился делать только одну прическу — «бритый бокс», поэтому все бойцы роты ходили подстриженными под бокс, чем внешне и отличались от бойцов других подразделений. В одном из боев Федя погиб. Бойцы тяжело пережили потерю товарища.

ПЕРЕЛОМ

В тяжелой обстановке встречала страна наступающий праздник — 25-ю годовщину Великой Октябрьской революции. Несмотря на трудности, советский народ не потерял веры в победу, и каждый делал все, чтобы приблизить ее. Рос счет истребленных врагов. В нашей газете, призывающей гвардейцев выходить на октябрьскую вахту, в те дни было опубликовано следующее четверостишие:

Каждый меткий выстрел —
Один уничтоженный враг,
С каждым убитым фашистом
Ближе победа на шаг.

Недалеко от северного угла среднесортного цеха, в отвоеванном накануне у немцев блиндаже укрепилась горстка бойцов 120-го полка и несколько дней прочно удерживала оборону. Мне были знакомы имена отважных: известный в дивизии снайпер Егор Ситников, его ученик красноармеец Михаил Сатями и рядовые Данила Сытник, Василий Петров и Владимир Сидоренко.

В одну из ночей, когда бой немного утих и прекратилась бомбежка, пополз к тому знаменитому блиндажу и я. Думал увидеть ребят измученными от атак. А они как ни в чем не бывало. Даже байки рассказывают. В тот момент, когда я появился у них, Егор Сит-

ников рассказывал о том, как он с замполитрука Дмитрием Исаевым на «охоту» за фрицами ходили. Заняли, говорит, позицию. Притаились. Фрицев нет — как вымерли. Ну ни одного. Хотя знаем, что где-то перед самым нашим носом должен быть их наблюдательный пункт. Лежим, аж бока заболели Потом, уже под вечер, Митя вдруг говорит:

— Смотри! Что там, крыса, что ль, между камнями перебегает?

— Где? — спрашиваю я.

— Да вон, между развалиной и печкой.

Глянул я, а там, и на самом деле, меж камней — нет-нет, да и покажется что-то серое, будто выгнувшая спину жирная крыса. Я и не удивился. Вы же знаете, сколько их тут развелось. Но я тут же смекнул — да ведь это верхушка каски... Стало быть, там у немчуры ход сообщения к печке идет. Печка эта уж несколько дней перед моими глазами маячит своим черным челом. Огня фашисты оттуда не ведут. Движения около нее никакого. Стоит себе среди кучи обгорелых бревен. Я уже привык к ней. А тут вдруг ход сообщения к этой печке появился. Зачем? Не борщ же готовить они в ней собираются. Ясно, что в ней фашисты устроили наблюдательный пункт. Важную цель мы засекли.

На другой день утром мы с Исаевым снова были на позиции. Дмитрия я посадил на старом нашем месте и велел следить за ходом сообщения, а сам устроился напротив печки. Рассветало. Лежу и через оптический прицел наблюдаю, что делается в закопченном челе. Чернота. Никакого просвета. Долго лежал. Потом вижу что-то блеснуло, и в тот же миг туда полетела моя пуля. Вслед за моим раздались два выстрела Исаева. Потом Митя мне сказал, что, после того как я саданул по печке, от нее по ходу сообщения во весь рост побежали два фрица и что-то тащили — видно, убитого мною наблюдателя.

Когда Егор Ситников заканчивал свой рассказ, бомбежка немного стихла. В землянку протиснулся запыхавшийся посыльный. Меня вызывал командир дивизии. Я ушел, а через день снова свиделся с Егором Ситниковым и его хлопцами. Встретил он меня хмуро. Оказывается, у них беда случилась. Погиб Данила Сытник. Егор, роясь в своем вещевом мешке, достал из него портянки, кружку, мыло, патроны, кусок хлеба и, наконец, извлек забившийся в самый угол огрызок сахара. Зачерпнув из ведра кружку воды, Егор принялся за еду.

— Чего-то долго сегодня не несут еду,— проговорил сидящий рядом с Ситниковым боец.— Мы сегодня все вот так — на хлебушке с водицей перебиваемся.

Не успел он закончить фразу, как через вход из примыкающего к землянке окопа донеслись звяканье котелков и голоса солдат.

— Идите, ребята! Там и обед, и ужин принесли, все сразу,— сказал вошедший в землянку Сатями. В руках у него был котелок, наполненный дымящейся кашей, банка консервов и буханка хлеба.

— Живем! Кончайте свой «чай», Егор Федорович,— обратился он к Ситникову,— займемся более серьезным делом. Вот это я на нас двоих получил,— проговорил Сатями, поставив перед Егором котелок и остальные припасы. Освободив руки, он извлек из-за пазухи что-то завернутое в тряпицу.— А это сахар на всю землянку. Вот видишь, сколько всего, ешь — не хочу. А там на кухне запарка получилась, вот они и задержались. Сами видели, сколько стервятников крутилось над нами. Нас, кто прижался к позициям гитлеровцев, они не очень одолевали, а там, поближе к берегу, говорят, страшно, что творилось. Землянку разведчиков у Банного оврага завалило, а на кухню — ее в развалинах водокачки устроили — вывалил свой груз пикировщик, накрыло двенадцать человек. Кое-кого откопали жи-

выми, а которых даже не нашли. Сложили из камней новый очаг и стали готовить обед. Повар пошел к Волге за водой и не вернулся. Доваривал обед другой, но и того тяжело ранило осколком в грудь. Так что пищу раздавал уже третий... Вот и задержались наши тылы с обедом,— закончил свой рассказ Сатями.

Поужинав, бойцы пошли сменять товарищей, дежуривших у бойниц в окопах. Ситников и Сатями легли спать.

Из расположения немцев до самой полуночи доносился исполняемый на губной гармонике какой-то докучливый мотивчик.

— Ну, затянул волынку, нытик несчастный,— проговорил стоящий у пулемета боец. Затем, сделав из жестянки некое подобие рупора, направил его в сторону противника и басовито закричал: — Эй, фриц! Гитлер капут! Гитлер швайн!

Гитлеровцы сначала огрызнулись пулеметным огнем, потом и с их стороны раздался сиплый голос:

— Рус капут! Рус буль-буль Фóльга!

— Простыл бедный. Ничего. Скоро не так закашляете. Зима-то не за горами.

Заговоривший было вражеский пулемет был засечен нашими минометчиками, и они произвели по нему несколько выстрелов. Гармоника больше не ныла.

В это время отдохнувшие Ситников и Сатями под шумок приступили к работе, устраивая себе новую позицию. Место для нее они выбрали еще днем. Опытный шахтер, проработавший много лет под землей, Ситников умело орудовал лопатой. За ночь они сделали для себя несколько окопчиков, замаскировали и соединили их ходом сообщения. С рассветом они, затаившись, уже подстерегали свои цели...

Наступил праздник 25-й годовщины Октября. К этому дню, как отмечалось в приказе командира дивизии от 7 ноября 1942 года, на счету у Ситникова

было уже 100 уничтоженных фашистов. Немалый счет был и у других снайперов. Каждый вносил посильную лепту в дело разгрома гитлеровцев. Снайперы устраивали себе позиции в развалинах, на фермах перекрытий, в грудах камня и искореженного железа, проникали по подземным коммуникациям в канализационные колодцы. Били по врагу отовсюду, сея ужас и смятение.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне вспомнилось, как описывает эти далекие ноябрьские дни 1942 года немецкий офицер Гельмут Вельц, бывший командир саперного батальона 79-й пехотной дивизии противника, тщетно пытавшейся сбросить нас тогда в Волгу. В книге «Солдаты, которых предали» он пишет:

«...Бои за груды камня и канализационные колодцы. Ртутный столбик падает все ниже. Ни луны, ни звезд. Небо в отблеске орудийных залпов. Они следуют один за другим, и дульное пламя сливается в сплошное зарево. Земля содрогается и стонет, словно живое существо. Свет и тени скачками сменяют друг друга...»

Видимо, допекли их тогда наши снайперы из колодцев, если, описывая следующий день, Гельмут Вельц снова упоминает о канализационных колодцах, говоря, что его батальон в этот день минировал их.

Продолжая описывать ход боевых действий по овладению мартеновским цехом, Вельц говорит:

«Генерал поставил нам задачу: надо овладеть мартеновским цехом. Цех в наших руках, и битва за Сталинград уже в прошлом. Подчиняю вам, кроме вашего батальона, полк хорватов, еще один саперный батальон и зенитную батарею. Кроме того, вас поддержит артиллерийский полк дивизии».

Несколько дней, как об этом пишет Вельц, гитлеровцы готовились к этой операции. Они и условное наименование дали ей — «Мартин». После мощной артиллерийской подготовки они подорвали угол мартеновского цеха и в образовавшийся пролом бросились в атаку.

«В цеху,— заявляет Вельц, ворвавшийся туда одним из первых,— все было вверх дном». Им казалось, что в такой обстановке никого в живых в цехе не должно остаться. Однако они были встречены ожесточенным огнем.

«...Огонь автоматчиков с чердаков и из подвалов. За каждым выступом красноармеец и с точным расчетом бросает гранаты...»

В заключение Вельц заявляет:

«Да, это стойкие парни. Три часа боя, а продвинулись мы лишь на 70 метров... Итак, конец! Все оказалось бесполезным... Мы прорывали стабильные фронты, усиленные линии обороны, преодолевали оборудованные в инженерном отношении водные преграды... Захватывали города и деревни... А тут, перед самой Волгой, какой-то завод, который мы не в силах взять... Итог уничтожающий. Больше половины солдат убиты или тяжело ранены... Цех снова полностью в руках у русских».

Так прозревший, в конце концов, Гельмут Вельц описывает один день боя за завод «Красный Октябрь» — 11 ноября 1942 года. А сколько их, таких дней, было до этого и после!

Приведя эти выдержки из книги Гельмута Вельца, показывающие, чем закончилась одна из последних попыток гитлеровцев прорваться к Волге, мне хочется вернуться к тем строкам его книги, в которых описывается начало этой атаки. Он там высказывает удивление той быстротой, с которой наша артиллерия дала ответный огонь на залпы их пушек.

«Начинается артподготовка. Цех, заводской двор и дымовые трубы — все исчезает в черном тумане. Но вот разрывы прямо перед нами. Недолеты? Что это? Там, за Волгой, вспыхивают молнии орудийных залпов. Один за другим. Это бьет чужая артиллерия. Разве это возможно? Так быстро не в состоянии ответить ни один

артиллерист в мире! Тут что-то не то. Слышатся крики:

— Санитары, сюда!

Значит, потери еще до начала атаки. Этого еще не хватало».

Клочок бумажки, подшитый в делах дивизии, хранящихся с войны в Центральном архиве Министерства обороны, дает полное объяснение тому, почему наши артиллеристы смогли сделать то, что, как выразился Вельц, не в состоянии сделать ни один артиллерист в мире. А было это так.

В ночь на 10 ноября наши подразделения активных действий не вели. Действовала только разведка. Перед фронтом 117-го полка «работала» поисковая группа, возглавляемая старшиной Аввакумовым. Ударивший довольно крепкий морозец с ветерком загнал основную массу солдат противника в землянки. Оставшиеся в окопах наблюдатели больше топали ногами да, кутаясь, ежились под колючим ветром, чем смотрели по сторонам. Пользуясь этим, Аввакумов и его бойцы подобрались к одному из таких зевак и утащили его. Проделали это они так умело, что гитлеровцы не сразу обнаружили «недостачу».

Одновременно с группой Аввакумова на нашем правом фланге, перед фронтом 120-го полка, за передний край пробрались разведчики Пархоменко и Алпатов. Правда, им не повезло: на участке их действий в расположении врага всю ночь царило оживление. Фашистские солдаты группами сновали взад и вперед, подтаскивая что-то из-за полотна железной дороги к переднему краю. В разных местах усиленно работали саперы. Количество солдат на переднем крае заметно увеличилось. Пархоменко и его товарищ, переползая с одного места на другое, сменили несколько пунктов наблюдения, сумев засечь только две новые пулеметные огневые точки, устроенные фашистами возле чугунолитей-

ного цеха. Друзьям очень хотелось захватить языка, но враг на этом участке не терял бдительности всю ночь. Так Пархоменко и Алпатов, промерзшие, ни с чем вернулись в свою роту. Доложив обо всем начальнику разведки, они ожидали от него нагоняя, но тот сказал:

— Молодцы! Вы принесли очень ценные результаты своего наблюдения за действиями противника.

Захваченный Аввакумовым пленный оказался хорватом. Он показал, что их полк готовится наступать на мартеновский цех. Задача — выйти к Волге. О времени начала наступления он ничего не знал.

Не дожидаясь утра, полученные от разведки данные мы сразу же направили в штаб армии. В ответ на наше донесение утром поступила телефонограмма, в которой приказывалось срочно подготовить огонь изо всех видов оружия по обнаруженным целям и скоплениям противника (вот эта хранящаяся в архиве телефонограмма и напомнила мне, как получилось то, чему так удивлялся Вельц).

Мы тогда поняли, что данные нашей разведки о возрастающей активности врага, видимо, подтвердились сведениями из других источников, поскольку командование армии с таким беспокойством поспешило предупредить нас о необходимости принятия срочных мер огневого воздействия на противника. И нами, конечно, были приняты все меры. Для управления огнем батарей наши артиллеристы и минометчики в течение дня подготовили несколько отличных наблюдательных пунктов. Один из них был устроен в заводской трубе. Там напротив пробитого снарядом отверстия соорудили подмостки и установили стереотрубу. К вечеру все наши артдивизионы произвели пристрелку и подготовили данные для стрельбы.

11 ноября, еще затемно, все были на местах. Наблюдательный пункт в трубе занял командир взвода управления одной из батарей нашего 87-го артиллерийского

полка лейтенант Латышев. С ним пришли помощниками политрук Мещерин, разведчик Ольховенко и связист Подкользин.

Ожидая рассвета, лейтенант Латышев и его друзья сидели на устроенных в трубе подмостках. Заядлый курильщик Подкользин крутил одну за другой свои самокрутки.

— Ну что ты смолишь, аж дым коромыслом?— проговорил, по-уральски подчеркивая букву «о», Латышев.— Вот посветлеет, немцы увидят, как из нашей трубы дым валит, подумают, что мартеновские печи заработали. Да и вообще с огнем надо поосторожнее. Не занавешивать же нам дыру. Вот засечет немчура да как даст прикурить, узнаешь тогда, где раки зимуют. Можно и потерпеть. Мне вот уж как надо бы огонек зажечь да письмо прочитать, что вечером получил. А ведь терплю.

— От Тони небось? — спросил лукаво политрук.

— Да... от нее,— после короткой паузы ответил Латышев. Несмотря на темноту, все почувствовали, как покраснел, смутившись, их смелый в бою, но застенчивый в жизни лейтенант. Подкользин загасил свою цигарку.

Чуть свет противник начал артподготовку. И тут же (чему так удивился Г. Вельц) в ответ заговорили наши пушки. Серая пелена дыма снова сгустила наступивший было сумеречный рассвет. Затем артиллерия противника перенесла огонь в глубину наших позиций. Снаряды стали ложиться вокруг наблюдательного пункта командира дивизии. Осколком ранило в ногу Федора Филипповича Чернышова. Медсестра Лиза Расстегаева бросилась перевязывать замкомдива. Впереди раздался раскатистый гром мощного взрыва. Там, где только что был виден в тумане угол мартеновского цеха, полыхнуло пламя. Вместе с пламенем и дымом вверх взметнулись глыбы камня. Угол цеха осел.

Взрыв так тряхнул землю, что труба, в которой сидели корректировщики, затряслась и зашаталась. Со сбитой вершины посыпались осколки кирпичей.

«Ну, все!» — подумали в этот миг артиллеристы... Но труба устояла.

Едва ветер развеял взметнувшуюся пыль, корректировщикам через пролом в трубе стало видно, как фашистские солдаты бросились вперед. Продолжая наблюдение, Латышев доложил об обстановке в штаб. В бой вступили минометчики. Перебегающие под огнем гитлеровцы казались наблюдающим сверху артиллеристам неуклюжими коротышками. Те, которые падали, становились длиннее. Одни из них замирали; другие, сжимаясь в комок, вскакивали и продолжали перебежку к углу мартеновского цеха. Мещерин, глядя на эту картину, едва подавил в себе желание запустить в них лежащим под рукой кирпичом.

Отдельным группам противника удалось достигнуть образовавшейся в результате взрыва бреши и скрыться в ней. Обстановка постепенно накалялась. Бой шел уже в цехе. Прямым попаданием снаряда где-то около вершины пробило трубу. Вниз посыпались кирпичи. Одним из них была проломлена доска навеса, устроенного над наблюдательным пунктом, и разведчик Ольховенко был ранен в голову. Порвалась связь.

Связист Подкользин направился исправлять линию и одновременно помог спуститься вниз находящемуся в тяжелом состоянии Ольховенко. Проводив разведчика до выхода из дымохода, он передал его санитарам. Исправив линию связи, Подкользин вернулся на свое место.

Бой не утихал весь день. Во второй половине дня в пролом стали залетать пули — то ли шальные, то ли прицельные. Была разбита стереотруба. Ранило Мещерина. Ранение легкое, было терпимо, но чувствовалось, как под шинелью набухающая от крови гимна-

стерка постепенно прилипала к спине. Наблюдение продолжали вести с помощью бинокля. Заменить стереотрубу он не мог, но это тоже было терпимо. Хуже стало, когда опять порвалась связь. Спустившийся вниз Подкользин вскоре, запыхавшийся, возвратился обратно. Он доложил, что до обрыва линии не дошел, так как их труба окружена противником.

— Да, похоже, что наше дело — «труба»,— проговорил Латышев и добавил:— Ну что ж, будем пробиваться к своим, здесь сидеть без связи нет смысла.— Группа спустилась вниз, добралась до выхода из дымохода, вступила в бой с немцами.

Когда с корректировщиками пропала связь, обеспокоенный судьбой товарищей начальник связи дивизиона старший лейтенант Михаил Георгиевич Стрелюк послал для исправления линии двух связистов. Посланцы вскоре сообщили, что дошли до северо-восточного угла мартеновского цеха. К выходу из дымохода добраться нельзя, так как впереди, совсем недалеко немцы ведут перестрелку с окруженной группой Латышева.

Старший лейтенант Стрелюк вызвал к себе разведчиков и всех свободных от дежурства у телефонов связистов. Собралось девять человек. Возглавив группу, Стрелюк повел ее на выручку разведчиков-наблюдателей. Пробираясь вдоль провода, идущего к наблюдательному пункту, они пришли к месту, где залегли двое высланных раньше связистов. Увидев подоспевшую подмогу, встретили их словами:

— Живем, братцы! С нами двенадцать человек. Это уже сила!

— Ну, где тут что? Докладывайте!— попросил старший лейтенант.

Разобравшись в обстановке, он скомандовал группе: «Вперед!». Удар для фашистов был неожиданным, и они побежали. Оттеснив врагов, группа помогла Ла-

тышеву выйти из окружения. Но сам Латышев в этом бою погиб.

В этой короткой схватке с гитлеровцами отличился «Иван Михайлович». Ваня Божесков и в этот раз действовал решительно и смело. Быстро оценив обстановку, он, обращаясь к старшему лейтенанту, крикнул:

— Вы отсюда, а я оттуда, с флангу!

Указав в сторону полуразрушенной трансформаторной будки, Ваня пополз и, как юла, замелькал среди нагромождения камней. Через несколько минут из будки застрочил автомат «Ивана Михайловича». Немцы оказались под огнем с трех сторон. Не выдержав натиска, они стали пятиться в сторону третьего цеха. Это и позволило вывести группу корректировщиков из окружения.

К исходу дня противник под нашим натиском вынужден был отойти от мартеновского цеха. Пришлось вернуться ему на исходный рубеж и на других участках обороны. Дымогарная труба и ведущий к ней подземный дымоход снова оказались в тылу наших позиций. Здесь связисты старшего лейтенанта Стрелюка устроили себе временное обиталище. Тут же через несколько дней было проведено комсомольское собрание, на котором Ваню Божескова, юного «Ивана Михайловича», награжденного медалью «За отвагу», приняли в комсомол.

...Попытка противника прорваться к Волге и на этот раз провалилась. Ничего не добившись, немцы отступили, понеся огромные потери. В результате боя лишь в одном месте врагу удалось удержать за собой часть захваченного в этот день цеха на южной окраине завода. Из него простреливались подходы к нашему наблюдательному пункту и выходы из Банного оврага. Генерал Гурьев приказал 112-му полку и учебному батальону совместными усилиями очистить этот цех от противника. Действовать решили уже укоренившимся в на-

шей практике методом применения штурмовых групп.

Разработку плана действий поручили начальнику штаба 112-го полка Ивану Григорьевичу Королеву. Организованная им штурмовая группа разделялась на несколько подгрупп: подгрупп захвата, состоящих в основном из автоматчиков, и подгрупп обеспечения, в которые входили расчеты пулеметов и противотанковых ружей. Кроме того, действия группы было намечено поддерживать 76-миллиметровой пушкой, установленной на прямую наводку. В одну из подгрупп захвата, созданную из бойцов учебного батальона, были включены автоматчики (три друга из минометной роты) — старший сержант Василий Штепа, Николай Парфенов и Николай Кузин.

Атаку начали еще затемно. Автоматчики из группы захвата подобрались как можно ближе к цели и залегли. По их сигналу группы обеспечения открыли пулеметный огонь. Тут же в фашистов полетели гранаты. Пользуясь переполохом, поднявшимся у врага, наши бойцы бросились на приступ. Постепенно отвоевывая одно помещение за другим, они к полудню полностью очистили цех от противника.

У врага было захвачено несколько станковых пулеметов, десятка четыре автоматов. Трофеем оказалась и радиостанция. Фашисты понесли большие потери в живой силе. На развалинах лежало много трупов.

Были потери и у нас. Так, в группе, где действовал со своими друзьями Николай Кузин, был ранен старший сержант Штепа. Разрывной пулей сильно повредило руку Парфенову. Как только закончился бой, Кузина отозвали на огневую позицию, где он в единственном числе составил расчет тоже единственного уцелевшего во взводе миномета.

Видимо в отместку за понесенные потери противник перед вечером вызвал самолеты. Над нашими головами закружилась карусель. Кузин и его командир взвода

лейтенант Скрыпник укрылись в яме под стальной вагонеткой. От осколков вблизи разорвавшейся бомбы в ящиках с боеприпасами загорелись дополнительные заряды для мин. Скрыпник и Кузин бросились спасать с таким трудом доставленные из-за Волги боеприпасы. И откуда только у них взялась сила? Оба небольшого роста, они голыми руками раскидали горящие ящики, затем стали быстро выбрасывать на землю накаленные мины.

Стемнело. Скрыпник, посмотрев на своего последнего оставшегося в строю измученного боем бойца, проговорил:

— Ну, иди в землянку и отдохни, а я подежурю здесь у телефона. Если надо будет вести огонь, я разбужу тебя. Потом к утру ты подменишь меня.

Кузин ушел. Перед утром Скрыпник заглянул в землянку. Дремавший Кузин сразу вскочил.

— Спи, спи,— сказал лейтенант.— Спи еще. Время пока есть.

— Да нет. Что зря валяться. Уже больше не усну. Отдохнул и даже подремал. Забрался я давеча в землянку. Улегся. Лежу, а сон не берет. Думаю о выбывших сегодня из строя друзьях. Я так привык к ним. Как часто в перерывах между боями лежали мы здесь рядышком, забравшись под этот неизвестно откуда попавший сюда кусок брезента, и, согревая друг друга своими телами, делились думками. А сейчас лежу один, как круглый сирота, и смотрю на пустые места друзей. Порою по привычке мне кажется, что вот сейчас наш долговязый друг Штепа брякнет по-украински что-нибудь смешное про фрицев, а Парфенов, пытаясь сдержать смех, затрясется, как в лихорадке, всем телом. Нет, уж лучше я пойду на огневую, там мне вдвоем с минометом все как-то веселее будет.

Николай Кузин и лейтенант Скрыпник направились на огневую позицию к своему миномету.

Утром фашисты пошли в атаку на нефтяные баки, около которых занимали оборону бойцы учебного батальона.

Вот когда пригодились спасенные накануне мины. Лейтенант Скрыпник корректировал огонь, а Кузин за весь расчет орудовал у миномета. Мины полетели на ряды нахально, во весь рост наступающих гитлеровцев. Сначала их прижали к земле, затем заставили уже ползком пятиться назад. От бойцов учебного батальона передали:

— Большое спасибо за огонек.

Эта солдатская похвала была для минометчиков высшей наградой. Через неделю Николая Кузина наградили медалью «За отвагу».

В эти дни мы получили много писем от родных, знакомых и незнакомых нам людей со всех концов нашей необъятной Родины. Они слали наказы крепче бить врага. Вместе с письмами шли посылки. Чего только в них не было: шерстяные носки и варежки, махорка и шоколад. Все это трогало сердца солдат, и наказы своей Родины они выполняли с честью. Досталась пара варежек и мне — пишущему эти строки. До чего же они были плотны и теплы! Согревали, видимо, мои руки не только шерсть варежек, а и сердце человека, вязавшего их. Варежки эти прошли со мной до Берлина. Потом одна из них потерялась, а вторая хранится у меня до сих пор, как дорогая реликвия, как подарок от души нашего народа, поддерживающего нас своей теплотой в трудные дни.

...Выдыхающийся противник, повизгивая выстрелами шестиствольных минометов, как побитая собака поджал хвост и притаился в развалинах. Надолго ли?

Вчера в час относительного затишья у нас на командном пункте побывал командир 13-й гвардейской дивизии Александр Ильич Родимцев. Генерал Гурьев познакомил его с нашим «хозяйством». Мы обсудили

планы дальнейшей обороны территории завода и прибрежной части, согласовали вопросы о взаимодействии. Мы решили наносить врагу согласованные удары. Пусть фашисты почувствуют на своей шкуре, что столкнулись с непреодолимым препятствием. К Волге им не пройти!

А сегодня к вечеру по вызову генерала Чуйкова я был у него на командном пункте. Разговор шел о штурмовых группах: об их организации, тактике действий и вооружении. Командующий рассказал мне о том, как организуют штурмовые отряды в соседних дивизиях. И, сделав свои выводы, он в заключение сказал:

— Главное, не делайте шаблона ни из моих выводов, ни из опыта предыдущих действий. Ищите. Меняйте тактику сообразно обстановке. Помните о том, что у каждой развалины есть специфические условия. Все зависит и от времени, и от погоды, и от количества противника, и от его вооружения, и от места, которое он обороняет.

Затем говорили о применении ранцевых огнеметов в боевых порядках. После я был принят начальником штаба армии генералом Николаем Ивановичем Крыловым. Ему я доложил о положении дел в полках нашей дивизии. Мы ощущаем большую неукомплектованность штабов, у многих командиров мало опыта штабной работы, в том числе и у меня. Ведь на должность начальника оперативного отделения я заступил с командной должности перед самым вступлением дивизии в бои под Сталинградом. Надеялся многому научиться у нашего начальника штаба, опытного штабного командира полковника Нетесова, но он в первый же день боя на Дону погиб. И на меня свалилась в дополнение к штатной еще и вторая обязанность — начальника штаба. В тот же день погиб и заместитель генерала Гурьева по строевой части Ковалев, и вот уже три месяца как я, словно бог, в трех лицах: и начальник оперативного отделения, и начальник штаба, и заместитель.

Пока имелись опытные помощники, было терпимо, но теперь, когда погибли Нилов и Кузнецов, отбыл на учебу Орлов, стало невмоготу. Пришедших им на смену людей надо учить, и одновременно учиться самому. Ни уставов, ни наставлений в штабе нет. В академии учили теории и практике ведения боя, а как вести штабную документацию и планировать бой — не успели. Нагрянула война. Да надо признаться, что и на то немногое, чему нас учили по штабному делу, мы смотрели свысока: «Подумаешь, бумажки!».

— Очень хотелось бы, товарищ генерал,— сказал я,— чтобы с вашей помощью к нам в дивизию поскорее назначили начальника штаба, опытного штабного командира, у которого можно было бы поучиться.

Выслушав меня, генерал Крылов сказал:

— Подумаем. А пока вот вам наставление по полевой службе штабов. Учитесь.— И, достав из своей полевой сумки серенькую книжицу, подарил ее мне.

Возвращаясь к себе на командный пункт, я думал о генерале Крылове. Это был сложившийся в моем сознании образец штабного командира.

В ночь на 19 ноября погода ухудшилась, повалил снег. Но к утру снегопад прекратился. Мы с Дубровским вышли из землянки. Рядом плескалась свинцовыми волнами Волга. Льдины, шурша, скоблили прибрежную кромку смерзшейся шуги. Мы стояли в раздумье и слушали. Вдруг откуда-то издалека, словно раскат грома, до нас донесся неутихающий отзвук далекой мощной артиллерийской канонады. Мы поднялись на наблюдательный пункт. Там уже находились Гурьев, Чернышов и новый начальник артиллерии дивизии Паринов. Присоединились к ним. На горизонте, как вспышки далеких зарниц, на низких тучах отражались отблески залпов и разрывов.

— Началось! — проговорил Чернышов, а Дубровский добавил:

— Ну что ж, давно пора!

— Полковник Паринов подал по телефону команду, и наша артиллерия из-за Волги начала обстрел позиций противника по пристрелянным целям.

«Что принесет нам начавшееся наступление, которого мы так долго ожидали,— подумал я,— ожидали, как праздника, о котором говорил нам в своем ноябрьском приказе товарищ Сталин».

Начавшееся наступление быстро и успешно развивалось. Каждый день, слушая очередную сводку по радио, мы узнавали и отмечали на своих картах, куда вышли наши наступающие войска. Развертывающиеся события резко отразились и на обстановке, окружающей нас. Противник притих и все реже стал бросаться в атаки. Почти исчезла его авиация. Видимо, враг все свои силы бросил против наших частей, совершавших прорыв.

22 ноября в дивизию на должность начальника штаба прибыл майор Петр Иосифович Зализюк. Кончилось мое затянувшееся заместительство. На мне осталась основная моя штатная обязанность.

Майора Зализюка я знал, с ним до этого неоднократно встречался: и в штабе армии, где он работал в оперативном отделе начальником отделения, и когда он по поручению командования армии бывал у нас. Знал его как опытного и хорошо знающего штабное дело командира. Это радовало. Генерал Крылов выполнил свое обещание.

Последующие дни проходили в мелких стычках с противником. Наши штурмовые группы шаг за шагом отбивали у противника здания и блиндажи. Погода постепенно ухудшалась. На Волге усиливался ледоход. Частенько бушевала метель. Окопы заносило снегом. Наметало сугробы, и обычно там, где они больше всего мешали или продвижению, или наблюдению. Потом снова прорывалось солнце, но теплее от этого не стано-

вилось. Все это можно было терпеть, если бы не ледоход. Он все более и более нарушал сообщение с тылами, а значит сокращал наши и без того скудные запасы.

Кольцо над фашистами сжималось. Но враг огрызался. Бои шли непрерывно. В самый разгар очередного боя к нам на наблюдательный пункт неожиданно прибыл командующий армией генерал Чуйков. Он ознакомился с обстановкой, потом обсудил с нами волнующие вопросы о недостатках по обеспечению частей боеприпасами и продовольствием. Чуйков говорил, что придется потерпеть. Дела идут хорошо, кольцо окружения неуклонно стягивается. Но надо стойко держаться и держать оборону, бить врага и днем и ночью, бить нещадно.

24 ноября наши полки, нанося короткие удары штурмовыми группами, продолжали улучшать свои позиции. Одно из подразделений 112-го полка вышло на улицу Профинтерна. Два вражеских пулемета, внезапно застрочившие из замаскированных огневых точек, заставили залечь наших бойцов. Старшина роты Григорий Ангилопов, только месяц тому назад принятый в партию, решив уничтожить вражеских пулеметчиков, с гранатами в руках ринулся вперед. Вскоре он очутился между двумя пулеметами. Справа и слева раздавалась быстрая дробь выстрелов, прижимавшая к земле бойцов роты. Ангилопов подобрался к брустверу вражеских окопов и ловким броском гранаты уничтожил пулеметную точку. Затем, не долго думая, он устремился ко второй. Расстояние между ним и дзотом, откуда строчил второй пулемет, быстро уменьшалось. Еще десять метров, и цель будет поражена.

Но в то же мгновение вражеские пули сразили героя. Он упал, и все лежавшие сзади бойцы ахнули, думая, что Григория Ангилопова убило. Но отважный солдат вдруг привстал, осмотрелся и, прижав к груди

две противотанковые гранаты, бросился, прихрамывая, к блиндажу, из которого строчил пулемет. Все видели, как он скрылся в черном проеме дзота. И сразу же послышался оглушительный взрыв. Вражеский пулемет вместе с фашистами взлетел в воздух. Погиб и Ангилопов. Бойцы, больше не сдерживаемые пулеметным огнем, поднялись и опрокинули врага.

Когда мне в конце дня рассказали об этом, я вспомнил, что только вчера, просматривая очередной номер нашей дивизионной газеты, встретил заметку под заголовком: «Ангилопов выполняет приказ Наркома». В этой заметке говорилось о том, как в середине ноября, уже будучи старшиной роты, он с группой бойцов оказался во вражеском окружении. Кончались боеприпасы. Ангилопов ночью, переползая от одного дома к другому, пробрался в батальон и возвратился оттуда к своим окруженным товарищам, доставив им пищу и боеприпасы. А днем вместе со всеми он вел бой. Шесть бессонных ночей и дней! Опорный пункт надо было удержать, и он это сделал. А нынче Григория Ангилопова не стало. Подвиг его остался навечно в памяти 39-й гвардейской дивизии.

ВПЕРЕД!

Жесткий ветер сдувал снег с мерзлой земли, и он белыми нитями бежал от окопа к окопу. От сугроба, который вчера намело возле стоявшего здесь танка, почти ничего не осталось.

Стою на круче и смотрю на родную реку. Сплошной ледоход. Волга, сопя, продолжала ползти, тщетно пытаясь вскореженными льдинами раздвинуть берега. Иногда на ней появлялась и проплывала мимо темная дыра полыньи. Через эту прорванную в серой ледяной рубашке дыру, как от вспотевшей лошади, шел пар.

Сложная ледовая обстановка на Волге резко сократила наши боевые возможности. Пополнение не поступало. Таяли запасы. В подвалах разрушенных зданий, в землянках и штольнях скопилось большое количество раненых. Медицинский персонал медпунктов, работая без сна и отдыха, едва справлялся со своими обязанностями. В ротах оставались считанные единицы бойцов. И все же, несмотря на это, наши полки продолжали вести активные действия. Все люди были проникнуты единым желанием: отстоять завод, прогнать проклятых фашистов.

Вдохновляли поступавшие ежедневно известия с фронтов, ведущих бои с окруженной группировкой гитлеровцев. В нашей газете под рубрикой «В последний час» было опубликовано сообщение:

«...На северо-западном участке наши войска заняли населенные пункты: Зимовский, Ближняя Перекопка, Трехостровская, Сиротинская. Юго-западнее Клетской нами взяты в плен три ранее окруженные дивизии противника во главе с тремя генералами и их штабами»...

Атаковать среднесортный цех командиры 117-го и 120-го полков решили совместными усилиями. Стали готовить штурмовые группы. Подчистив (уже в который раз) тылы полков, набрали 28 человек и ими усилили роты. Организовали несколько штурмовых групп. Кроме обычных огневых средств, в их состав включили ранцевые огнеметы. Ночью бойцы заняли исходные позиции севернее и восточнее цеха.

Саперам 120-го полка во главе со старшим лейтенантом Михаилом Шаровым поручили предварительно подорвать здание цеха, заложив заряд в проходивший под цехом тоннель.

И вот дрогнула земля, раздался взрыв. Вместе с дымом вверх поползли куски кровли, и, словно подталкиваемая чьей-то могучей рукой, стала валиться часть стены. Еще не рассеялся дым, как первые смельчаки из штурмовых групп уже ворвались в цех, а через минуту-другую там были и остальные. Перед их глазами дыбилось нагромождение металла и камней. Всюду валялись трупы фашистов.

Какую-нибудь минуту или две стояла тишина, потом застрочили автоматы. Гулко, отталкиваясь эхом от стен, загрохотали разрывы наших гранат. Зашипели, плескаясь пламенем, длинные струи огня из ранцевых огнеметов. По канавам и среди вздыбленного и исковерканного оборудования прокатного стана бойцы штурмовых групп шаг за шагом продвигались вперед. Оставшиеся после взрыва в живых фашисты упорно сопротивлялись. В штурмовой группе 117-го полка выделялась фигура Поваляева, мелькавшая то тут, то там среди груд металла. От соседнего цеха на помощь

выдыхающимся гитлеровцам спешила большая группа солдат, но огнем из пулемета их прижали к земле. Немцы стали отползать. В этот момент раздался новый взрыв, на этот раз в соседнем цехе, и оттуда послышались звуки стрельбы и взрывов гранат.

Во второй половине дня среднесортный цех был полностью очищен от противника, и наши бойцы закрепились в нем. Победа досталась нелегкой ценой. Наши штурмовые группы потеряли только убитыми восемнадцать человек. Много было раненых, и среди них сержант Поваляев. В этот день, отбивая контратаки, погиб и лейтенант Басманов. Противнику очень не хотелось терять этот цех, и он неоднократно пытался вернуть его обратно, но безрезультатно.

Среди бойцов штурмовых групп были два брата Ергалиевы — Ишим и Ибат. Умело дрались братья, но на второй день Ибат погиб. Погиб он смертью храбрых, уничтожив огневую точку гитлеровцев. А Ишим, убитый горем, через отверстие в полу и по тоннелю вынес его к берегу. Там бойцы помогли ему похоронить брата. После этого Ишим снова вернулся в осажденный цех, продолжая храбро драться с врагом. Мстя за брата, он за эти дни уничтожил еще более десятка гитлеровцев.

В ночь на 17 декабря мороз снова покрепчал. Я проснулся и вышел из землянки. Тут меня охватило необычное ощущение, словно чего-то не хватает, будто наступила какая-то странная тишина. И стреляют, и тишина. И тут я услышал возглас:

— Волга встала!

Так вот оно что! Вот откуда это странное ощущение! Сплошной ледоход на Волге длился почти месяц. Мы так привыкли к своеобразному шуму и шороху льдин, что, когда он исчез, появилась эта необычная тишина в шуме боя. Мы привыкли к звукам стрельбы на фоне шороха льдин. Теперь этот фон исчез, а стрельба осталась. «С чем сравнить?» — думаю я. Получается вроде

как темные тучи закрыли небо. На землю хлынули потоки дождя с градом. Потом серая туча сдвинулась и открыла солнце. Град и дождь продолжаются, но уже в лучах солнца. Сразу — и дождь не тот, и град не тот. Так и хочется расставить руки и бежать, ловя искристые капли.

Ледостав резко изменил положение нашей дивизии. Мы перестали жить на острове, прижатые к пропасти. К нам пришла Большая земля. В ход пошли сначала детские санки, потом конные повозки. Саперы в первые же дни устроили настил и залили его водой. Замерзшая вода, как цементом, скрепила настил, и по нему пошли машины.

А бои продолжались. Каждый боец с удвоенной энергией старался приблизить окончательный разгром окруженного врага.

Новосреднесортный цех, в котором мы держали оборону, превратился в руины. Все смешалось — земля, бетон, стекло и металл. Там, где когда-то стояли станки, зияют чернотой огромные воронки, со стен свисают искореженные балки, сквозь крышу там и тут виднеется синее небо.

В углу цеха, над развалинами подсобного помещения небольшая площадка. С этой площадки через отверстие в стене ведем наблюдение за противником. Рядом стоит майор Дранник. Он сегодня утром прибыл из Москвы к нам в дивизию для изучения и обобщения опыта ведения боя в условиях крупного города. Прежде всего его интересовал вопрос применения в бою штурмовых групп.

Впереди, примерно в двух километрах, неясной чертой сливалась с серым небосклоном высота 107,5. По ее склонам спускались вниз, к нам, заснеженные улицы рабочего поселка. Они угадывались лишь по оставшимся кое-где кольям заборов, огрызкам деревьев да разбросанным в беспорядке контурам остатков каменных

зданий. Чем ближе, тем здания эти казались крупнее и заканчивались противостоящими громадами разрушенных цехов. Создавалось впечатление, что все это сползало вниз и давило на клочок земли у Волги, который обороняла дивизия.

Открывшаяся панорама хаоса и разрушений поразила майора. Мы, привыкшие к этой картине, как-то уже не замечали того, что так удивило нашего гостя: и невыгодность наших позиций перед господствующей высотой, занятой противником, и малая глубина наших боевых порядков, исчисляющаяся одной — двумя сотнями метров, и долгое отсутствие (перед ледоставом) связи с тылами.

— И как только вы тут удержались? — спросил он, освоившись с обстановкой.

— Надо было держаться, вот и удержались. А последнее время, как видите, еще и наступаем помаленьку. Очень выручают нас массивность здания завода, волжская круча, овраги и «норы» в земле. Земля-то ведь нашенская, вот она и выручает нас,— ответил я майору Драннику.

Продолжая знакомить майора с обстановкой, я обратил его внимание на возвышающееся впереди полуразрушенное и закопченное здание с избитыми стенами и пояснил, что этот цех завтра будут освобождать воины 120-го полка. Закончив работу на наблюдательном пункте, мы пошли в этот полк. Пробрались в мартеновский цех, а там за одной из печей собрались бойцы, назначенные в штурмовые группы.

Одни из них тренировались в переползании с броневым щитом-«ползунком». Надо было с оружием в руках ползти и толкать впереди себя укрепленный на полозьях щиток. Не всем это сразу удавалось. Требовалась тренировка. Другие бойцы подгоняли и примеряли на себе стальные нагрудники. Слышались шутки и смех. Неунывающий народ — солдаты! Облачившись в наг-

рудники, ребята ударяли кулаками в закрытую сталью грудь и, называя друг друга «лыцарями», говорили, что они своей грудью теперь смогут раздавить и «ежака» (имелось в виду письмо запорожских казаков турецкому султану), а вот если другим местом, то, пожалуй, как и султан, не решатся.

Готовили группы к бою опытные командиры — старшие лейтенанты 120-го полка Кузьмин и Малюк. Они же перед утром повели их на штурм опорного пункта. Этот пункт обороняли около двадцати автоматчиков противника с тремя станковыми пулеметами.

С вечера завьюжило. Ветер со снегом рвал и метал. В развалинах слышны бряцанье и скрежет железа. Изредка взлетавшие ракеты едва пробивали мятущуюся снежную муть, выхватывая из темноты здания. Когда ракеты падали, тени, как живые, удлинялись, росли и вновь охватывали все вокруг стонущей темнотой.

Одетые в маскировочные халаты, с «ползунками», тоже облаченными в белые подушечные наволочки, бойцы штурмовых групп осторожно двинулись в путь. Впереди пошли, вернее поползли, толкая перед собой щиты, саперы, включенные по два человека в каждую группу. Они должны были проделать проходы в заграждениях и минных полях. Через несколько минут все скрылось в серой мгле. Все так же постреливали пулеметы, изредка к ним присоединялись автоматы, то наши, то немецкие. Так же изредка во вьюжной серой снежной пыли вспыхивали ракеты. Томительно долго тянулось время. Вдруг после короткой вспышки одной из очередных ракет сразу взлетели еще две. Там, куда пошли наши группы, немцы открыли суматошный огонь.

— Видимо, заметили наших,— проговорил стоявший рядом Дранник.

Прошло еще немного времени. Осветительные ракеты продолжали взлетать одна за другой. Не стихала и стрельба. Потом загремели разрывы гранат, сначала в

одном месте, затем в другом. Нам с наблюдательного пункта стали видны короткие вспышки, освещающие темные проемы окон, и слышны глухие звуки стрельбы, доносившиеся из здания.

— Зацепились! — сказал, с облегчением вздохнув, Гумеров, на наблюдательном пункте которого мы в это время находились. Чувствовалось, как он переживал за судьбу ушедших в темноту людей.

Бой длился три часа. Используя огонь атакующих с фронта двух групп старшего лейтенанта Кузьмина, третья группа, которую повел в обход старший лейтенант Малюк, подобралась к входу в цех и атаковала врага с другой стороны. Фашистский гарнизон узла сопротивления был полностью уничтожен, лишь несколько солдат, пользуясь темнотой, сумели, побросав пулеметы, убежать. Цех был взят. В нем насчитали 18 вражеских трупов. Мы потеряли четырех человек ранеными и двух — убитыми. Щитки-«ползунки» и нагрудники сделали свое дело. Осматривая их после боя, мы на многих из них нашли следы пуль.

Штурмовые группы 112-го полка в этот день освободили от противника листоотделочный, а группы 117-го полка уничтожили вражеский опорный пункт у тупика заводской железной дороги.

А 24 декабря наши полки, разгромив противника на территории завода «Красный Октябрь», отбросили остатки его подразделений на запад и вышли на улицу Знаменскую. На следующий день 117-й полк во взаимодействии с саперами очищал территорию завода от мин и заграждений. Было собрано 6 пулеметов, 107 винтовок и автоматов, 2 миномета, 500 гранат, 25 000 патронов, 6 телефонных аппаратов, 3000 метров кабеля и одна радиостанция подслушивания. Кроме того, были захвачены два легких танка.

Вместе с отбитой у врага станцией подслушивания была найдена тетрадь с записями перехваченных раз-

говоров некоторых наших любителей говорить по телефону и радио открытым текстом, без применения позывных и переговорных таблиц. В этой тетради были зафиксированы фамилии и позывные кое-кого из наших командиров подразделений, их планы действий, потери и другие сведения.

На виновных в несоблюдении при переговорах по радио и телефону необходимых мер предосторожности командованием были наложены взыскания. Не обошел молчанием этот случай и наш «Гвардеец». На его страницах появился фельетон «У телефона — «Шляпа»:

— «Лопух», «Лопух», я — «Шляпа», я — «Шляпа», «Лопух», «Лопух»...

— «Лопух» слушает.

— Позовите к телефону Верещагина, просит Ипполитов.

Через несколько минут в телефонной трубке раздался голос:

— Верещагин слушает. Здравствуй, Иван!

— Здорово! Слушай, «шапки» к вам уже доставлены?

— Да, но маловато.

— Больше не было. «Шапки» накормлены?

— Сейчас кормим.

— Хорошо. Вооружили их?

— Вооружили. Что нового наверху?

— Все в порядке. Здесь думают сегодня наступать. Так что с правого фланга переведите хозяйство на левый, но оставьте там один взвод. Ты понимаешь меня, а то приходится из своих слов делать шифровку.

— Я понимаю тебя. Да! Ты знаешь, сколько здесь нарубали «бревен» после вчерашнего дела? 27 «бревен» и 44 раненых.

— Здорово! А вперед продвинулись?

— Продвинулись. Хозяйство Игрекова достигло дороги.

— Так, есть потери в «спичках»?

— Немного.

— Понятно. Ну, пока. Да! Здесь меняют позывные, так что ты теперь — «Куриная слепота», а я — «Осел». Некоторые не умеют разговаривать по телефону и меняют все время позывные, а нам — привыкай к новым. Ну, до свиданья.

— Прощай.

«Лопух» и «Шляпа» повесили трубки».

Хотя в фельетоне и не указывались истинные фамилии виновников этого разговора, но от солдат не скроешь. Они все равно дознались, кто были истинные «герои» разговоров, засеченных фашистами. К виновным, да и ко всем тем, кто пытался вести подобные «шифрованные» переговоры, в дальнейшем надолго прилипали «позывные», указанные в фельетоне. Этого было достаточно, чтобы разговоры велись осторожно.

Приближался Новый год. Бойцы подводили итоги соревнования. Рос счет истребленных врагов нашими снайперами. К последним числам декабря он достиг: у Константина Рудольского — 84, у Александра Суворова — 93, у Матвея Гончарова — 57. У молодых снайперов — учеников Константина Рудольского этот счет достиг: у Шестопалова — 39, у Бутусова — 34 и у Якова Черномаза — 28. Кроме того, во время одного из декабрьских боев, когда противник стал контратаковать продвигающийся вперед 112-й полк, Яков Черномаз переполз со станковым пулеметом во фланг противнику и своим огнем отразил контратаку врага, уничтожив при этом до 40 фашистов.

27 декабря наши полки начали наступление на поселок в направлении на высоту 107,5. К полудню 112-й полк вышел на улицу Карусельную и стал наступать вдоль нее. От улицы осталось только название. Лишь кое-где на месте домов стояли полуразрушенные печи да покореженные огнем железные кровати. Наступали

разреженной цепью — от штурмовых групп на этой открытой местности пришлось отказаться. Взметая землю, рвались снаряды. Вдруг со взгорка по нашей наступающей пехоте остервенело застрочил вражеский пулемет. Рота залегла. Шедший в атаку вместе с ротой Константин Рудольский с двумя бойцами-комсомольцами бросился вперед. Обходя высоту сбоку, они ползком, по канавкам да за бугорками, на глазах у тревожно следящей за ними залегшей роты подобрались к пулемету.

Полетели гранаты — одна, вторая, третья... И сразу после разрывов Константин и его товарищи были у пулемета. Короткая схватка — пулемет повернут и бьет уже по врагу. Константиновы друзья рядом строчат из автоматов. Но что это? Константин опустил голову, и пулемет на мгновение замолк. Но комсорг тут же, прижав еще крепче приклад к плечу, снова открыл огонь. Из пулемета, как бы захлебываясь, то длинными, то короткими очередями раскаленным свинцом хлестала смерть. Пулемет, словно в лихорадке, бился и дрожал в слабеющих руках. Сквозь застилающий глаза туман он видел, как валились на дно траншеи поверженные им враги.

Громкое протяжное «Ура» разнеслось по подразделениям. Задача выполнена, и... пулемет выпал из рук Константина. Комсомольцы, лежавшие рядом, бросились к своему комсоргу. Подняли его на руки... Но было уже поздно.

Погиб Константин Рудольский — отменный комсорг, гордость дивизии, уничтоживший более 130 врагов.

КЛЯТВА

Канун Нового года. Противник, нанося удар по стыку 117-го и 112-го полков, пытался вернуть утерянные недавно позиции и несколько раз контратаковал наши подразделения. Но все контратаки были отбиты. Около 20 фашистских солдат прорвались к железной дороге восточнее улицы Белибейской. К концу дня и эта группа фашистов была уничтожена. Всего за день боя частями дивизии было уничтожено около 150 гитлеровцев. Таким было одно из последних наших донесений за 1942 год. Наступал новый —1943-й.

На переднем крае, готовые в любой момент вступить в бой, сжав в руках автоматы и винтовки, стояли дежурные бойцы и всматривались в размытые тени, расползшиеся по заснеженной земле. А рядом, в землянках и блиндажах, отдыхали их товарищи. Кто, мусоля карандаш, задумался над клочком бумаги, кто, забравшись в угол потемнее, сидит и то ли дремлет, то ли ушел в думы. Из другого угла доносился приглушенный разговор:

«Немецкий офицер спрашивает у солдат своей роты:

— Почему вы так печальны?

— А у нас большое горе, господин офицер. Ефрейтора Шмидта русские взяли в плен.

— Вы так жалеете беднягу?

— О нет! У него была единственная на всю роту пара валенок. Мы надеялись, когда его убьют, разыграть их по жребию».

Короткие смешки... И уже другой голос продолжает:

«Ефрейтору Гансу Драбке товарищ в шутку сказал:

— Ты начал карьеру по-фюрерски, он тоже был ефрейтором, так что у тебя есть что-то общее с Гитлером.

— Сам ты идиот,— обиделся Ганс».

И снова землянку осветила короткая вспышка смеха. Так в каждой землянке. А в одном из блиндажей комсорг 120-го полка Василий Сироткин собрал свой актив и читал только что полученное письмо от московских комсомольцев. В нем писалось:

«Дорогие гвардейцы — защитники города Сталинграда!

В день Нового года мы шлем вам из нашей столицы Москвы свой пламенный привет!

Победными фанфарами звучат сжатые и скромные сводки последних известий Совинформбюро со Сталинградского фронта, и в каждой строчке мы видим вашу мужественную, героическую, никем непревзойденную борьбу за Родину, за народ, за всех нас. И от всего сердца мы благодарим вас. Спасибо, родные, наши дорогие братья. Ваши подвиги будут вечно жить в сердцах всех советских людей.

Ваша замечательная борьба с врагом вливает в нас новые силы и воодушевляет на еще более упорную работу в помощь фронту.

Желаем вам в Новом году счастья и сил и скорейшей победы над врагом.

Письмо подписали комсомольцы из бригады Жукова — Житков, Алексеев, Звонарев, Пучков, Калюжный, Хомутов, Панов, Тункевич и Астафьев».

Прочитав письмо, комсомольцы стали собираться на почетную вахту — им сегодня доверили нести новогод-

нее дежурство на переднем крае. Это поручалось лучшим.

В это время на наблюдательном пункте артиллеристы-разведчики готовили данные для праздничного, новогоднего «салюта» по позициям врага.

Пришедший в штаб начальник клуба старший лейтенант Халютин сообщил неожиданную новость. Только что прибыла из штаба армии бригада московских артистов. Они разойдутся по частям и будут всю ночь ходить в землянки и выступать перед бойцами. Решили, что слушать их бойцы будут в две смены. Пока перед одной сменой будут выступать артисты, вторая будет давать свой огневой концерт — налет по фрицам — пусть тоже не скучают.

Не обошли артисты и нашу землянку. Собрались все свободные от несения службы бойцы и командиры. В центре, освещенном неровным светом коптилки, пела наша гостья. Пела негромко, от души:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Окончилась первая песня. Кто-то один захлопал было в ладоши, но это так не гармонировало с обстановкой, что любитель шумных аплодисментов моментально стих. Песни следовали одна за другой с небольшими перерывами. «Землянка»... «Любимый город»... «Синий платочек»... Споет артистка одну песню — замолчит, как бы давая усвоить и пережить услышанное. Молчит она — молчат бойцы. Потом слышатся какие-то полуслова-полувздохи... И снова — песня.

Чистый голос звучал, возбуждая и успокаивая. Куда-то отодвигалась война. Веяло родным и знакомым. Потом, вместе с лютой ненавистью к врагу, подходила тяжелая действительность.

Неожиданно в землянку ворвался гул канонады.

— С Новым годом!

Все встали и поздравили друг друга. Вышли из землянки и поднялись на наблюдательный пункт. Вместе с нами туда вышла и артистка. По позициям гулял огненный смерч. Потом снова спустились в землянку. Но песня уже не шла. Просто сидели и разговаривали, вспоминали...

Давно проводили гостей. Лежу на нарах. Рядом мои неразлучные друзья — Николай Никонов и Сергей Блинов. Делимся думами. Вспоминаем вместе пережитое. Уснули только к утру.

2 января нам сообщили, что в штаб армии доставлено из Москвы Красное гвардейское знамя для нашей дивизии и что завтра эту дорогую реликвию командующий армией вручит нам. Командир дивизии приказал передать в полки распоряжение: подобрать из лучших бойцов команды и выслать их завтра утром к штабу дивизии для включения в состав Почетного караула.

Все пришло в движение. Бойцы пришивали воротнички и начищали сапоги. Шутка ли, Почетный караул! Кипела работа и в музыкантском взводе. Ведь ему предстояло завтра, впервые за долгие месяцы Сталинградской битвы, выступать в своем собственном амплуа. Среди музыкантов был и Гриша Тайгунов, усердно начищающий свою трубу. Потом до позднего вечера из землянок музыкантского взвода доносились приглушенные звуки труб репетирующих музыкантов.

Наступило морозное утро 3 января. Под крутым волжским обрывом построились представители частей дивизии, прибывшие прямо из боя, грохотавшего совсем рядом. В 12.00 показались идущие к нам — командующий 62-й армией генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков и член Военного совета генерал-лейтенант Кузьма Акимович Гуров. Торжественно и вдохновенно зазвучал «Интернационал». Командир дивизии генерал-майор Степан Савельевич Гурьев и его заместитель

по политической части полковник Федор Филиппович Чернышев встретили командующего.

Приняв от Чуйкова знамя, наш генерал развернул его. Полыхнул огненным кумачом стяг, а на нем — светлый образ дорогого всем Владимира Ильича. Опустившись на колено, Гурьев прижал к губам бархатное полотнище. Вслед за командиром дивизии на колени встали все стоящие в строю и стали повторять за генералом клятву.

Глядя на коленопреклоненных солдат, я видел, как суровы их лица. Враг, поправший нашу землю, хочет отнять у них мечту, хочет отнять у них Родину. И они говорят:

— Клянемся пронести это знамя сквозь всю войну, под этим знаменем бить врага, как бил его Суворов, и выйти победителями!

И мы сдержали клятву. Не все, стоящие здесь на коленях, дошли до Победы, но, передавая знамя из рук в руки, мы донесли его до Берлина.

К вечеру генерал приказал собрать командиров полков: ставилась очередная боевая задача. Известив части, мы вместе с начальником штаба Зализюком пошли к землянке комдива. Гурьев стоял возле входа и сапогом раздувал самовар. Когда подошли к нему, он, улыбаясь, проговорил:

— Старый дедовский способ. Промерз на наблюдательном пункте, захотелось погреться, а у ординарца самовар не разгорается. Приходится самому.

Плотный, кряжистый, в валенках и в своей неизменной кожанке, он с улыбкой встречал офицеров. Пришел командир 112-го полка подполковник Василий Андреевич Лещинин. Это он впоследствии сменил Гурьева, когда тот пошел командовать корпусом. Показался пробирающийся со стороны мартеновского цеха командир 120-го полка, усатый и потому похожий на Тараса Шевченко, майор Исхак Идрисович Гумеров. Он только

в начале декабря принял полк от Мазного, а уже зарекомендовал себя как дельный и храбрый командир. Прибыли и все остальные офицеры.

Подошли, окружили Гурьева — что ни человек, то легенда. Люди с упрямым характером и сильной волей. Они как-то постепенно подбирались и накапливались в дивизии, группируясь вокруг Гурьева. Он притягивал их, как магнит притягивает железо.

Когда все собрались, генерал заговорил:

— Пойдемте в землянку. Здесь становится темно, и чай, кстати, поспел, а ребята каши наварили, пшенной, гурьевской каши. Бывало, в детстве на сенокосе, отец сделает тюрю из кваса с хлебом и зовет: «Садитесь, мужики, гурьевской каши отведаем». Неважно жили. Хозяйство было бедняцкое. Потом братья мои ушли на заработки, на близлежащие Липецкие рудники, а за ними, окончив четырехлетнюю школу, двенадцатилетним мальчишкой, вскоре подался продолжать свое образование туда же и я. Хорошей оказалась школа. Вышел из нее я в 1918 году с аттестатом бойца Красной Армии. Ну, соловья баснями не кормят. Пойдемте, погреемся да обмозгуем план действий на завтра.

Напоив всех чаем, генерал стал совместно с командирами частей обдумывать, как с нашими более чем скромными силами выбить противника из зданий промкомбината и выйти на улицу Рабочую, а в дальнейшем овладеть высотой 107,5.

По мере продвижения наших подразделений вперед и освобождения заводского поселка от гитлеровцев перед нами все больше раскрывалась звериная сущность фашизма. Все чаще повторялись случаи, когда в подвалах или разрушенных зданиях, освобожденных от врага, перед вступившими туда бойцами открывалась страшная картина издевательств и глумления над нашими людьми, попавшими в руки фашистов.

Так, в частности, было и 11 января, когда в подвале

отбитого у врага здания было обнаружено двенадцать зверски изуродованных трупов командиров и красноармейцев. Документов при них не было, и установить личность замученных не удалось.

Комиссия в составе военврача третьего ранга М. Г. Джафарова, старшего лейтенанта И. П. Бабенко, младшего лейтенанта Тарасова, красноармейца Костина, младшего лейтенанта Чистякова и военфельдшера П. Е. Щербакова, осмотрев трупы, записала следующее:

«1. У старшего лейтенанта вырезана губа, в четырех местах поврежден живот, на голове в двух местах вырезана кожа.

2. У красноармейца выколот глаз, отрезаны уши, вырезаны до костей обе щеки.

3. У девушки (изнасилована и убита) вырезана грудь, отрезана нижняя губа, выколот глаз.

4. У красноармейца разбито лицо, выколот левый глаз, голова вбита между чугунной трубой и стеной, правая рука вывернута, ноги обожжены.

5. У старшего лейтенанта отрезано левое ухо, выколоты оба глаза, перебита переносица.

6. У лейтенанта выколоты оба глаза.

7. У красноармейца выколоты оба глаза.

8. У красноармейца выколоты оба глаза и отрезано ухо.

9. У старшего лейтенанта отрезаны губы и выколоты оба глаза.

10, 11 и 12. У красноармейцев выколоты глаза и у всех изуродованы холодным оружием лица».

Если вдуматься, то легко можно себе представить, что происходило в этом блиндаже. Вот красноармеец, записанный в акте под № 4. Ему задавали вопросы. Может быть, всего один вопрос — сколько в роте солдат? А он отвечал «не знаю» или молчал. Его избивали. Разбили лицо. Когда боец очнулся, ему снова задавали все тот же вопрос. Ему выкручивали руки, потом жгли но-

ги, а ответа на нужный им вопрос не получали. Он только сверлил их ненавидящим взглядом. Они сходили с ума от этого взгляда и выкололи ему глаза. Их бесила его стойкость, и они вбили его голову между трубой и стеной.

А за что, спрашивается, фашисты выкололи глаза у командиров и бойцов, помеченных в акте под номерами 5, 6, 7, 8, 9?

Кто она, девушка, отмеченная в акте под № 3,— санитарка, разведчика или связистка? Неизвестно. Не узнали этого и враги. Потому что девушка, видимо, отказалась отвечать на их вопросы.

Мы находили подвалы, в которых сидели, обхватив руками колени, обнаженные, замерзшие, обледенелые люди. Кто они, эти попавшие к извергам в руки? На теле многих были раны. Чего хотели от них? Заставить говорить? Или это были звериная лютость, дикое варварство? Собственно, суть не в этом. А факт остается фактом: гитлеровцы бесчеловечно обращались с советскими людьми.

Фашисты не понимали советских людей, не понимали истоков их мужества и стойкости. Они выходили из себя, зверели. Они хотели подавить в наших людях волю к сопротивлению, а получалось наоборот. На все их зверства наши бойцы отвечали еще большим сплочением своих рядов и новыми проявлениями героизма.

Вскоре после этого большая группа бойцов и командиров соединения была награждена орденами и медалями. Среди них и старший сержант Елена Сергеевна Кандыба. Она награждена орденом Красной Звезды, а незадолго до этого, перед праздником 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, ей в числе других бойцов, выделяющихся своей отвагой, доверили от имени дивизии подписать письмо товарищу Сталину. Такое доверие она заслужила своими ратными подвигами.

Сами бойцы говорили:

«Она у нас и стрелок, и санитарка, и связистка. Недавно во время жестокого боя разрывом снаряда разрушило наш окоп. Обвалившаяся земля засыпала связиста. Мы отбивали атаки, а Лена проворно работала лопатой. Кругом рвались мины. Снаряды взрывали землю, и она разлеталась вместе с осколками. Лена не обращала внимания на беснующуюся вокруг смерть и, все убыстряя свои движения, разрывала землю. И вот работа закончена. Откопанный и приведенный ею в сознание связист говорит:

— Я никогда не забуду тебя, Лена! Как мне благодарить тебя?

— Еще крепче бей немцев!— сказала она и побежала в другой конец траншеи, где ее ждали раненые. День так короток, а у нее столько забот».

Готовясь разрабатывать план нового боя, я пошел на наблюдательный пункт, где в то время дежурил начальник разведки 1-го дивизиона старший лейтенант Владимир Титович Пивоваров. Вместе с ним у телефона находилась связистка Галя, бурятка из Читы.

Пивоваров доложил мне, какие цели и огневые точки противника он засек на интересующем меня участке обороны перед высотой 107,5, и я стал изучать этот участок в стереотрубу.

Центром вражеского узла сопротивления была маячившая впереди школа № 5, вернее, руины ее. Сохранились лишь остатки стен, поднимавшихся над холмом битого кирпича. Из окон приспособленного для обороны подвала фашисты стреляли из пулеметов и автоматов.

От школы на северо-запад уходил отрог оврага, который служил гитлеровцам хорошим подступом и связывал их опорный пункт с ближайшими тылами. Около оврага, как часовой, стояла железобетонная трансформаторная будка. Фашисты, пробив в ее стенах бойницы,

создали мощную огневую точку. В школьном дворе, изрытом окопами, была видна еще одна дерево-земляная огневая точка (ДЗОТ). Все пространство перед школой и оборонительными сооружениями было густо опутано колючей проволокой и прикрыто минными полями. Из показаний пленных мы знали, что узел сопротивления у школы №5 обороняют около 120 гитлеровцев.

— Твердый орешек предстоит нам разгрызть напоследок,— проговорил стоящий около меня Пивоваров.

— Да! И притом очень хорошо придется поработать вам, артиллеристам. Бить надо орудиями, стоящими на прямой наводке,— ответил я Пивоварову.— От вас будет зависеть успех всего дела. Удар мы наносить будем, конечно, не в лоб, а обходным путем обойдем школу с южной стороны, поэтому первоочередной задачей артиллеристов будет разбить вдребезги трансформаторную будку.

Пока мы изучали передний край противника, к телефонистке подошла Маша Статных. Она с Галей дружила, и их часто в свободное время можно было видеть вместе. Вот и сейчас, пользуясь затишьем, они вели задушевную беседу. Временами они умолкали, задумчиво смотрели на ясное, солнечное сталинградское небо.

«О чем они думают? Где витают их мысли?» — невольно задал я себе вопрос, проходя мимо.

А девушки-бойцы, склонив друг к другу головы, заговорщически продолжали шептаться. Лица их на морозе разрумянились, и чувствовалось, что они за разговором забыли и о войне, и о тяжелой действительности, окружающей их.

На другой день действующие на нашем левом фланге подразделения полка Лещинина, наступавшие по улице Библиотечной, вышли на окраину города. Отступавшие под их напором гитлеровцы вдруг заметались и

стали, бросая оружие, целыми группами поднимать руки. Недоумение наших бойцов рассеялось, когда через несколько минут из-за пригорка с криком «Ура!» показались бойцы, наступавшие нам навстречу со стороны Дона. Это были подразделения 233-й стрелковой дивизии. Ликованию не было конца. Наши бойцы обнимались и целовались. Потом начался обмен шапками и рукавицами.

Соединение фронтов состоялось, но группировка фашистов, окруженная в заводском поселке, еще продолжала сопротивляться. Отказался капитулировать и гарнизон, обороняющий школу № 5. Для ликвидации этого узла сопротивления из состава 120-го полка создали несколько штурмовых групп, возглавить которые было приказано старшему лейтенанту Вялых.

Жарко было в тот день. Метр за метром отвоевывали бойцы у врага, школа уже рядом, хорошо видны ее разрушенные стены, за которыми укрылись фашисты. Но взять их не дает огонь строчивших беспрерывно пулеметов из трансформаторной будки. И какова была радость штурмовавших школу бойцов, когда они увидели, как меткими выстрелами из орудия, поставленного на прямую наводку, трансформаторная будка рухнула, поглотив под обломками фашистских солдат. Путь к засевшим за руинами школы гитлеровцам был свободен, и мы поднялись. С криками «Ура!» бойцы стали окружать со всех сторон фашистов. Им было предложено сдаться без боя. Но немцы, видно, знали, что им не поздоровится, уж очень чувствовали за собой вину за те жертвы, о которых я говорил, не сдавались.

Тогда наши огнеметчики, подорвав противотанковой гранатой дверь, направили в подвал струю огня... Опорный пункт врага в районе школы № 5 был ликвидирован, и наши полки, очищая от противника квартал за кварталом, стали продвигаться к Красным казармам.

Бои продолжались до самого победного 2 февраля. А в этот день бой с последней группой противника, засевшей в Красных казармах, вел батальон Космакова. И тут фашистам было предложено сдаться в плен. Зачем лишние жертвы, ведь ясно, что драться бессмысленно! Но командование немецкой группы отказалось складывать оружие. Тогда батальон начал штурм. Бойцы перебежками продвигались вперед и накапливались в овражке. Остался один бросок. С криком «Ура!» одна рота устремилась вперед. В окна домов полетели гранаты. Фашисты продолжали огрызаться. Ранило в ногу сержанта. Санинструктор батальона Люда Жуковская наложила ему жгут на ногу и сделала перевязку. Сержант застонал. Девушка, продолжая перевязывать, начала успокаивать его:

— Ну потерпи немного, родной, сейчас будет легче...—и упала, сраженная вражеской пулей — одной из последних пуль, выпущенных врагом в боях за Сталинград.

Отважную комсомолку Людмилу Брониславовну Жуковскую знала вся наша дивизия. В ноябре и декабре, когда батальон Космакова выбивал фашистов из цехов завода, Людмила под градом пуль и разрывами снарядов спасала жизни десяткам раненых бойцов. Она перевязывала их и выносила из самого пекла боя. На обратном пути забирала боеприпасы и доставляла их на передовую линию. В свободное время, когда не было раненых, Люда набивала диски к ручным пулеметам и автоматам. А в начале января, когда завод был очищен от врага и бой шел в поселке, батальон вклинился в оборону противника. Справа и слева враги... Связной командира батальона убит. В вырвавшиеся вперед роты надо было передавать приказания, и вот за это дело взялась Людмила. Трижды ходила она на переднюю линию с приказами комбата. И потому даже в самые тяжелые часы боя, атак, наступления уп-

равление подразделениями не нарушалось. За отвагу, проявленную в одном из боев, Людмила Жуковская была представлена к правительственной награде. А сегодня мы потеряли ее.

Закончились, наконец, бои. 3 февраля на заводском дворе состоялся митинг. С докладом перед бойцами выступил Петр Иосифович Зализюк. Затем командир дивизии передал «завод» директору П. А. Матевосяну и пожелал успеха в быстрейшем восстановлении цехов.

У всех было праздничное настроение. Наши бойцы, привыкшие ходить нагнувшись и ползать по траншеям, выпрямились и стали казаться даже выше ростом. На пригорке, около разрушенного дома, стоят и улыбаются Маша Статных и Галя, рядом с ними — Федор Сидоренко. На груди его блестит орден Ленина, которым правительство наградило его за беспримерное мужество. На груди у Маши алеет орден Красной Звезды. Стоят, а мимо них нескончаемым потоком идут в плен сгорбившиеся, закутанные в тряпье гитлеровцы.

В понедельник 4 февраля наша дивизия приступила к работам по очистке территории завода. Для того чтобы читатель лучше мог понять, что собой представлял заводской двор, я хочу воспользоваться словами постороннего наблюдателя, посетившего в те дни завод «Красный Октябрь»,— английского журналиста А. Верта:

«На заводе «Красный Октябрь»... заводские дворы и даже помещения цехов были изрыты окопами... на дне окопов лежали замерзшие зеленые трупы немцев, серые трупы русских и мерзлые куски человеческих тел. Среди обломков кирпичей валялись советские и немецкие каски, до половины наполненные снегом. Здесь была колючая проволока, и полузасыпанные мины, и снарядные гильзы, и причудливая путаница искореженных стальных ферм. Трудно было себе представить, как кто-то мог остаться в живых в таких условиях. Один из

русских показал на стену, на которой было написано несколько имен. Возле этой стены одна из советских воинских частей полегла до единого человека (это был наш отдельный пулеметный батальон.— **В. И.**). Теперь же в этом окаменелом аду все молчало и было мертво, как будто буйный сумасшедший внезапно умер от разрыва сердца»*.

И вот нам теперь предстояло все это привести в более или менее «божеский вид». До 17 февраля подразделения дивизии хоронили погибших, собирали трофейное оружие, разминировали минные заграждения и снимали колючую проволоку.

В «божеский вид» надо было приводить не только территорию завода, а и весь личный состав дивизии. Сразу после окончания состоявшегося 3 февраля митинга Степан Савельевич подозвал к себе своего заместителя по тылу подполковника И. Н. Зотова и его помощника по снабжению старшего лейтенанта А. С. Мартыненко и сказал:

— Посмотрите на наших героев, сколько на них пороховой пыли и на что похоже их обмундирование. Только по радостным глазам да гордой походке можно узнать победителей. Немедленно приступайте к тому, чтобы и внешний вид гвардейцев соответствовал их высокому, завоеванному в боях званию. Как у нас обстоят дела с запасами обмундирования?

— Не очень хорошо, товарищ генерал, но мы сделаем все возможное и даже невозможное, чтобы выполнить ваш приказ.

На следующий день началась поочередная санитарная обработка подразделений. Построенная в откосе берега Волги баня работала круглые сутки. Менялось протертое и замызганное, пришедшее в ужасный вид

---

* Верт А. Россия в войне 1941—1945. «Прогресс», М., 1967, с. 405—406.

обмундирование. Сказались многомесячная жизнь в окопах, перебежки и переползания в чаду и пыли, среди разрывов.

Что можно было отремонтировать — ремонтировали. Стирали. Совсем негодное заменяли новым. Устраняли разнобой в форме обмундирования подразделений, чтобы не было так, что во взводе один боец в шинели, второй — в ватной куртке, третий — в полушубке, четвертый — опять в ватнике, но уже другого образца, и так далее.

А 18 февраля подали машины, и дивизия начала перебазироваться в заволжские леса, в район хутора Тутовый. Туда, где размещался и непрерывно работал наш 42-й медико-санитарный батальон.

У меня появилась возможность увидеться со своей сестренкой Сашей.

— Вы кого ждете? — по уральскому говору я, еще не оборачиваясь, узнал командира санитарной роты Бориса Васильевича Старкова. Этого спокойного высокого белокурого человека я знал еще по 5-му воздушно-десантному корпусу.

— Вот зашел, чтобы узнать, как найти свою сестренку.

— Где она живет, я вам сейчас покажу. Пожурите ее, уж очень она не бережет себя.

Об истинной причине столь ревностной заботы друг о друге со стороны Бориса Старкова и моей сестры я стал догадываться много позже, примерно через год. Тогда, когда Старков был во время боев на Днестре тяжело ранен, а сестренка с покрасневшими глазами дни и ночи выхаживала его. Окончательно убедился в правоте своих «подозрений» я уже после окончания войны, когда Саша стала Старковой.

Как-то, накануне переезда в Тутовый, мы с Сергеем Ивановичем Блиновым возвращались из 112-го полка в штаб дивизии. Перейдя через железнодорожное по-

лотно, вышли на дорогу, по которой продолжали еще тянуться колонны пленных. Тут же, немного в стороне от дороги, около железнодорожной насыпи мы увидели торчащие из снега, установленные в рядок велосипеды. Их было несколько сотен.

Подошли к велосипедам. На руле одного из них висела дощечка, повешенная нашими саперами: «Разминировано». Посмотрели — велосипеды французские, различных марок.

— Небось отобрали у населения,— продолжил свою мысль Сергей Иванович.— Оккупировали Францию, стали готовиться к походу на Россию. Глянули на карту, на бескрайние российские просторы — как по ним шагать? А тут по Парижу французский парнишка Жан на велосипеде катит. «Отобрать!» — вскричал обрадованный фюрер. И отобрали велосипеды у французов.

Прав оказался тогда Сергей Иванович. Много лет спустя, читая книгу начальника генерального штаба немецкой армии Ф. Гальдера «Военный дневник», я узнал, что, готовясь к войне против России, фашисты отобрали у населения Франции для нужд своих сухопутных войск 50 тысяч велосипедов.

Но гладкими наши просторы казались им лишь на картах. Забыли фашистские главари про поговорку: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Далеко, к самой Волге, пробились фашисты, и велосипеды привезли. Все хорошо: и заволжские степи рядом, и лето близко. Как прекрасно по ровной цветущей степи на велосипеде мчаться! А вышло, что поторопились. Не пригодился отобранный у Жана велосипед. Пешком пришлось брести по Заволжью.

НА ПУТИ К БЕРЛИНУ

После окончания Сталинградской битвы наша дивизия, как и все дивизии 62-й армии, оказалась в глубоком тылу. Бои шли уже где-то под Харьковом, когда мы, передохнув в одном из тыловых районов, пополнив немного свои ряды, погрузились в эшелоны и тронулись догонять фронт. Начался нелегкий и далекий путь к Берлину.

В дороге мы узнали, что за мужество, проявленное в сражениях за Сталинград, наша дивизия награждена орденом боевого Красного Знамени. После выгрузки из эшелонов в городе Купянске орден от имени правительства генерал В. И. Чуйков прикрепил к нашему гвардейскому знамени...

Незаметно пролетели дни, отведенные на подготовку к предстоящему наступлению на Барвенково. Мы отрабатывали уже последние детали плана предстоящего боя, когда к нам на командный пункт прибыли командующий Юго-Западным фронтом Р. Я. Малиновский, командующий 8-й гвардейской армией В. И. Чуйков, С. С. Гурьев, которого к тому времени назначили командовать корпусом.

Преодолевая один рубеж за другим, наши части подошли к Барвенково и в 5.30 10 сентября 1943 года овладели городом. За доблесть и мужество, проявленные воинами дивизии в этих боях, 39-й гвардейской

стрелковой дивизии приказом Верховного Главнокомандующего присвоено наименование «Барвенковская».

За освобождение города Запорожья наша дивизия была награждена вторым орденом боевого Красного Знамени.

С 15 по 18 октября части дивизии вели бои за очищение плавней от оставшихся там небольших групп противника. А 19 октября, сдав оборону 244-й стрелковой дивизии, мы форсированным маршем перешли в район села Татарка и стали готовиться к форсированию Днепра.

И к утру 23 октября в штаб корпуса пошло донесение о том, что дивизия к форсированию Днепра готова. Немцы, конечно, чувствовали, что мы готовимся к штурму их укреплений, но притаились и молчали. Создавалось впечатление, что оборона противника на противоположном берегу довольно слаба. Однако нам было известно, что на рубеже Днепра враг подготовил мощный оборонительный рубеж — «Восточный вал».

Для того чтобы раскрыть систему фашистской обороны, наши разведчики сутками не уходили со своих наблюдательных пунктов.

Наступила темнота. Наша артиллерия прекратила огонь. Противник тоже постепенно успокаивался. Только изредка взлетающие ракеты освещали широкую реку. Бросалось в глаза, что особое внимание противник уделял отмелям и плавням того района, где днем была произведена попытка форсировать Днепр нашими разведчиками.

А в 23.00 от нашего берега вновь отчалили и ушли в темноту ночи лодки с десантом. В них были лучшие бойцы разведывательной роты дивизии и 120-го полка. Их повели капитан Степан Алексеевич Платонов и лейтенант Андрей Иванович Тупицын. С этой группой ушли в ночь и связисты лейтенанта Петра Цибаня. Переправой руководил майор А. И. Шульгин.

Десант незаметно приближался к вражескому берегу. Бойцы первой десантной группы высадились еще не достигнув берега. Лодки пошли назад, за новой группой, а десантники, по грудь в ледяной воде, стали вброд подбираться к берегу. Вот они уже у проволочного заграждения. В ход пошли прихваченные с собой штурмовые лестницы и доски. Их приготовили еще накануне и теперь притащили на буксире. Работая в темноте, разведчики преодолели заграждения и вскоре были у кручи.

Настала решающая минута... И вот начался штурм. Бойцы, кто по лестницам, кто по каменистым выступам, стали взбираться на крутой берег. Немцы хватились и открыли огонь, когда наш передовой отряд уже подобрался вплотную к их траншее. Завязался бой, в немцев летели гранаты.

Первыми ворвавшимися во вражеские окопы были разведчики сержанта Александра Парадовича. В рукопашной схватке они заставили фашистов отступить. А в это время все новые и новые группы наших воинов подходили на помощь. Впереди шли коммунисты и комсомольцы. В числе переправившихся на плацдарм бойцов был и заместитель командира полка по политической части майор Петр Афанасьевич Кашпуров. Плацдарм расширялся. Вскоре в эфир пошло первое донесение командиру полка о том, что восточная окраина деревни Старые Кайдаки в наших руках.

С рассветом фашисты начали яростные контратаки.

В рядах защитников захваченной траншеи находилась переправившаяся вместе с группой санинструктор Вера Кащеева. Перевязывая раненых, она брала патроны у тех, кто не мог вести огонь, и передавала их бойцам, отражающим атаки.

Через некоторое время Сиротинкин увидел, что левее их враг накапливает силы для нанесения флангового удара по основным силам их батальона.

Надо было срочно сообщить об этом командиру и артиллеристам, но связи не было, потому что при форсировании приданная его группе радиостанция была разбита и пошла ко дну.

Командир решил послать нарочного, который, добравшись до обрыва берега, смог бы, прикрываясь им, дойти до батальона и передать о грозящей ему опасности.

А немцы продолжали наседать. Кого послать? Решили — Веру Кащееву.

Под огнем противника, рискуя жизнью, она выскочила из окопа и короткими перебежками удалялась в сторону Днепра. Бойцы с тревогой следили за ней. До берега оставалось совсем немного. Еще бросок — и все. Но тут застрочили из разных точек пулеметы. И у самого обрыва Вера упала. Прошло несколько томительных секунд. Все думали, что она погибла, но, увидев, что Вера вновь поползла и скрылась под кручу, облегченно вздохнули.

Последовавший вскоре огонь наших минометов и артиллерии по скоплению противника в лощине показал, что Вера свою задачу выполнила. Потом мы узнали, что перед обрывом Кащеева была ранена и, когда скатилась вниз, к берегу, поняла, что бежать уже не сможет. Однако опасность, нависшая над флангом родного батальона, толкала ее вперед. Оставляя кровавый след на прибрежном песке, Вера поползла и добралась до ближайшего подразделения, через которое передала комбату о готовящейся атаке врага. Ей помогли перевязать рану, а когда противник стал наседать и появились раненые, Вера, преодолевая боль, стала оказывать помощь другим.

В следующую ночь Днепр форсировали все остальные силы полков. К 8.00 25 октября населенные пункты Лоцманская Каменка и Старые Кайдаки были в наших руках. Командиры полков Юрий Макарович Маз-

ный и Виктор Михайлович Штриголь руководили боем уже с плацдарма.

Наступление успешно развивалось. Во взаимодействии с частями, наступающими с севера, наши полки к концу дня очистили Днепропетровск от врага.

За героизм, проявленный в этих боях, 17 человек нашей дивизии были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Орден Ленина и Золотую Звезду получили: начальник политотдела дивизии Никольский Николай Сергеевич, командир 120-го полка Мазный Юрий Макарович, зам. командира 120-го полка по политической части Кашпуров Петр Афанасьевич, командир 112-го полка Штриголь Виктор Михайлович, командир батальона Ялугин Павел Владимирович, командир батальона Гореленков Алексей Иванович, агитатор полка (посмертно) Рудниченко Иван Андреевич, зам. командира по политической части Беляев Владимир Александрович, зам. командира по политической части Сиротинкин Василий Иванович, командир саперного батальона Шульгин Александр Иванович, командир роты Молдагалиев Жанзы Акимович, медицинская сестра Кащеева Вера Сергеевна, командир разведывательного взвода Тупицын Андрей Иванович, командир взвода связи Цыбань Петр Федотович, командир отделения разведчиков Парадович Александр Иосифович, командир отделения Гельмутдинов Гайфутдин, разведчик Чурочкин Иван Алексеевич.

Начались бои за правобережную Украину.

Отбивая контратаки врага, геройски погибли Герой Советского Союза командир роты Жанзы Молдагалиев и 19 бойцов его роты. Похоронили их у станции Елизарово. В боях за правобережье погиб Герой Советского Союза майор Кашпуров. Потеряли мы и нашего разведчика — капитана Николая Оськина, моего неразлучного спутника и друга с самого начала Сталинградской битвы.

Разделяя между собой радость побед и горечь утрат, наша дивизия совместно с 47-й, в которую меня перевели начальником штаба, громя врага и в дождь и в стужу, шагала вперед по нелегким фронтовым дорогам все дальше и дальше. Освобождали город за городом, поселок за поселком сначала на своей территории, потом в самой Германии и закончили свой поход в Берлине.

27 апреля 1945 года в 11.00 1-й батальон 112-го гвардейского стрелкового полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии овладел зданием Берлинской ратуши и водрузил над ней наш советский флаг.

Прошли годы. Разъехались по стране солдаты. На далеком Алтае живет и работает Маша Статных, в Апшеронске — Михаил Иванов, старшина сверхсрочной службы Тайгунов продолжает службу в Красноярске, в Волгограде варит сталь на заводе «Красный Октябрь» Володя Харченков. Гвардейцы не сдают своих позиций, они и сейчас в строю, им и сейчас всегда некогда. Но фронтовая дружба и товарищество тянут их друг к другу и к местам боев. Они все годы мечтали о встрече. И вот такая встреча состоялась. Они приехали в Волгоград.

Застыли с автоматами в руках пионеры, стоящие на посту № 1 — у Вечного огня на площади Павших борцов. Седой ветеран смотрит вокруг. Смотрит на пламя. Вглядитесь в его лицо, в его увлажненные, направленные в одну точку глаза. Что видят они?

...Пляшут, рвутся и переплетаются на ветру языки огня. Колеблется и дрожит бликами нагретый воздух. На темном фоне звезды в этом дрожащем воздухе между языками пламени видятся ему перебегающие солдаты. В одном из них он узнает себя.

Ветераны дивизии на Мамаевом кургане.

Вот он бежит, бежит, сжав до боли в суставах винтовку. Пули, как шмели, вьются над головой. Пробежав несколько шагов, он падает, откатывается в сторону, ползет, стреляет, быстро осматривается, выбрав момент, снова бежит вперед. Свистит мина, он отскакивает в сторону, прячется в воронке и стреляет в фашистов. Бросаясь вперед, он видит, что товарищ, лежавший недалеко от него, остался на месте.

Ветеран, как бы очнувшись, встряхнул головой, поправил волосы и, достав из кармана платок, вытер им глаза...

Быстро мчится автобус. Мелькают дома и утонувшие в зелени улицы. Ветераны изумленно смотрят в окна и не узнают города. Воспоминания снова овладели ими. Очнулись, когда кондуктор громко объявила:

— 39-я гвардейская!

Выйдя из автобуса, ветераны осматриваются вокруг. Невдалеке, в какой-нибудь сотне метров, за забором стоят величественные корпуса огромного металлургического завода. Оттуда доносится неясный гул. Дымят высокие трубы. Все это чем-то напомнило бойцам о жестоком бое, который они вели здесь, среди развалин. А бой на заводе действительно продолжается — бой за могущество и величие нашей Родины. Он начался тогда, в 1943 году, когда директор П. А. Матевосян, принимая завод от нашей дивизии, сказал:

— Есть Сталинград — будет и сталь!

На встречу прибыли ветераны с Украины и Кавказа, из Ленинграда и Москвы, из далекой Сибири и Белоруссии. Прибыли бывшие бойцы и командиры многих подразделений дивизии: Дубровский, Статных, Мазный, Золотов, Цивцивадзе, Куликов, Гумеров, Лузан, Королев, Кузин, Макаева, Мызин и многие-многие другие. Он помогли мне своими воспоминаниями. В своей книге я стремился как можно шире охватить круг лиц, совершивших свои подвиги в славных рядах подразде-

лений 39-й гвардейской дивизии. Но, как бы я ни хотел этого, упомянуть обо всех известных мне бойцах и командирах невозможно. Поэтому, дорогой мой однополчанин, прочитав эту книгу, знай, что и ты незримо присутствуешь в центре описываемых событий. Это ты под шквалом огня и свинца перебегаешь в красном тумане кирпичной пыли от одной кучи развалин к другой. Это ты слился в единое целое со стальным слитком у пролома в стене цеха, слился так, что врагу кажется, будто пули летят в него не из твоей винтовки, а из самого слитка. Знай, что когда я писал об одном бойце, то думал обо всех вас, стоявших рядом. Второстепенных лиц в этом, длившемся пять месяцев бою не было. Все были главными героями. Ведь это был Сталинград!

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Михайлович Ионов

НЕПРИСТУПНЫЙ БАСТИОН

Литературная обработка **В. И. Пулина**

Редактор **В. С. Мельников**
Художник **Ю. М. Теплов**
Худож. редактор **Е. И. Савельев**
Техн. редактор **З. З. Чигарева**
Корректоры **Е. С. Лепехина, Н. В. Филимонова, Т. И. Запирина**

71

НМ 12040. Сдано в набор 2/VII 1976 г. Подписано к печати 23/XI 1976 г. Бумага тип. № 3. Формат 70×108[1]/32. Печ. л. физ. 5. Печ. л. усл. 7. Уч.-изд. л. 6,99. Тираж 15 000. Заказ 213. Цена 30 коп.

Нижне-Волжское книжное издательство.
Волгоград, ул. Невская, 6.
Типография издательства «Волгоградская правда».
Волгоград, Привокзальная площадь.

Ионов В. М.

И75 Неприступный бастион. Волгоград, Ниж.-Волж. кн. изд -во, 1977.

160 с. с ил. (Подвиг Сталинграда бессмертен).

Автор, бывший заместитель начальника штаба 39-й гвардейской стрелковой дивизии, воскрешает одну из славных страниц героической и·тории Сталинградской битвы — бои в районе завода «Красный Октябрь».

И $\frac{11202-019}{М151(03)-77}$ 2—77 **9(с)272**

библиотека
Беспалова
СССР

30 к.

ПОДВИГ СТАЛИНГРАДА БЕССМЕРТЕН

В. М. ИОНОВ

НЕПРИСТУПНЫЙ БАСТИОН